ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 41 ОКТЯБРЬ 1986

ФЕНОМЕН ДИКУЛЯ

НОДАР ДУМБАДЗЕ «ТАМЕРЛАН»

СУДЬБА КУИНДЖИ

СИАМСКАЯ ПРИНЦЕССА КАТЯ ДЕСНИЦКАЯ

«МУЛЬТПАННО» — ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

СЕГОДНЯ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

Экспонаты этой выставки больше всего интересуют садоводов.

САДЫ НА ВОЛЖСКИХ

Кто-то выходит к околице пообщаться, а кто-то спешит с урожаем в город к внукам.

С каждым годом все больше людей проводят свой отпуск, выходные дни с семьями на дачах, где можно и поработать на садовом участке в удовольствие, и отдохнуть на свежем воздухе. Но как бы ни было велико число владельцев дач, потребность в садовых участках пока еще удовлетворена далеко не полностью.

Ульяновская область не исключение. Потому там сейчас создаются садоводческие товарищества. Благо опыт уже есть. Первые садоводческие коллективы были организованы более двадцати лет назад. Они разместились на волжском косогоре на малопригодных для сельскохозяйственных нужд землях. Теперь здесь выросли сады, повсюду зреют румяные, сочные яблоки, груши, сливы...

Сейчас в области 282 товарищества. Самые крупные объединяют до тысячи человек. В последнее время развитию садоводческих хозяйств уделяется большое внимание. На одной из сессий областного Совета народных депутатов 28 организаций, в основном строители, получили задание: построить за год пятнадцать тысяч садовых домиков.

Строятся домики панельные или деревянные. Нередко используются отходы основного производства. Образцы представлены на своеобразной выставке у северного въезда в город. Цены сравнительно невысокие: от 800 до 1800 рублей.

Интерес к садовому строительству у жителей Ульяновска большой. В областной Совет профсоюзов только в этом году поступило около 30 тысяч заявлений. Строители стремятся помочь всем желающим. Развитие садоводческих товариществ — задача государственная: в ней видятся и решение Продовольственной программы, и борьба с алкоголизмом, и воспитание здорового подрастающего поколения.

А. ВИКТОРОВ,
фото автора.

В своем саду.

КОСОГОРАХ

Собрать такой дом можно быстро.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 41 (3090)

11—18 ОКТЯБРЯ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13

Сдано в набор 22.09.86. Подписано к печати 04.10.86. А 00741. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2684. Заказ № 3578.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

событие недели

3 октября в Москве, на площади, носящей имя Эрнста Тельмана, состоялся митинг, посвященный торжественному открытию здесь памятника вождю Коммунистической партии Германии, последовательному интернационалисту.

На митинге выступили Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер, Председатель Германской коммунистической партии Г. Мис, Председатель Социалистической единой партии Западного Берлина Х. Шмитт.

«Имя Эрнста Тельмана занимает достойное место в ряду великих сынов немецкого народа и выдающихся деятелей мирового коммунистического движения».

Из речи М. С. ГОРБАЧЕВА.

«Эрнст Тельман, великий сын немецкого народа и пламенный интернационалист, как мы все знаем, был теснейшим образом связан с партией Ленина, со страной Красного Октября».

Из речи Э. ХОНЕККЕРА.

Во время митинга.

Фото ТАСС

перестройка: проверка делом

рабочая совесть

В. ПУГАЧЕВ,
бригадир комсомольско-молодежной бригады минского производственного объединения «Горизонт», председатель совета наставников объединения

Его только что взяли в бригаду, и он нас тут же подвел: не вышел на работу. Я к нему домой. Он, как ни в чем не бывало, сидит и слушает магнитофон. «Ребята тебя ждут,— говорю,— ты же нас подводишь». «А у меня настроения нет сегодня работать». «Придешь в цех — появится, пошли». Привел парня на завод, заставил встать к верстаку.

Случалось и еще ходить за ним. Некоторые посмеивались: «Не наставник, а нянька,— рабочего за руку на производство водит, нашел занятие; опытный мастер, авторитетный бригадир, а перед мальчишкой унижается!» А я так не считал, я просто делал из него рабочего человека, зная наперед, что занятие это, может, самое трудное, но наверняка для мальчишки самое необходимое.

Не знаю, как кому, а мне порядком уже надоели риторические восклицания: «рабочий должен...», «рабочий не имеет права проходить мимо», «рабочий обязан отвечать»...

Что толку от таких восклицаний, если мы не добираемся до сути, не умеем или не хотим выяснять, откуда берутся эти самые бессовестные? И почему порой им совсем неплохо живется в коллективе? Если же и беремся воспитывать в бездельниках добросовестность, прилежность, интерес к делу сообща, то чаще в порядке выполнения пункта из обязательств, а не по внутренней потребности.

Как она формируется, совесть рабочего человека? Двадцать пять лет работаю на заводе и столько же ищу ответа на этот вопрос. Делаю выводы, так сказать, из собственной практики.

Больше десяти лет — в бригадирах. Начинал с того, что набрал молодых ребят без специальности. Доставалось мне! Ведь слесаря-инструментальщика даже из усердного, интересующегося делом парня воспитать трудно — ювелирная работа, кропотливая, чуть какая погрешность — и все насмарку. Как же к необученным подступиться?

Основы профессиональной, рабочей психологии вроде просты. Только их надо уметь применить. Человек гордится сделанным. Значит, нужно дать ему возможность проявить себя и отметить его труд, поддержать, похвалить за любой, пусть даже небольшой, успех.

Пришел не так давно в нашу бригаду Коля Городецкий. Были у меня основания особо на него не рассчитывать. И он почувствовал это. Переживал, что не потянет вровень с остальными ребятами, боялся, что я его на «подхвате» держать привыкну, только и доверю, что раз за разом «молоток пилить». А я, как только чуток он освоился, взял да и поручил ему резьбу нарезать (очень ответственная операция!). Под наблюдением, конечно. Надо было видеть, как парень старался!

Недавно Коля получил второй разряд, перешел в рабочие. Торжествовал. В обеденный перерыв принес в цех семь бутылок молока — нас в бригаде семеро — и торт. Принял поздравления. Можно не сомневаться, что добросовестность в нем закрепилась.

Знаю еще одну психологическую «слабинку» рабочего человека — тягу к творчеству. И ее тоже использую. Сам люблю что-то новое придумывать, изобретать и ребят стараюсь увлечь. Делали мы щетки для зачистки плат. «Вязали» их вручную. Долго, трудоемко. Предложил я помозговать, как это дело упростить и ускорить. Прикидывали, рисовали, считали. Однажды кого-то осенило: давайте попробуем использовать принцип работы вала снегоочистителя. Присмотрелись. Вроде подходит. Попробовали один вариант. Отказались. Другой — мотать основу на цилиндрический вал. Годится! Около двух лет вместо недели щетка стала служить. Двадцать тысяч рублей годовой экономии заводу! Из разных городов страны к нам гонцы: познакомьте с новинкой. Авторство записали за всей бригадой. Я об этом как раз и мечтал.

Мечтал прежде всего потому, что за свою рабочую жизнь неоднократно убеждался: совесть не может сосуществовать, как теперь говорят, с эгоизмом. «Я, мол, образцовый производственник, а до других мне дела нет, пускай каждый сам о себе думает». В этом смысле, кстати, и такая прогрес-

Все человечество надеется, что встреча руководителей СССР и США в Рейкьявике станет шагом к мирному будущему Земли, к завтрашнему дню, в котором не будет ядерных взрывов — даже на испытательных полигонах.

сивная форма, как бригадный подряд, может потянуть к некоторой коллективной замкнутости. А «замкнутая» совесть далеко не всегда, по-моему, на пользу.

Суметь воспитать чистую совесть — вот чему важно научиться. Опять же, разумеется, воспитать делами. Случилось так, что на участке несколько заказов не доделали. Мы со своими управились и могли бы инициативу не проявлять. Но, когда я обратился к ребятам и предложил выручить участок, все безоговорочно согласились, хотя материальных выгод — солидных — это нам не сулило, доделывать-то оставалось немного.

Совесть воспитывает и микроклимат цеха, завода. Проводятся, скажем, у нас «дни цеха». Идея хорошая—собраться, оценить, как работали, выяснить, что мешало и почему, дать возможность каждому высказаться, что-то предложить. Рабочие за такую форму общения, но при условии — никакого пустословия: делом отвечать на критику, на предложения, на запрос. Вспоминаются слова из Политического доклада М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС: «Было бы наивно представлять, будто чувство хозяина можно воспитать словами. Отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда». Именно так! Без этого мы не добьемся надежных успехов. Ведь легче всего упрекать кого-то в дефиците добросовестности. Создать условия, в каких этот дефицит не смог бы произрасти, куда труднее. Дело требует именно такого подхода.

В отделе технического контроля не однажды хвалили нашу бригаду за то, что нет разницы, начало ли месяца, конец ли — продукцию сдаем ритмично и всегда с первого предъявления. За этим продиктованная рабочей совестью внутренняя дисциплина каждого, начиная с бригадира. Не из желания похвастаться, а чтобы подчеркнуть важность чувства ответственности за доверенную работу, скажу: я всегда заранее думаю о том, чтобы бригаду обеспечили заготовками, материалами, заказами. Рабочие знают это и не позволяют себе расхолаживаться, надеяться, что «под штурмовщинку» можно будет спихнуть коекак сделанную вещь или расслабиться в первой декаде. Именно с дисциплины и, я в этом убежден, надо начинать решать проблему «качества продукции и рабочей совести», проблему, затрагивающую сегодня буквально каждого.

Добавлю (опять же не из стремления обратить внимание на свою персону), что личный пример бригадира, как и других руководителей, очень нужен рабочим. То, что я не ради диплома, а для повышения профессиональной квалификации окончил техникум, и то, что хожу с ребятами в бассейн и на волейбольную площадку, и то, что оба сына начали свой путь в жизнь рабочими, тоже служит воспитанию в подчиненных добросовестности, честного отношения к труду, к коллективу.

Сейчас, особенно после XXVII съезда партии, наставничество значит гораздо больше, чем прежде. Само понятие «воспитать рабочего человека» звучит иначе — глубже смысл, ответственнее цель. И уж никак не терпим формализм, казенное делячество.

Свежа в памяти история с Игорем Шестаком. На заводе у нас заведено: пришел в цех новичок, к нему сразу прикрепляют наставника. Вот и к Шестаку прикрепили. Опытного, хорошего рабочего Шаповалова. А из наставничества ничего не вышло. Не сумел Шаповалов стать Игорю ни учителем, ни старшим товарищем: не хватило педагогического такта, любви к «возне» в самом лучшем смысле этого слова. Между прочим, Игорь не принадлежал к тем, кого мы называем трудными, обычный современный парень.

Так почему же не принял он наставника, чью кандидатуру предложил мастер, а на собрании утвердили (так принято у нас в коллективе)? Да потому, что подтвердилось лишний раз, что не можем мы до сих пор избавиться от некоего анкетного подхода. Никак не хотим усвоить, что даже у самого лучшего производственника может не быть педагогической струнки, что не каждый передовик может быть воспитателем, не всякого ударника можно выдвигать в руководители. Наставничество надо доверять лишь тем, кто обнаружит к этому способности, интерес и любовь.

Мне хочется сказать еще вот о чем. У нас основательно занимаются сейчас политехнизацией общеобразовательной школы, внедряют профориентацию, убеждают юных граждан смелее связывать судьбы с рабочим классом. Тут, само собой разумеется — теоретически по крайней мере,— имеются в виду те качества, без которых рабочий не может сегодня оправдать надежды общества. Давайте задумаемся, насколько эффективны формы, которые мы для этого используем. На мой взгляд, их эффективность невелика. И вот почему.

В отрыве от живого производства можно научить мальчишку вытачивать какие-то детали, а девчонку — раскраивать ткани. Умение, даже квалификация не дают еще человеку права называться рабочим. Он обретает его по мере того, как складывается в нем рабочая психология, проявляется рабочая душа. А этот процесс возможен лишь на заводе, в цехе, где руки мастера, пусть будущего, создают реальные ценности, а не учебную продукцию, где мастер вместе с другими отвечает за добротность изделия и уверен, что оно нужно, что его ждут и верят в его долгую и безупречную службу. Я за то, чтобы школьники приходили на завод не на экскурсию, причем, как это часто бывает, в самые заманчиво выглядящие цехи, а приходили в трудовой коллектив — работать, дышать заводской атмосферой, находить в ней радость самораскрытия и самоутверждения.

...Вернусь к началу раздумий о рабочей совести. Тот новичок, которого я чуть ли не за руку приводил в цех, теперь полноправный рабочий. Правда, увлечение увело его в другой цех, но трудится он хорошо. А недавно мы взяли в бригаду очередного трудного подростка. Он сразу решил внести ясность в наши отношения, предупредил: я могу вас подвести. И опять я, теперь уже от имени бригады, ибо воспитываем новичков мы сообща, ответил ему так: плохими бы мы были рабочими, если бы не верили в свои силы. Ты скоро это поймешь, и подводить нас тебе не захочется.

Экипаж полимарана (слева направо): яхтенный капитан Виктор Галышев, старпом Павел Дедков, радист Владимир Татарников, боцман Михаил Денисов, изобретатель «СПРУТа» Роберт Ряйккенен, матрос-кок Валентин Шутов.

«ПОЖЕЛАЙТЕ НАМ ПЛОХОЙ ПОГО

А. СОКОЛОВ,
фото Дм. ДЕБАБОВА

● СУДЬБА ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ

● ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ «ХОЖДЕНИЙ ПО МУКАМ»

● НУЖЕН МНОГИМ, НО...

Когда в середине прошлого года детали этой необычной конструкции были доставлены в архангельский яхт-клуб «Водник», по городу поползли слухи: там, у причала, дескать, что-то удивительное. Но что именно, объяснить никто не брался. Кто-то даже подбросил мысль, что это мини-подводная лодка.

Первыми, естественно, заинтересовались мальчишки, подолгу простаивая у причала и наблюдая за сборкой этого странного судна. А затем и взрослый люд повалил, приходили даже целыми делегациями посмотреть на «каракатицу», как окрестил кто-то полимаран «СПРУТ-М», самодельное судно оригинальной конструкции, которое собирали в те дни в яхт-клубе.

Идея создания безопасного судна еще в пятидесятые годы заинтересовала моряка-североморца Роберта Ряйккенена, ныне кандидата технических наук, старшего преподавателя кафедры автоматики Московского инженерно-строительного института. В результате пяти лет службы на крейсере «Железняков» и наблюдения за судами различных классов в драматических ситуациях борьбы со стихией для него стали определенно ясны недостатки, присущие кораблям традиционной конструкции. Ведь несмотря на все достижения технического прогресса, число людей, гибнущих на море, и в наши дни достаточно велико. Пример французского врача Алена Бомбара, совершившего свой героический переход через Атлантику во имя спасения людей на воде, еще более укрепил решимость Роберта Ряйккенена взяться за эту проблему.

Требовалось выполнить большой объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Но как сделать это без финансовой помощи! Пришлось разворачивать дело на общественных началах, совмещая его со своей основной работой преподавателя.

Суда рождаются на берегу. Это знают все. Судно, которое задумал Р. Ряйккенен, тоже родилось на берегу, точнее, в Москве. В подвалах, на чердаках, на улице. Материалы для него добывались главным образом на свалках. Были забыты выходные дни, праздники, отпуска...

И вот в 1963 году на воду был спущен первый образец судна новой конструкции — полимаран «СПРУТ-М». Это название не имеет никакого отношения к морскому моллюску. Аббревиатура «СПРУТ-М» означает: «система плавающих разборных унифицированных транспортабельных модулей».

— Главный враг любого судна — волна. Как избежать ее удара, сила которого достигает порой десятков тонн на каждый квадратный метр борта и надстройки! — говорит Р. Ряйккенен. — Как избежать этого извечного антагонизма между волной и судном! В штиль полимаран держат на поверхности лишь два основных его поплавка. Остальные пять над водой, на разной высоте. Чем крупнее волна, тем больше поплавков-корпусов включаются в работу. Полимаран как бы взлетает над волной, пропуская ее под собою, сглаживает ее, не дает захлестнуть себя и раздавить. В итоге даже в сильный шторм до палубы — а она всего-навсего в полуметре над уровнем моря! — долетают лишь пена и брызги. Такое необычное поведение судна на волне я назвал эффектом пространственной полимаранной решетки.

Когда видишь полимаран впервые, то задаешься вопросом: где же здесь могут разместиться члены экипажа, свободные от вахты, — голая палуба, мачта и лишь две невысокие с подслеповатыми иллюминаторами надстройки! Однако, ступив на палубу и спустившись в отсеки, убеждаешься, что в них девять спальных мест, камбуз, радиостанция. В остальных корпусах «СПРУТа» — инструмент, паруса, запас воды и пищи — словом, все, что необходимо в дальнем плавании. Предусмотрено место для установки небольшого дизеля, он может понадобиться для маневрирования в портах. На крайних корпусах смонтированы уключины для восьми весел — мало ли что! К тому же ежедневная работа на веслах используется для поддержания экипажа в хорошей физической форме.

До 1978 года несколько моди-

ды»

фикаций полимарана прошли серию интенсивных испытаний. За кормой «каракатицы» остались маршруты в Азовском, Аральском, Японском, Баренцевом, Белом морях, в Татарском проливе. И каждый раз «СПРУТ» намеренно шел в те места, которые наиболее опасны для обычного судоходства: к скалистым берегам, рифам, утесам, туда, где наиболее сильны прибрежные накатные волны, встречные регулярные течения. Во время плавания в Баренцевом море у Святоносского полуострова полимарану пришлось более суток штормовать под ударами волн в зоне прибоя. Чудо, которое вряд ли могло повториться с любым другим судном, состояло в том, что, выдержав жестокие испытания, «СПРУТ» продолжил путь без какого-либо ремонта.

Но катастрофа все же произошла. На суше. При сорокаградусном морозе. В новогоднюю ночь с 1978 на 1979 год кто-то облил бензином и поджег деревянный сарайчик на берегу Москвы-реки, который автор конструкции приобрел на свои деньги для зимнего хранения полимарана. «СПРУТ» сгорел дотла.

Многие тогда советовали Ряйккенену «бросить это безнадежное дело», заняться обустройством своего быта. Но он начал все сначала. Жажда доказать истину и оптимизм одержали верх над отчаянием, охватившем было его после потери полимарана.

А через несколько лет — победа! — в конструкцию поверили военные моряки Краснознаменного Черноморского флота. У них на глазах Р. Ряйккенен совершил переход по Черному морю на новом, еще не достроенном судне и продемонстрировал его непотопляемость, специально заполнив водой все его отсеки. Стеклопластик, из которого сделан полимаран, надежно удерживал его на плаву. «СПРУТ» был рекомендован к участию в советской антарктической экспедиции 1982—1983 годов.

Но «управлять» своим судном в этой экспедиции Ряйккенену пришлось... из 52-й московской больницы: многолетние передряги серьезно подорвали его здоровье. Трудно сказать, где полимаран и его автор перенесли самые тяжелые испытания—на море или на суше. В течение десятилетий приходилось отбивать атаки противников новой конструкции, писать всякого рода прошения, обоснования, искать дефицитные материалы, часами ожидать в приемных — и многократно быть выставляемым за ворота различных учреждений и организаций, оставаться со своим детищем буквально под открытым небом. Многократно менялся и состав добровольных помощников изобретателя, в основном студентов МИСИ: многие просто не выдерживали напряжения этой бесконечной гонки. Даже из тех энтузиастов, что работали с Р. Ряйккененом в последние годы, так же как и он не щадя своих отпусков и выходных, сегодня остался лишь один — московский архивист Валентин Шутов.

Госкомитет СССР по делам изобретений и открытий признал полимаран «СПРУТ» изобретением. Р. Ряйккенену было выдано пять авторских свидетельств на это судно. Успешно завершилась антарктическая экспедиция. Но... детали полимарана вновь валялись под открытым небом!

Возникает невольный вопрос: может быть, он никому не нужен! Может, это просто блажь изобретателя! Нет. И об этом весьма убедительно говорят многочисленные отзывы о конструкции. Вот лишь некоторые из них.

«...Транспортное управление нефтепрома сообщает: ориентировочная потребность в полимаранах «СПРУТ» составляет 3 судна в год».

«...Преимущества модульной системы полимарана получили подтверждение... она позволяет подбирать в процессе эксплуатации самый удобный вариант сборки для конкретных условий, обеспечивает непотопляемость и высокую остойчивость, достаточную грузоподъемность и условия для размещения аппаратуры и снаряжения». [Из заключения научного руководителя советской антарктической экспедиции контр-адмирала Л. И. Митина.]

«...Полимаран «СПРУТ-М», отвечающий требованиям безопасности и экологической чистоты, рационально использовать для научно-исследовательских и гидрометеорологических работ в прибрежных районах морей вместо малотоннажных научно-исследовательских судов». [Из заключения Северного управления Государственного комитета по гидрометеорологии и контролю природной среды.]

«...Признать актуальным новый метод исследования зон океана, базирующийся на использовании многокорпусной универсальной

Чем выше волна, тем больше поплавков-корпусов включаются в работу.

плавающей платформы типа полимаран «СПРУТ-М»... Рекомендовать полимаран для промышленного выпуска». (Из рекомендации XIV Тихоокеанского международного конгресса.)

И еще один короткий отзыв, который хотелось бы привести отдельно от общего ряда.

«...Основные принципы, заложенные в конструкции полимарана, разумны». (Тур Хейердал.)

Весомые аргументы. Но вся беда этого изобретения состояла и, кстати, по сей день состоит в том, что оно имеет межведомственное значение. А у семи нянек, как известно, дитя без глазу. И только в последнее время две государственные организации оказали техническую и материальную поддержку начинанию изобретателя-одиночки. Этими организациями стали Северное морское пароходство и архангельский завод «Красная кузница», на котором в последние месяцы было изготовлено леерное ограждение, установлена новая мачта и проведены работы по электрооборудованию судна.

...В тот день, когда мы покидали Архангельск, продолжалась подготовка полимарана к выходу в Белое и Баренцево моря. Цель — обкатать на «СПРУТе» новый экипаж, состоящий из опытных яхтсменов, которым такое судно пока в новинку, а заодно еще и еще раз проверить правильность расчетов по установке новой мачты, надежность других элементов конструкции. В составе экипажа капитан-инженер Виктор Галышев, он ходил на крейсерской яхте «Гренада» вокруг Скандинавии и на Шпицберген, инженер-электрик Владимир Татарников, инженер-энергетик Михаил Денисов—люди не только увлеченные, но и обладающие большим морским опытом и высокой технической подготовкой.

Вместе с Робертом Ряйккененом мы стоим на причале яхт-клуба, возле полимарана. Сейчас, в сумерках, с задраенными люками и убранными парусами, он кажется каким-то диковинным существом, вынырнувшим из морских глубин и настороженно присматривающимся к новому для него миру. Вспоминаются все передряги, выпавшие на его долю, может, оттого, что хорошо видны вмятины на корпусах да ободрана некогда сверкавшая краска. Но такой непарадный вид «СПРУТа» убедительнее всяких слов говорит о том, что перед нами судно-боец, уже немало повидавшее и готовое к новым схваткам.

— Меньше всего хотелось бы, чтобы во время этого плавания «СПРУТ» встретился со спокойным морем,— говорит Роберт Ряйккенен.— Только шторм может дать ответы на те вопросы, которые нас сейчас интересуют. И если судам обычных типов перед выходом в море принято желать хорошей погоды, то полимарану давайте пожелаем плохой...

ОТ РЕДАКЦИИ:

В то время, когда этот материал готовился к печати, стало известно, что «СПРУТ» не смог достичь Баренцева моря: его экипаж оказал экстренную помощь рыбакам, потерпевшим бедствие в штормовом Белом море. Рыбачий катер, у которого вышли из строя оба двигателя, был отбуксирован «СПРУТом» в Северодвинск.

интервью «огонька»

«советский союз нужно открывать заново...»

— утверждает в своей книге «Динамика Горбачева» член ЦК Французской компартии Жерар СТРЕЙФ, четыре с половиной года проработавший постоянным корреспондентом газеты «Юманите» в Советском Союзе. Французский журналист увлеченно рассказывает в ней о коренной перестройке и широкой демократизации, которые характеризуют нынешний день советского общества.

Книга Жерара Стрейфа — убедительный документ нашего времени, утверждающий преимущества социализма, новаторскую суть сегодняшней политики КПСС и миролюбие советского народа. Глубокое знание автором истории СССР, его стремление постичь благотворные и вместе с тем сложные процессы, происходящие во всех сферах нашей жизни, личные наблюдения корреспондента, богатый фактический материал, подкрепленный статистическими данными, вдумчивый анализ советской прессы, многочисленные встречи и беседы с партийными и хозяйственными руководителями, рабочими, литераторами, деятелями театра и кино, студентами и школьниками — все это нашло яркое и живое отражение в книге Стрейфа.

Мы публикуем интервью Жерара СТРЕЙФА, которое он дал нашему корреспонденту перед отъездом во Францию.

— Почему я приехал работать в СССР? Из любопытства. Из интереса к вашей стране. Родился я в Эльзасе, в большой и очень консервативной семье. Я был самым младшим и самым «красным». В семнадцать лет я вступил в компартию и в последние годы, перед тем как стать корреспондентом «Юманите» в Советском Союзе, работал в международном секторе ЦК ФКП. Я часто бывал в социалистических странах, но к журналистике не имел никакого отношения.

Когда же мне вдруг предложили поехать корреспондентом «Юманите» в СССР, я сразу согласился, потому что именно в ту пору почувствовал настоятельную потребность изменить что-то в моей жизни. И я сменил профессию — из функционера превратился в журналиста и репортера.

Почему я с такой готовностью решился на это? Потому что вопрос о Советском Союзе, вопрос о том, каким представляют себе Советский Союз на Западе, в том числе и во Франции,— это один из важнейших политических вопросов дня.

— Многое ли известно сегодня французам о жизни в СССР?

— Сегодня французы практически ничего не знают о вашей стране. И у вас здесь не понимают этого в полной мере. У вас даже не могут вообразить себе того воинствующего невежества, которое царит во Франции в отношении СССР. Причина? Франция — это страна, где идут очень острые политические бои, а буржуазия все еще довольно сильна и ни за что не хочет уступать своих позиций. Но люди упорно стремятся найти какой-то выход, обрести спасение в новых идеях, поверить в какую-то перспективу. В результате — страх перед притягательностью социализма порождает ярый антисоветизм. Неспроста именно в конце 70-х годов, в период разрядки, наша буржуазия и социал-демократы, встревоженные ростом влияния СССР, развернули бурную антисоветскую кампанию. Сейчас антисоветская пропаганда ведется во Франции очень умно, эффективно и все более изощренными методами. Французов ежедневно подвергают самой разнообразной антисоветской обработке.

Мы, французские коммунисты, совершили, вероятно, в свое время ошибку, внушая французам, что в вашей стране все идет наилучшим образом. Цели у нас были самые благие. Нам хотелось таким образом действительно способствовать вашему продвижению вперед. И мы торопили нашу собственную мечту. Поэтому мы показывали жизнь вашей страны только в розовом свете. Теперь мы различаем, где у вас розовое, а где еще пока только серое. И стараемся создавать реальный образ Советского Союза, не только со всеми вашими достижениями, но и с недостатками. Однако этой повседневной работой по освещению жизни в СССР занимается только коммунистическая печать.

Мне хочется еще раз подчеркнуть: советские люди, советские журналисты должны знать, сколь неграмотны французы во всем, что касается вашей страны. Французов постарались приучить к мысли, что в Советском Союзе вообще нет никакой культуры. Из классиков еще кое-кого знают или хотя бы слышали имена Чехова, Пушкина, Толстого. Но даже из классиков знают далеко не всех. Например, сам я только здесь открыл для себя Салтыкова-Щедрина. Французам внушают, что в России все остановилось в начале века, а сейчас просто ничего не происходит. Возникла даже ходячая фраза: «На Востоке — ничего нового». Разве не показательно, что агентство «Франс-пресс» держит двадцать три корреспондента в Вашингтоне и только четверых в Москве?

Подобное невежество и, я бы сказал даже, намеренная фашизация умов насаждаются по отношению ко всем социалистическим

странам. Возьмем, к примеру, Болгарию: далеко не все во Франции знают, где она находится (в Латинской Америке или в Европе) и какой там строй.

У вас, возможно, полагают, что Франция по-прежнему остается страной с демократическими традициями и открытой различным культурам. Такой Франция была позавчера, может быть, еще вчера. Сегодня это страна, где идет яростная идеологическая борьба, бушуют расизм и фанатическая недоброжелательность к социалистическим странам.

Буржуазная пресса сделала все, чтобы отучить французов воспринимать советских граждан как нормальных людей, способных на естественные и непосредственные чувства. Французам внушили, что советские люди — это лишенные индивидуальности механизированные существа, нечто вроде роботов из научно-фантастических фильмов. И пока они сами не побывают в Советском Союзе, разубедить их в этом очень трудно.

Приведу такой пример. Ко мне сюда в гости приезжал один из моих племянников. Ему двадцать лет, и он работает воспитателем в колонии для несовершеннолетних преступников. Как и почти все средние французы, он был настроен против СССР. Когда он приехал, я решил не заниматься никакой пропагандой. Он просто жил в моей московской квартире, видел людей, с которыми я встречался, много ходил по городу, побывал в цирке, и через неделю его мнение о вашей стране изменилось — она стала ему нравиться. Но когда этот молодой человек вернулся во Францию, то столкнулся с неожиданным для него политическим феноменом: он рассказывал то, что видел собственными глазами, он рассказывал правду, а ему не верили, не хотели верить.

Поэтому все, что мне доводилось здесь увидеть — новую пьесу в столичном театре или новые дома на Чукотке,— все казалось мне чрезвычайно важным. И я считал своим долгом постоянно рассказывать французским читателям обо всем, увиденном в СССР. Нужно ломать устоявшиеся, заведомо ложные представления о странах социализма. И четыре с лишним года я непрерывно боролся с той ложью, которую распространяют о Советском Союзе.

Привести конкретные примеры? Пожалуйста. Летом 1982 года, как раз вскоре после того, как я приступил к своим корреспондентским обязанностям, французская буржуазная пресса устроила громкую шумиху по поводу того, что на строительстве газопровода в СССР работают миллион «диссидентов». Казалось бы, зачем вдруг понадобилась эта «утка»? Все очень просто. Под давлением США во Франции велась пропаганда против заключения договора с СССР о строительстве газопровода... И вот в июле 1982 года я отправился в совершенно потрясающее для меня путешествие. Я побывал в нескольких районах и разных пунктах по пути прокладки газопровода. Я увидел современную стройку, молодых, хорошо знающих свое дело и сознательных рабочих, но не нашел никаких «диссидентов». И я написал свой первый репортаж о Советском Союзе, который после опубликования в «Юманите» вызвал немало оскорблений в мой адрес со стороны буржуазной печати.

Не так давно «Монд», «Фигаро» и агентство «Франс-пресс» в один день объявили, что в результате происходящих сейчас в вашей стране перемен десять миллионов человек остались без работы. И целую неделю радио и телевидение мусолили эту тему. Отсутствие безработицы в СССР — один из самых неопровержимых аргументов в пользу социализма. И вот вам, пожалуйста, этого аргумента уже нет, с ним покончили в один день. Только после того, как я опубликовал в коммунистической прессе четыре или пять статей, разоблачающих эту клевету, эта кампания прекратилась. Буржуазная печать или оскорбляет нас, коммунистов, или делает вид, что мы просто не существуем, однако она вынуждена читать наши газеты и журналы и даже реагировать на них.

— Что дала вам как журналисту работа в СССР?

— Работа в Советском Союзе была для меня по-настоящему захватывающей. И я приобрел здесь огромный опыт. Приехал я сюда, совсем не зная русского языка, но четыре с лишним года я углубленно и систематически изучал вашу страну с самых разных сторон. Я объехал все пятнадцать республик, и каждая из них была для меня по-своему очень интересна. Но, пожалуй, все-таки самое сильное впечатление на меня произвела Сибирь. Да, Сибирь... Раньше у меня было абстрактно-романтическое представление об этом крае. Естественно, оно совершенно изменилось после того, как я не раз съездил на БАМ, в Новосибирск и другие города. И главное — узнал сибиряков. За эти годы я опубликовал несколько статей и репортажей о Сибири, чтобы лучше познакомить с ней французских читателей.

Недавно вместе с другими журналистами я побывал в 30 километрах от Чернобыля и тоже рассказал о том, что там увидел. Я сам получил возможность убедиться, что было сделано все, чтобы максимально ограничить размеры катастрофы, видел, что здесь не было паники — ничего общего с тем, что происходило в схожей ситуации в США.

Чернобыльская трагедия могла послужить поводом для всех стран проявить интернациональную, человеческую солидарность. Однако идеологическая война не прекращается ни на минуту, и враги СССР использовали события в Чернобыле, чтобы обрушить на вашу страну потоки лжи и клеветы. А ведь чернобыльская авария имеет не только местное значение—из нее должны извлечь уроки политики, ученые и журналисты всего мира...

Уже после Чернобыля, тоже с группой журналистов, я провел две недели на Севере. Мы посетили Чукотку, Уэлен, Билибино, Синегорье, Магадан. Думая о Севере, всегда невольно представляешь себе глыбы льда. И я действительно увидел традиционный северный пейзаж: свинцовое море, низко нависшее небо. Но я был поражен, увидев здесь современные города и удобные дома, выстроенные для людей, осваивающих эти края, где относительно не так давно простиралась сплошная тундра. Просто фантастика!

Организована наша поездка была замечательно, и у нас состоялось множество интересных встреч. Каждый вечер кто-нибудь из местных жителей приглашал нас к себе домой, и обстановка за столом всегда была очень сердечная.

Когда на магаданском телевидении меня расспрашивали о моих впечатлениях, я сказал, что больше всего меня поразил контраст между тем, что я ожидал увидеть, и тем, что увидел в действительности. Но самое главное: как раз в тот день я купил в Магадане «Юманите» и узнал о закрытии французских портов. Тысячи людей, обслуживающих порты Атлантического побережья и Средиземного моря, остались без работы. Это означает голод. И полную безнадежность. А здесь, на краю света, я увидел ультрасовременный порт, и людям, работающим в этом порту, не угрожает никакая безработица. Я сделал множество снимков и обязательно опубликую репортаж об этой поездке, в котором подчеркну разницу в положении рабочих во Франции и в Советском Союзе: там — явная бесперспективность, здесь — спокойная уверенность в своем завтрашнем дне. В книге «Динамика Горбачева» я пишу, что «в СССР не человек ищет работу, а работа ищет человека».

За годы, что я провел в Советском Союзе, я убедился, что вы непрерывно двигаетесь вперед, у вас — вопреки уверениям буржуазной прессы — все время что-то происходит. Даже если я уезжал во Францию всего на две-три недели, то по возвращении обязательно замечал какие-то сдвиги к лучшему.

— А как вы оцениваете перемены, которые происходят в нашей стране в последнее время?

— Сейчас эти сдвиги становятся с каждым днем еще заметнее. Я очень внимательно слежу за всеми переменами в вашей политической, социальной, экономической и культурной жизни. Изменились сама атмосфера, духовный климат в стране. Споры, дебаты стали нормой дня.

Даже театр у вас сейчас больше, чем просто театр. Он не только развлекает, он смело критикует бюрократизм, коррупцию, формализм. Из последних спектаклей, что мне довелось увидеть в Москве, на меня особенно сильное впечатление произвели «Диктатура совести» М. Шатрова в театре Ленинского комсомола и «Портрет для первой полосы» Ю. Макарова в театре Станиславского.

А как изменилась ваша печать! Ей предоставлена гораздо большая свобода, чем прежде. Газеты не только пропагандируют политику КПСС, они всеми силами борются за ее претворение в жизнь. Мне также очень нравится, как ваша центральная пресса, особенно газета «Правда», настойчиво и последовательно отстаивает права местной печати. Помните этот замечательно острый материал под названием «Показуха», который дала «Правда» о зажиме критики в местной прессе? Я перепечатал его в «Юманите», потому что это очень яркий пример того, как борются у вас сейчас со всеми недостатками.

Естественно, что без конфликтов в этой борьбе не обойтись. Ведь речь идет о движении вперед, значит, неизбежно столкновение нового со старым.

Самое грустное, когда вообще нет никаких конфликтов. Не помню, кому принадлежат эти слова, но я их люблю: «Единственное спокойное место в мире — это кладбище». Я бы не сказал, что и пять лет назад от ваших газет веяло кладбищенским спокойствием, но все же разница между вчерашним днем вашей прессы и сегодняшним огромная. И раньше в ваших газетах содержалось немало критических материалов, однако сейчас критике предоставлен несравнимо больший простор. А это означает и большую эффективность. Теперь ваша пресса не только критикует, не только называет проблемы, она упорно добивается их решения.

У вашей страны сложная история. И сейчас, когда партия призывает народ к перестройке, разные люди, как мне кажется, реагируют на это совершенно по-разному. Одни смело идут вперед, но другие осматриваются, выжидают, а некоторые препятствуют всему новому и тянут страну назад. Сказываются лень, инерция, догматизм, а то и страх утратить привычный комфорт.

И очень важно, чтобы люди, смело выступающие с критикой, обязательно находили поддержку. Если человек видит, что критиковать не только бесполезно, но даже опасно, это не приносит ничего, кроме горького разочарования. Твердая же уверенность, что в каждом случае справедливость будет непременно восстановлена, только укрепит доверие к партии и придаст людям новые силы.

Но я знаю, что преобладающая у вас тенденция очень здоровая. И она победит. Я знаю, что многие рабочие, интеллигенты, да и вообще большая часть советских людей с одобрением воспринимают все те перемены, которые происходят сегодня в управлении, организации труда и распределения материальных благ.

Я думаю, в процессе перестройки передовую роль должны сыграть и советские женщины. Это вообще сам по себе очень интересный вопрос — положение женщины в вашем обществе. Вспомним, что к началу двадцатого века французские и русские женщины пришли с совершенно разным багажом, русские женщины значительно отставали от француженок в вопросе эмансипации. Однако советские женщины давно уничтожили этот разрыв. Сейчас они не только добились полного равноправия с мужчинами, но и больше, чем мужчины, тянутся к учебе, к участию в общественной жизни. И при этом становятся все красивей и нарядней.

Я также очень верю в советскую молодежь. Молодым всегда свойствен критический дух, они более восприимчивы к новому и менее, чем старшие поколения, подвластны инерции. Я встречал много молодых людей, образованных и сознательных, которые, я не сомневаюсь, принесут большую пользу своей стране.

Серьезные перемены и широкая демократизация, происходящие в вашем обществе, заметное оживление в культурной жизни и, конечно же, важные мирные инициативы, с которыми выступает Советское правительство, вызывают все больший интерес и уважение в мире к СССР. И все большее число людей в самых разных частях света осознает: «Советский Союз нужно воспринимать всерьез, и с этой страной необходимо считаться».

Интервью взяла Н. ПОПОВА.

продолжение темы

«Огонек» выступил. Публикация активно и заинтересованно поддержана Госстандартом СССР и Центросоюзом. Но пока молчит Госагропром СССР. А решение вопроса зависит прежде всего от этого ведомства.

ЧЕРНОЗЕМ ДЛЯ СВАЛКИ

Управление сельского хозяйства Госстандарта СССР считает, что в статье К. Барыкина поднят очень важный вопрос, который требует немедленного решения...

Так написал нам исполняющий обязанности начальника управления сельского хозяйства С. Китаев. Он отозвался на публикацию «Чернозем для свалки?» («Огонек» № 35, 1986) — в ней журнал привел тревожные факты: на базы, в магазины (значит, и в сумки покупателей) вместе с картошкой, с морковью, со свеклой попадает и земля. Хорошая земля! Порой даже отличная — чернозем. Не килограмм, не два — многие тысячи тонн таким вот способом вывозятся с полей.

«Поставленные в статье вопросы требуют от Госагропрома и Центросоюза и их органов на местах НЕОТЛОЖНЫХ (подчеркнуто нами.— Ред.) мер по недопущению отгрузки... картофеля и корнеплодов с повышенной загрязненностью землей»,— пишет С. Китаев. Тут уместно пояснение: по нормативу, по стандарту допускается один процент земли.

Мы пока не знаем мнение Госагропрома — в этом уважаемом ведомстве на журнальное выступление, похоже, внимания не обратили. Зато из Центросоюза пришло дельное письмо от заместителя председателя правления этой организации А. Яшина. Он разделяет высказанную журналом тревогу, также считает, что «правильно подняты вопросы, проблема актуальна». А. Яшин сообщает, что за последние годы колхозы и совхозы продают «...картофель и корнеплоды с повышенным процентом земли, особенно в период уборки в ненастную погоду. Имеющаяся в хозяйствах картофелеуборочная техника не обеспечивает отделение земли от клубней, и в результате на заготовительные пункты и предприятия торговли поступает картофель с наличием до пяти процентов земли...»

Заглянем в любое из сообщений ЦСУ, где говорится о количестве собранного картофеля. И подсчитаем, сколько это по весу: пять процентов от урожая?..

А. Яшин подчеркивает, что организации потребкооперации вынуждены проводить сортировку клубней и отделение от них земли. Но кооператоры-то не располагают нужной техникой, да и не в избытке свободные руки. Работу эту надо, по логике, вести непосредственно на полях, чтобы не вывозить с них землю-кормилицу. Но коль пока так делается, как быть с привезенными на базы и в магазины тоннами чернозема? «Завезенную с продукцией землю после соответствующей обработки можно было бы продавать садово-огородным товариществам или для комнатного цветоводства»,— пишут из Центросоюза, отмечая, однако, что «этот вопрос требует дополнительного изучения».

Никто и не возражает против того, чтобы проблема была рассмотрена со всех сторон. Важно, чтобы она перешла из сферы разговорного жанра в деловую плоскость. Судя по всему, Центросоюз готов к этому, но в одиночку эту заботу ему не одолеть.

Редакция ждет, что Госагропром СССР и Минсельхозмаш оперативно и с должным вниманием рассмотрят как публикацию «Чернозем для свалки?», так и мнение Госстандарта СССР и Центросоюза.

Вернувшись из дальней поездки, ты поначалу ходишь по своему городу оглушенный — и от резкого перепада времени, и от толчеи впечатлений. Неопределенным кажется и само время года, осень все не хочет признать себя осенью. И вдруг в один из таких дней в самом центре Риги на тебя набросится град, ледяные рисовые зерна секут лицо, стучат о стекла очков, пока наконец не залепят их плотно. Градины забьют складки пальто, проникнут под одежду. И ты, снаружи вымытый и изнутри промытый этой осенней свежестью, поймешь наконец: ты дома.

Там, где тебе суждено быть человеком. Место, где органически и полноценно утвердиться и БЫТЬ — для себя, для своих, для всех.

Столетия предшествовали рождению деревьев, людей и жилищ человеческих. Не менее долог путь до осознания своего места на земле. И когда мы болеем и горюем по каждому взорванному или выкорчеванному вековому дубу, украшавшему старинный сельский ландшафт, который до нас хранили поколения наших предков,— это не просто сантимент, это голос разума.

Чувство места и чувство времени в своей целостности и духовном напряжении — не это ли мы зовем чувством ДОМА? Из этого дома мы выходим в мир и участвуем в этом мире...

И еще ты думаешь о том, хорошо, что ты не плазма, не камень и даже не чайка там, в синеве, нет, ты человек на единственной, на своей земле. У тебя свои предки и свои современники, свой язык и свои города — не оттого ли ты нужен другим людям, другим городам, другим странам?

ЕСТЬ ПРАВО...

Марис ЧАКЛАЙС

ДЕТСТВО

Горечь военных обид
сердце не вдруг забывает.
Мальчик на небе сидит
и на свирели играет.

Ах, ничего, ничего,
что не на небе — в сарае.
Музыка лечит его,
образы горя стирает.

Музыка льется рекой,
луг омывает и рощу.
Птицы волшебной такой
музыкой горло полощут.

И облака, облака,
каждое блещет и тает.
Кажется, издалека
будущее проступает.

Как одуванчик блестит!
Масляный, он вместо масла.
Горечь военных обид
в музыке летней погасла.

Радость и боль на весах
взвешены, жизнь зацветает.
Мальчик сидит в небесах
и на свирели играет.

●

Есть право растрясти
усталость и дремоту.
Есть право соскрести
дурную позолоту.

Есть право колдовать
над строчкой стиховою.
А патина под стать
душевному застою.

Есть право на слова,
на гнев, по кривде бьющий.
Дает на них права
день завтрашний, грядущий.

ЧЕЛОВЕК-ПТИЦА

Памяти орнитолога Карлиса Григулиса

Где же вы, теплокровные птицы?
Что-то нет в облаках ни одной.
Только небо смежает ресницы,
Блещут молнии над головой.

Разве многого просит усталость —
Птичку легкую с теплым крылом!
Но и эту не вымолить малость,
Смолкла песенка, царствует гром.

В дуб ударило белое пламя.
О, не рухни, замри, продержись!
Разве кто-нибудь знает меж нами,
Отчего обрывается жизнь?

А когда, наконец, оживете,
Устремитесь опять в небеса,
Я желаю вам при пересчете
Обнаружить все, все голоса.

Кто-то спит, как в гнезде,
в колыбели,
С детства манит его синева.
Если Антынь играть на свирели
Продолжает — надежда жива.

Из груди своей выпусти птицу,
Не держи ее век взаперти,
И на губы, чтоб им не кривиться,
Смело душу мазками клади.

Нет, еще не летят, еще сыро,
Солнцу долго не высушить слез.
Только ветер полощет над миром
Седину его белых волос.

ПЕСЕНКА О ПРОСТЫНЕ АКАЦИЙ

Бела акаций простыня,
заснуть бы на такой!
Спи на коленях у меня,
припав к руке щекой.

На ветерке асфальт подсох.
Твой сон глубок и мглист.
На каждый твой тяжелый вздох —
один кленовый лист.

Как пиво, пенится, горька,
осенняя листва.
Пивного видится ларька
густая синева.

Спи на коленях у меня,
как маленькая тень.
Бела акаций простыня,
во тьме забрезжил день.

Перевел с латышского Александр Кушнер.

ИВА НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Ты знаешь, как я горька.
Я словно сама тоска.
Когда я к тебе близка,
ты помни, что я горька.

Я лишь в небесах пишу;
пишу я не для тебя,
а разве только для тех,
кто может читать меня.

Я в небе одна верна;
в слезах и среди потерь
дочь Севера устоит;
без рифмы ты вербе верь!

Сдирают кору с меня,
но ветер — моя броня;
нас больше день ото дня,
я — это моя родня!

Ты знаешь, как я горька...

●

Голос тих, но горяч
ясным студеным утром;
горек он и горюч
в этом пространстве утром.

Чаще поет без спросу,
а пел, бывало, пореже;
в Приекуле или в Париже
голос поет просто.

Он как будто бы сник,
но песню попробуй спрячь:
тает во сне снег —
голос тих, но горяч!

Перевел Владимир Микушевич.

МАЯК

Там, где лучами солнце
режет льды пополам,
ночью маяк простирает
руки свои к небесам.

Словно птиц выпускает,
горек прощальный взгляд,
но, раздумав, с тоскою
снова зовет назад.

Что говорят эти руки?
Просьбы ли, жалобы жду?
Луч над твоей головою —
чтоб отвести беду.

Перевела Людмила Азарова.

Рембрандт ван Рейн. 1606—1669. ЮНОНА.

Из собрания А. Хаммера.

Из собрания А. Хаммера.

Тициан. 1476/77 или 1489/90—1576. ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ В ДОСПЕХАХ.

С творчеством замечательного грузинского писателя Нодара Думбадзе (1928—1984) читатели «Огонька» хорошо знакомы. Его рассказы, интервью с ним не раз публиковались в журнале. В «Библиотеке «Огонек» выходила книга рассказов писателя.

Публикуем рассказ Н. Думбадзе «Тамерлан» в переводе Л. Бегизова, рекомендованный журналу вдовой писателя Нанули Думбадзе.

Нодар ДУМБАДЗЕ

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

ТАМЕРЛАН

Сулейман Али Осман оглы, что был родом из татарского селения Соганлуги под Тифлисом, сломал еще в детстве ногу сыну Тарагая Тимуру. Вышло это случайно. Когда расшалившиеся ребятишки вконец вывели из себя хозяина, Сулейман, не глядя, огрел озорников палкой и переломил мальчишке кость в голени.

С воплем забился Тарагаев сын в тисках острой, отчаянной боли, и никто не мог его успокоить.

— Срубил бы ему уж и голову, и отмучился бы парень,— посоветовал Сулейману пришедший в гости Мустафа.

— О чем ты говоришь, такой грех! — ответил потемневший от беды Сулейман. Обернув ногу Тимура в кусок пестрого полотна, он бережно поднял его на руки и вынес на веранду.

— Посмотри-ка ему в глаза: видишь, как кровью налились? Нет, этот, если вырастет, чуть хромать будет, но, думается мне, Мустафа, никто и нигде его одолеть не сможет! — тихо промолвил Сулейман и повел гостя в покои.

— Леван! — раздалось снаружи.

— Пожалуйте, уважаемая Нуца! — Моя жена по голосу узнала соседку. Тетушка Нуца вошла во двор с огромным портфелем, доверху набитым двенадцатилистовыми школьными тетрадками, и охапкой роз, и, войдя в бамбуковую беседку, тяжело уселась на скамью.

— Ну зачем вы так беспокоитесь, уважаемая Нуца! Каждый день розы... Кыш отсюда! Так вот о чем я: где же такое, ей-богу, видано? Кыш, негодницы, кому говорят! Совсем куры обнаглели!

— Какое же это беспокойство, уважаемая Нанули!.. Кыш-кыш! Почему вы их в загородке не держите? Эдак склюют они вам всю травку во дворе! Кыш! Иди, курочка, иди! Ох, хорька на вас нет!

— Да держим, только они все равно через изгородь перепрыгивают...

— А вот что я вам скажу: крылья и хвосты им надо подрезать, уважаемая Нанули! Кыш, петушище! Вот ведь вымахал у вас этот красавец!..

— Где уж мне за всем этим присмотреть! — махнула рукой моя жена.

— Вот если не соберусь на этой неделе, то уж в следующий понедельник я за них непременно возьмусь,— пообещала Нуца.

— Не знаю, чем отблагодарить вас! — растрогалась жена.— И как вы только время для нас выкраиваете! Ведь наверняка устаете в школе?

— Как не устать,— вздохнула Нуца.— Одни эти тетрадки пока проверишь, упаришься. Вот у меня Циклаури два на два никак не умножит — то у него четыре, то пять выходит. Да что он — Апциаури, дылда этакая, уже в четвертом сидит, а спросишь, семью пять сколько, так путается... А на вопрос, кем стать хочет, сразу важно так заявляет: космонавтом! («А сколько в самом деле семью пять? — пронеслось у меня в голове, и я покраснел.— Погоди, господи, пятью три пятнадцать, и еще пятью три тоже пятнадцать; к трем прибавить три — шесть, а к пятнадцати пятнадцать — будет тридцать. Значит, шестью пять — это тридцать, и осталась еще одна, седьмая пятерка. Если мы прибавим к тридцати эту последнюю, седьмую пятерку, как раз и получим тридцать пять пятерок, то есть семерок — тьфу, сейчас умом тронусь — да просто число тридцать пять получим, и все!» — Я вытер холодный пот со лба и вышел из дома во двор.)

— И это вас заботит, уважаемая Нуца? Не бойтесь, как приспичит ему в жизни — сразу сосчитает, сколько,— успокоил я учительницу.

— Здравствуйте, уважаемый Нодар, как поживаете? Не сглазить бы, вы в этом году, не в пример прошлому, отменно выглядите! А тогда все мы, соседи ваши, очень уж за вас переживали, не знали, как быть...

— Благодарю вас, в этом году мне действительно лучше.

— Дай вам бог здоровья! Пойду я уже. А в понедельник точно приду и с этими курами управлюсь.

— Спасибо, уважаемая Нуца!

И Нуца встала и неторопливо вышла со двора, затворив за собой калитку.

...Это слух о нем такой пошел, а на деле не так уж и плотояден был Тамерлан. Лишь дюжина жен у него была. Ни один эмир, хан, шах или султан не имел столь малочисленного гарема. Двенадцать их всего было, Тамерлановых жен, только двенадцать, но были они одна другой краше и пригожее.

Восемь из них были грузинки, купленные на пасанаурском торге. Еще одна была из страны урусов — Нина Куркоткина, потом молодая киевская княжна Ганка-Хохлатка, а две другие из хатайской стороны привезенные: ни дать ни взять для улучшения монгольской породы, высокогрудая, без волосинки на тонкой шейке и с веселым чубчиком над лбом, Де-Да-Ли, и малютка японка из рода, столетием раньше перебравшегося на материк самурая с острова Хоккайдо, косившая глазом и очень красивая, словно на ладони умещавшаяся Ци-Ци-Ли [1].

И других жен не было у Тамерлана до самой смерти, ничто не помешало бы ему иметь их столько, сколько пожелал бы — сам не хотел.

И был он кровав, очень кровав, этот отуреченный монгол. Да и кто бы иначе, без борьбы и крови, позволил ему достичь всего и обладать всем и этим роскошным цветником — полным изобилия, купающимся в золоте, драгоценных камнях и благовониях, сияющим в двенадцать солнц гаремом тоже, ему — появившемуся невесть откуда безродному и колченогому разбойнику и негодяю!..

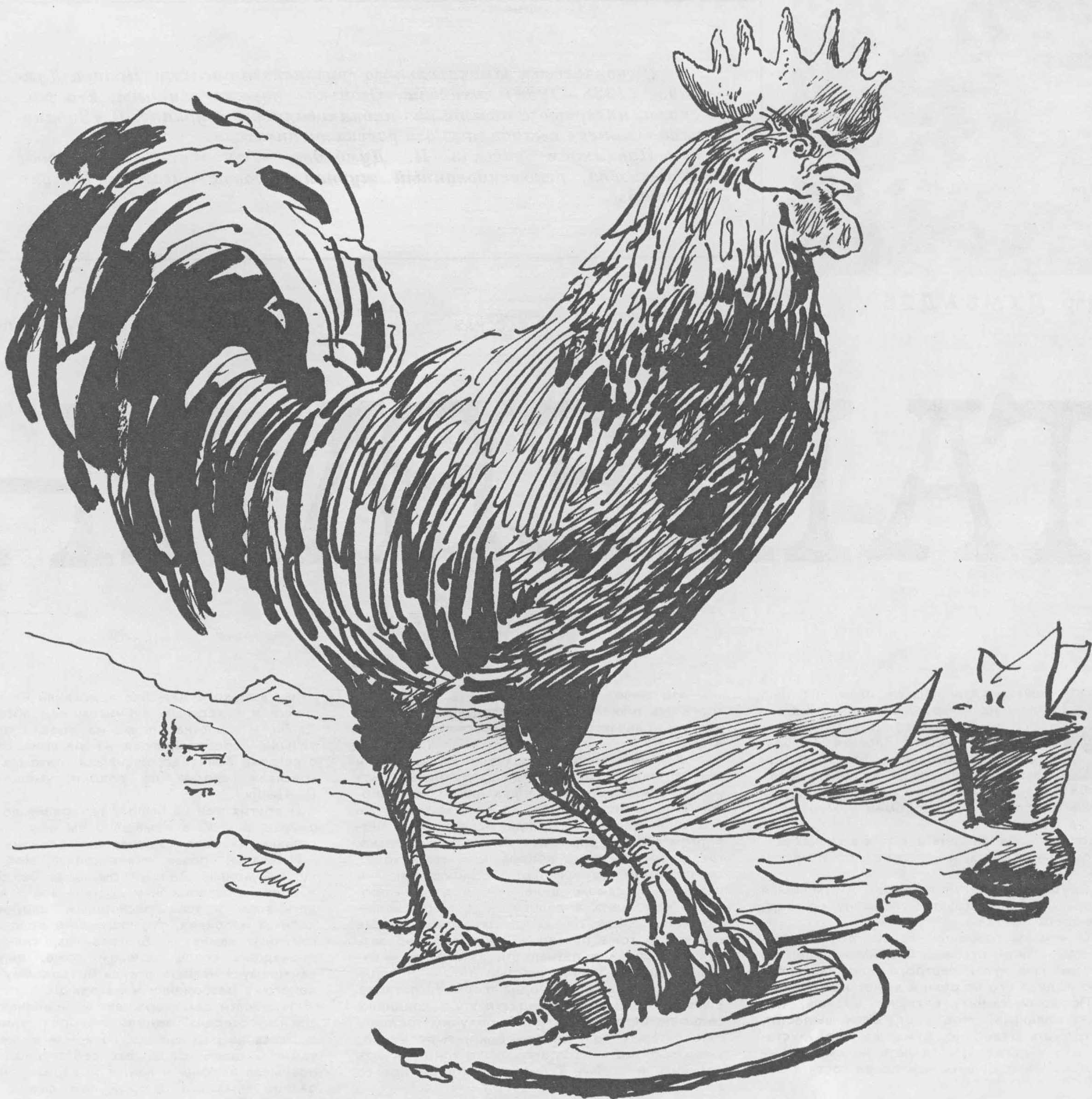
Из десяти самодержцев и военачальников десяти соседних земель четырех уничтожил он, весь их род выведя, со всеми их семействами. С шести остальных собственной рукой посрывал короны и венцы и, взрезав им усыпанной алмазами шпорой той самой, навек хромой оставшейся ноги глотки, волочил их тела за вывалившиеся из распоротых животов кишки по полю битвы, пока они не испустили дух.

А сейчас лагерь Тамерлана был разбит в долине Арагви, и сам Тамерлан в предвкушении новых больших сражений и захватов возлежал перед шелковым шатром цвета бирюзы, и, окруженный женами, нежился под теплым и ласковым солнцем Гурджистана...

В воскресенье меня в Сагурамо навестил один очень популярный русский поэт, приехавший, чтобы обговорить со мной целую кучу личных и общественных дел. До полудня мы прогуливались по двору усадьбы Ильи Чавчавадзе и за это время переворошили всю мировую литературу, осудили поджигателей войны и — под самый конец, негромко — прошлись, крепко ругнувшись, по осевшим за границей диссидентам.

После полудня Нанули в той же бамбуковой беседке накрыла нам стол. Из вин мой русский друг очень неравнодушен к «одессе», которую и попивал сейчас жадно и радостно. Мне же пришлось довольствоваться несколькими глотками чешского пива — милостью, с

[1] От грузинского «дедали» — «курица» и «цицила» — «цыпленок».

трудом испрошенной у врачей. Вдруг на стол взлетел мой огромный петух. Я ему, конечно, не удивился, однако гость заметно побледнел. Петух, оглядев его, повернулся ко мне, спрашивая: «А это кто?»

— Мой друг Евгений, русский поэт,— представил я своего гостя. Петух снова поглядел на него, затем мощно хлопнул крыльями, разметав, словно прокламации, белые бумажные салфетки, вытянул шею и пробасил, изумленно оглянувшись на меня: «Ты посмотри, а?!» — будто знал все творчество моего друга давно и основательно. И, ухватив клювом из тарелки самый большой, самый аппетитный и жирный кусок телячьего шашлыка, спрыгнул со стола и, чуть хромая, зашагал по асфальтовой дорожке.

— Слушай, кто это?!— спросил мой ошарашенный гость.

— Тамерлан! — сказал я и отпил пива.

— Кто?

— Говорю же, Тамерлан!

— Он что, людоед?

— Как все тираны и диктаторы,— оправдывал я пожирателя шашлыков.

— Ну и голос! Да я б, не будь он хромым, назвал его Шаляпиным! — даже позавидовал мне мой гость.

Я подтвердил:

— По правде говоря, на Шаляпина в роли Мефистофеля он похож больше. Да что поделаешь, если б не хромота...

— Боже мой, какой красавец! — не переставал восхищаться поэт.— Как там у Гоглы про Тамерлана?

«Пусть любовь, как меч Тамерлана,
рассечет меня в час набега» [1],—

ответил я.

...А Тамерлан в это время, слегка прихрамывая, с золотым гребнем на голове и в сверкающих в солнечных лучах золотистых же одеждах, с хвостом-фонтаном, переливающимся всеми цветами радуги, избранник богов — гордый, могучий, счастливый, возвращался с большой добычей в свой гарем, к своим прекрасным и любимым женам.

В ту ночь Тамерлан остался в своем гареме. Лики милых жен не могли тогда насытить его взор особенно долго, и каждая услышала от него ласковое слово, и от каждой слышал он жаркие восторженные шепоты страсти и преклонения перед могуществом его и славою.

Эта ночь была ночью неги, и когда Тамерлан уже собирался предаться сладостному, истомному сну, во тьму шатра вдруг заглянул огромный белый глаз, который посветил вокруг, поглядел и, сказав: «Здесь они!», исчез. Мерещится, подумалось Тамерлану, и тут же сердце его екнуло в преддверии чего-то жуткого и сильно застучало; веки уже не могли сомкнуться. Мучительное ожидание не продлилось долго: глаз вновь осветил шатер и опять исчез,

[1] Из стихотворения Г. Леонидзе «Ночь Ниноцминды» (перевод С. Куняева).

а затем вспыхнул снаружи, поодаль, сказав кому-то:

— Все здесь, сидят на насесте. Ты подержи фонарь и встань у входа, чтобы не повылетали, а я их вытащу поодиночке.

— Ладно, только быстрее, а то спать очень хочется,— послышалось в ответ. И тут началось страшное: в шатер просунулась крепкая рука, ухватила Тамерлана и, зажав его под мышкой, принялась проворно стаскивать с него покровы и выдергивать перья из того невиданной расцветки и пышности хвоста, что так славился своей красотой...

Дыхание у Тамерлана сперло, сердце осеклось, гребень посинел, и глаза налились кровью. Если бы не безумная боль, все это показалось бы ему ужасным сном. Но это было явью, и вдобавок, когда, сорвав с него верхние одежды и шаровары, его бросили, словно мешок, оземь, больно ударив о стену, он услышал:

— Что вы наделали, это же Тамерлан!

— Ох, что ж ты вовремя не сказал? Фонарь-то у тебя, а посветить не мог? Где мне было в этой темени различить, кто Тамерлан, а кто Чингисхан?—воскликнула ободравшая его рука.

«Как, по какой случайности, по чьей небрежности это произошло?!» — пронеслось в голове у Тамерлана, и снова замерло сердце, но то, что он увидел после, превзошло все возможное — та же рука, ворвавшись в его шатер, на этот раз набросилась на его жен...

Ад длился около получаса. Рука безжалостно срывала одеяния с юных, нежных, милых его сердцу существ, и вокруг стоял неумолчный пронзительный визг, слышались шлепанье и стук падающих тел. Дважды Тамерлан пытался прийти на помощь, и дважды его отбрасывали назад такими оглушительными тумаками, что, окончательно обессиленный, он забился в угол шатра и покорился судьбе.

— Ты погляди, как кусается этот паршивец!— в сердцах крикнула рука, выщипывая последние перышки из гузочки Ци-Ци-Ли, и вход в шатер захлопнулся.

...Мертвая тишина и туман пролегли над ущельем Арагви...

В леденящем душу ожидании провел остаток ночи Тамерлан. Когда заорали первые петухи в окрýге, он понял, что уже светает. Но самому прокричать не хотелось: еще тлела надежда, что все случившееся — только дурной сон, и прихода утра он боялся...

Но рассвет все-таки наступил. Ночь не стала бесконечной. Заря взошла над Арагви, и в разграбленный шатер заглянули первые лучи солнца.

Сначала наружу выползли побледневшие жены Тамерлана, ошеломленные, истерзанные, с пересохшими горлышками. Испуганно оглядев друг друга, они уставились на появившегося на пороге своего властелина. Но нет, это был уже не Тамерлан. Тамерлана больше не существовало.

...И тут Тамерлан закричал. Видя при свете дня своих дорогих жен почти нагими, вываленными в пыли, униженными и опозоренными, он поднял глаза к небу и возопил, умоляя аллаха ниспослать ему смерть.

Но аллах не прислушался к его голосу.

И тогда Тамерлан вспомнил всех тех, кого он разорил, сровнял с землей, предал огню и поруганию, над кем издевался, чьими страданиями вдоволь насладился — властителей, их визирей и сардаров, воинов, землепашцев, мужчин и женщин,— и вновь, уже от их имени, воззвал к аллаху, прося того во имя справедливости на земле даровать ему смерть, но аллах опять не услышал его или не захотел услышать. И понял Тамерлан, что явилась ему прошедшей ночью та сила, которой он втайне так страшился, предчувствуя, что рано или поздно она придет и скосит так широко раскинувшуюся, шумную и разгулявшуюся ниву его жизни.

— Выйди, Нодар, посмотри, что натворила наша Нуца,— позвала меня Нанули и показала на ободранных кур.— А уж с петухом-то что сделала, господи! — кивнула она, не в силах сдержать улыбку, на съежившегося в углу курятника Тамерлана.

— И в самом деле перестаралась, наверное, в темноте петуха от кур не отличила,— улыбнулся и я.— Не беда, через месяц опять таким же красавцем будет.

Женщины раньше мужчин примиряются с горем. Так же, видно, и у кур... На следующее утро Тамерлановы женушки бодро выпрыгивали из шатра, будто ничего и не было, и нахальничали, и насмешничали весь день, словно обкорнали не их, а меня. Казалось, так им даже больше нравилось, и они вовсю носились по двору, бойко вскидывая бесстыжие оголенные гузки.

На третий день мы с моим шофером Тристаном заметили, что Тамерлан за все время так и не показался наружу. Тристан силой вытолкнул его во двор, и произошло поразительное: самочки даже не взглянули на своего владыку. Сам Тамерлан не притронулся ни к корму, ни к воде, и, стоило Тристану отойти от дверцы курятника, как он в тот же миг, словно пущенный из рогатки, устремился обратно и прижался к темному углу. Я заглянул внутрь, и мне показалось, что Тамерлан рыдает.

— Что это с ним? — удивился Тристан.

— Кур устыдился!

— Да будет вам!

— Говорю тебе: или стыдно ему, или очень уж оскорблися, перенести не может.

— Так неужели не отошел еще? Петух ведь, не бог весть кто...

— Как видно, нет. Иные такие гордецы — не приведи господь...

Гордость Тамерлана оказалась выше всех моих предположений. Пять дней не покидал он курятник. На шестой день, когда я поливал в огороде помидоры, ко мне подбежал мой внук Леван:

— Дедушка, Тамерлан умирает! — Подбородок у малыша дрожал, и по щекам текли слезы.

Я подошел к курятнику. Тамерлан лежал на полу, чуть подрагивая, его остекленевшие глаза были широко раскрыты. Он ждал...

— Помоги ему, дедушка! — плакал Леван.

— Ты пойди, родной, а я помогу.— И я легонько подтолкнул его.

Тамерлан лежал и ждал...

Удивительно, но это так, я видел это сам: в его глазах не было ни отчаяния, ни мольбы, ни злобы, ни проклятий, а было только бессильное ожидание смерти, и ничего больше.

В год 1982, 14 июля, в шесть часов вечера жизнь ушла из Тамерлана.

Трехсоттысячное войско провожало в Самарканде его в последний путь — внезапно скончавшегося солнцеподобного эмира эмиров.

Тысяча спешившихся всадников, одетых в черное, вела накрытых пурпурными шелками неоседланных чистокровных аргамаков с чуть стянутыми — для укорота шага — серебряными цепочками ногами. За ними шли триста закутанных в белые саваны босых жен, распустивших волосы и в кровь царапавших себе щеки и грудь. Из них двенадцать — самые любимые,— передвигаясь на коленях, сопровождали покачивающийся на склоненных головах десяти чернокожих рабов и обернутый в расшитую золотом ткань серебряный гроб, за которым они должны были живьем последовать в могилу...

Так записано в летописи.

Не верьте!

Не было ни трехсот тысяч воинов, ни трехсот раздиравших себе щеки и грудь жен, ни обернутого в золотую ткань серебряного гроба.

Под тяжелой доской с грудой сложенных на ней поленьев свежеспиленного граба похоронили мы с Тристаном завернутое в газету и целлофановый пакет тело кровавого тирана. Ни одна из его бывших жен и не помышляла о том, чтобы лечь в могилу вместе со своим повелителем, а малютка Ци-Ци-Ли даже пропищала:

— А для меня он давно уже был мертв!..

— Нишкни, пустомеля, а то как услышит тебя всевышний да накажет! — одернула ее набожная Ганка-Хохлатка. Вот и все. Остальные даже не взглянули в сторону могилы.

Одно лишь надо сказать: то ли сохранив хоть малость почтения к памяти как-никак бывшего супруга, то ли по случайному совпадению — уж не знаю, но только утром следующего дня ни одна из вдов Тамерлана так и не снесла яичка...

Перевел с грузинского Л. БЕГИЗОВ.

Автором нескольких известных портретов Дмитрия Дмитриевича Шостаковича был Л. Левит. Сегодня он рассказывает об истории их создания.

ДВАДЦАТЬ МИНУТ С ШОСТАКОВИЧЕМ

Еще юношей, в 1943 году на филармоническом концерте в Свердловске, я впервые услышал Седьмую симфонию Д. Шостаковича. С этого дня мне открылась музыка великого композитора. А ровно через двадцать лет в Киевской филармонии довелось услышать его Десятую симфонию. Впечатление было так велико, что я решился ехать в Москву и просить Дмитрия Дмитриевича согласиться на фотосеанс.

Дмитрий Дмитриевич пообещал посмотреть мои фотопортреты и сказал, что на следующий день в 11.30 сможет уделить мне 20 минут.

В одиннадцать часов я уже ждал в приемной Союза композиторов. Ровно в 11 часов 30 минут дверь открылась и вышел Шостакович. Он узнал меня и, поздоровавшись, с мягкой улыбкой спросил, где мы должны поработать. Я сказал, что устроился в кабинете В. Мурадели, и был озадачен, когда он спросил тоном заговорщика: «А нас оттуда не выгонят?»

Когда дверь за нами закрылась, я начал нервничать: надо было говорить с Шостаковичем, иначе портрет не получится. Говорить коротко и точно. К различным людям портретист подбирает свой, непохожий прием воздействия. Поэтому каждый портретный сеанс всегда проходит особенно. Все зависит от многослойности и пластичности «материала».

На этот раз я оказался наедине с гениальным человеком, и любое слово в его присутствии казалось мелким и банальным. Но что было делать? Ведь цель нашей встречи — портрет, образ гения музыки, а у меня в запасе всего двадцать минут.

Когда Дмитрий Дмитриевич опустился на стул перед камерой, я стал физически ощущать, как исчезают секунды, но раньше чем через минуту нарушить молчание не смог. Все было готово заранее, но я делал вид, что поправляю фон, прилаживаю камеру. Потом, ощутив холодок сыреющей рубашки и нарастающую отчаянную решимость, сел напротив Дмитрия Дмитриевича и заговорил.

Я говорил без перерыва минуты три. О том, когда начал его слушать, о его квартетах, виолончельном концерте, Десятой симфонии. Шостакович смотрел пристально, он уже не улыбался. Секунды продолжали исчезать... Я поднялся, убрал стул и уже за камерой договорил, какой музыкой хотел бы наполнить его портреты. Часы показывали 11.40.

За оставшиеся десять минут удалось сделать варианты трех главных портретов: с опорой на кулак, в резком повороте и без очков.

Часы показывали 11.48. Я уже давал лишь технические команды. Вот сделан последний крутой поворот на камеру... теперь глаза, глаза за пределы кадра... И, наконец, последний резкий сигнал — напоминание об «Аллегро» из Десятой симфонии... Все!

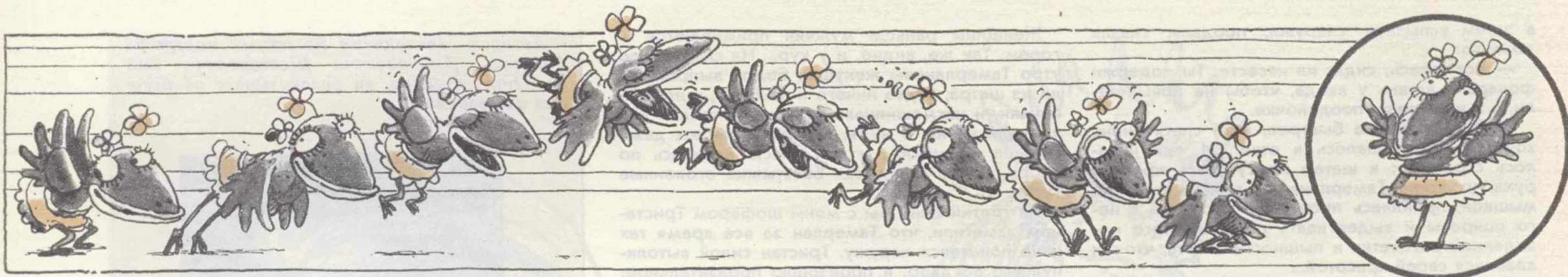
11 часов 50 минут. Дмитрий Дмитриевич облегченно вздыхает, поднимается и опять превращается в чуть сутулого, немного застенчивого, приветливого человека. Он предупредительно протягивает мне свою визитную карточку (храню ее до сих пор), и мы тепло прощаемся.

Долго сижу в оцепенении, и все яснее чувствую, что важнее этих двадцати минут в моей творческой жизни, наверное, уже ничего не случится.

Потом были письма из Киева с пробными отпечатками, поощрительные слова Шостаковича, пересылка готовых портретов в Москву.

И до сих пор, спустя почти четверть века, в памяти четко отпечатаны эти полные высшего напряжения и ответственности двадцать минут, за которые удалось сделать главные портреты в моей жизни.

Леонид ЛЕВИТ

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ

— это самая бесшабашная разновидность кино.

С. Эйзенштейн

— это искусство, где действительность тесно переплетается с фантазией и вымыслом, где фантазия и вымысел становятся действительностью.

И. Иванов-Вано

— это наиболее гибкий и многосторонний метод, способствующий быстрому обучению.

Уолт Дисней

КОМИКС КОМП

— Простите, пожалуйста, вы случайно не рыбу ловите!
— А что, кому-то может показаться, что купаюсь!..

Анатолий ПРОХОРОВ

НАКАНУНЕ

Озаглавив так свою статью, автор должен быть уверен, что грядущее событие весомо и значительно. В данном случае событие еще не произошло. И все же автор не боится попасть впросак.

Но сперва — небезынтересный пример, вплотную подводящий нас к нашему «накануне». Так сказать, «аргумент в двух действующих лицах», которые, кстати, могут сказать и сами за себя...

НАКАНУНЕ ПРОФЕССИИ

ТАТАРСКИЙ. На мультобъединение «Киевнаучфильма» я пришел в последний день января 1968 года (до сих пор не могу понять, как я запомнил эту дату). И назавтра же — в прямом смысле слова! — мы еще с двумя ребятами начали готовить «свой» мультфильм.

КОВАЛЕВ. Писать сценарий, делать самодельный мультстанок...

Итак, назавтра они начали работать над мультфильмами. К чему же это привело сегодня? Тут автор хочет напомнить читателям, что они прежде всего телезрители. И, стало быть, наверняка помнят фантасмагорический мультфильм «Про ворону», которой бог послал кусочек сыра, а может, и не сыра, а может, не вороне...

А помните, с каким изумлением все мы всматривались в необычную тогда пластилиновую заставку к передаче «Спокойной ночи, малыши!». Или, может быть, кому-то из вас посчастливилось увидеть промелькнувшие на телеэкране мультфильмы «Падал прошлогодний снег», «Обратная сторона Луны», «Крылья, ноги и хвосты», мультжурнал «Кубик-Рубик», а также массу очень смешных мультфильмов-минуток?

Так это все Александр Татарский и Игорь Ковалев!

ТАТАРСКИЙ. Когда мы на студии сказали, что сами сделаем мультстанок и снимем свой фильм, над нами посмеивались. Нам говорили, что целая студия — государственное учреждение! — не может полностью совладать с массой технологических проблем мультипликационного производства. А тут два «пацана»...

КОВАЛЕВ. Для меня тогда пределом мечтаний было — двигать персонажей. А тут Саша говорит: «Давай делать фильм». Я сначала тоже в это не поверил. Но когда он принес мне чертежи мультстанка, я посмотрел их и понял: «Да, это реально!» И тут же «загорелся».

Начиная с момента прихода на

ФЕСТИВАЛЬ В ЗАГРЕБЕ

VII Всемирный фестиваль мультипликационных фильмов в Загребе (Югославия) проходил с 22 по 28 июня 1986 года. Было представлено 450 фильмов.

Гран-при присужден не был. Премии получили следующие фильмы (по категориям): **до 5 минут:** «Это совсем не про то» (СССР, Мульттелефильм); **от 5 до 12 минут:** «Глубокий сон» (Великобритания); **от 12 до 30 минут:** «Улица Крокодила» (Великобритания); **научно-популярные фильмы:** «Тридцать шесть знаков» (КНР); **фильмы для детей:** «Волк и теленок» (СССР, Союзмультфильм); **фильм-дебют:** «Криминальное танго» (Франция).

Специальным дипломом жюри был отмечен фильм «И будет ласковый дождь» (СССР, Узбекфильм).

На фестивале были представлены ретроспективы фильмов А. Хржановского (СССР), Н. Мак-Ларена (Канада) и братьев Флейшер (США).

Увидят ли наши зрители фильмы-лауреаты? Читайте рассказ члена жюри фестиваля Э. Назарова в одном из следующих выпусков «МУЛЬТПАННО».

ПЕРВЫЙ НОМЕР «МУЛЬТПАННО» ВЫХОДИТ СЕГОДНЯ НА СУД ЧИТАТЕЛЕЙ.

МУЛЬТПАННО — значит ВСЕ о мультипликационном кино.

Новости, экскурсы в историю, встречи с мастерами рисованного и кукольного фильма и даже попытки предсказывать будущее...

Приглашаем вас принять самое активное участие в работе МУЛЬТПАННО, быть постоянными участниками наших дискуссий.

ЖДЕМ: ваших писем,
ваших предложений,
может быть, даже ваших заявок
на новые мультфильмы.

И ЕЩЕ: расскажите, где и когда в вашем городе, в вашем поселке, в вашем сельском клубе показывают мультфильмы...

Только детям? А взрослым?

Ведь МУЛЬТПАННО может рассказать о мультипликации очень многое, но ничего не сможет показать, если мы вместе с вами не поможем лучшим мультфильмам попасть на ВСЕ экраны страны.

киевскую студию, Татарский с другими молодыми художниками — то с Тараном, то с Викеном и Титовым, то с Марченковой, а чуть позже в «дуэте» с Ковалевым — самостоятельно сделали или подготовили к съемке «около восьми», как они выражаются, мультипликационных фильмов. Может быть, восемь с половиной?

В 1979 году два фильма из задуманного сериала «Кстати о птичках» увидели мультипликаторы Москвы. В результате чего Ковалева взяли на Высшие режиссерские курсы Госкино СССР, а Татарскому,—поскольку в Киеве ему отказали в направлении на курсы ввиду «отсутствия одаренности»,— на московском «Мульттелефильме» предложили сделать фильм, одним из трех сюжетов которого и оказалась «Пластилиновая ворона».

НАКАНУНЕ ОБРЕТЕНИЯ УЧЕНИКОВ

ТАТАРСКИЙ. Мы очень переживали, что в режиссуру приходится входить с таким пустяком. Никаких «ставок» на этот фильм не делали. Просто хотели доказать свою производственную состоятельность. А то, что «Ворону» встретил такой успех,— это мне по сей день непонятно.

КОВАЛЕВ. Тем более что нам, как всегда, прочили «пластилиновый» провал.

Фильм "Про ворону" (1981 г.) получил Гран-при на Всесоюзном фестивале телефильмов и еще пять международных и всесоюзных наград. Следующий фильм «Падал прошлогодний снег» (1982 г.) получил «всего» две премии: Серебряную медаль III Всемирного фестиваля мультипликации в Варне и приз Международной ассоциации детского кино. Фильм «Обратная сторона Луны» (1983 г.) удостоен Золотой награды на VI Всемирном мультипликационном фестивале в Загребе и еще шести кинематографических призов. Так что на «Мульттелефильме» не зря пересмотрели прежнее мнение насчет «отсутствия одаренности».

ТАТАРСКИЙ. Последующих фильмов мы уже не стыдились. Но у меня все равно на работе жуткий «комплекс стыда». Очень стыдно делать плохие фильмы! После «Прошлогоднего снега» до сих пор кошмары снятся: почему не переснял сцену, ведь заметил же ошибку! Я для себя большего стыда не знаю.

КОВАЛЕВ. Можно сшить плохие брюки. Все равно, кто-то будет носить. Брюк-то надо много. Но плохие фильмы можно и не делать. Это совсем не обязательно!

ТАТАРСКИЙ. Но самим ставить полностью весь фильм с каждым годом становится все труднее. На «Прошлогоднем снеге»—Игорь тогда еще сражался за обещанную режиссуру в Киеве — я от усталости просто падал в обморок.

Мультипликат — это создающие его люди. Без своей группы фильма не сделаешь. Значит, надо кого-то учить. Но кого и как? И дуэт составляет "тест на максимальный минимум»: претендент должен хорошо рисовать (хорошо — значит лучше, чем они сами), быть непьющим, фанатиком мультипликации, коммуникабельным человеком...

Принципы обучения оказались простыми — максимум внимания ученику (на курсах Госкино было три-четыре педагога на двадцать человек, а здесь на четверых учеников — Ковалев да Татарский), и занятия каждый «день»: с семи вечера (днем ведь делали фильмы!) и допоздна.

ТАТАРСКИЙ. Нам вначале говорили, что это бред (ну, это мы слышим с самого детства, такая уж у нас судьба!), что так не учат, что это несерьезно. Мы ведь не просто «учили» ребят, мы бросали их прямо «в бой», то есть на производство плановых фильмов...

КОВАЛЕВ. ...которые мы взяли под свою ответственность: если они не вытянут, мы должны были расшибиться, но фильмы сделать.

Требования же к ребятам были очень жесткими: никаких поблажек качеству, никаких! Сделай, как мастер. Не получается — десять раз переделай! Нет времени — сделай хорошо сразу! В результате через полгода на Всесоюзном семинаре мультипликаторов показали первые курсовые работы... Далеко не все поверили, что ребята учатся всего семестр.

А еще через полгода были закончены девять микрофильмов, признанных одними из наиболее удачных студийных работ года.

ТАТАРСКИЙ. Пожалуй, на сегодня самое большое наше с Игорем достижение — это даже не фильмы. А люди, которые могут делать фильмы. Мы открыли для себя поразительно эффективный способ «размножения» художников-аниматоров.

КОВАЛЕВ. Если бы потребовалось, то мы в течение года смогли бы подготовить еще по крайней мере десять перспективных аниматоров. Но куда их девать?..

НАКАНУНЕ МОЛОДОЙ СТУДИИ

А теперь отведем глаза от «Мульттелефильма» и оглядимся вокруг. Наша страна сегодня обладает мощным творческим потенциалом режиссерской молодежи (о мастерах — разговор отдельный!).

Но существует ли реальная потребность в столь мощном «мультипликационном потенциале"? Оказывается, потребность эта огромна и очевидна...

Дело в том, что еще в конце прошлого года, в преддверии стремительно расширяющегося видеорынка страны, Госкино СССР создало Всесоюзное производственно-творческое объединение видеофильмов, ставшее официальным заказчиком и распространителем всей видеопродукции страны. И тем не менее процесс налаживания выпуска специальных видеопрограмм практически топчется на месте. Поскольку, кроме заказчика, хорошо бы иметь и исполнителей... В ряду музыкальных, развлекательных и учебных программ весомое место отводится и мультвидеопрограммам. Но кто сегодня может их делать? Госкино в неведении...

Почему бы молодым московским мультипликаторам не взять эту работу на себя? Ведь они готовы к этому и художественно, и технологически. Новый «виток» режиссерских судеб мог бы стать экзаменом на гражданскую зрелость молодых художников. Правда, для всего этого должна стать реальностью небольшая, но самостоятельная мультипликационная студия. Скажем, «Мультвидеофильм».

Известно, что видеомультипликация пользуется на мировом рынке необычайно большим и устойчивым спросом. Именно поэтому возможно — и необходимо!—возникновение советской видеомультипликации, что, помимо финансового успеха, принесет весомые достижения и нашей контрпропаганде. При этом, размещая «именные» заказы (подобно тому, как это постоянно делает киножурнал «Фитиль») на многих мультобъединениях страны, новая студия сможет выйти за рамки «столичной обоймы» молодых и будет способствовать активизации молодой режиссуры в республиках.

Итак, у нашего «накануне» есть, так сказать, «две стороны Луны». На ее одной, видимой, стороне стоит Госкино, протягивая в неизвестность руку с пустой видеокассетой. На другой, «обратной стороне Луны»,— молодые мультипликаторы, доказавшие свою художественную состоятельность на самом высоком международном уровне и способные уже сегодня стать ядром новой видеостудии.

И пусть, как говорится, «луна с луной не сходятся».

Люди-то должны сойтись!

Рисунки И. КОВАЛЕВА и А. ТАТАРСКОГО

МУЛЬТПАННО

1 Состоялись ли вы как семьянин и какие самые большие ошибки вашей семейной жизни?

2 Ваши семейные достижения — в чем они и как вы их оцениваете?

3 Нужен ли семейный лидер и как вы сами решили для себя эту проблему?

4 Как вы понимаете свой долг по отношению к семье? Как относитесь к так называемой свободе отношений между мужчиной и женщиной?

5 «Семейная карьера» мужчины — какой вы ее представляете в идеале? Что такое хорошая домохозяйка?

6 Что чаще всего вызывает в вашем доме ссоры: денежные проблемы, родственники, вопросы воспитания детей или споры о том, как проводить свободное время?

7 Старики в доме: как решается в вашей семье эта проблема «отцов и детей»? Ваши предложения — как следует ее решать в целом?

8 Как вы относитесь к материальной помощи родителей взрослым детям? Это необходимость или поощрение иждивенчества? Что такое жить по средствам?

9 Отчего растет число однодетных семей? Способны ли вы сами ради детей отказаться от рабочей, общественной карьеры?

10 Кто и как должен готовить человека к семейной жизни? Расскажите о вашем личном опыте!

Перед вами десять вопросов на семейную тему. Отвечая на них, не забудьте сообщить ваш возраст, стаж семейной жизни и число детей в семье, образование, профессию.

На конверте напишите: «Я И СЕМЬЯ».

премьера рубрики «я и семья»

Давайте знакомиться!

Рубрику ведет Новелла ИВАНОВА

Дорогие читатели! Сегодня мы открываем новую рубрику. Ее подсказали вы сами. В почте журнала в последнее время все больше писем, авторы которых предлагают вести на страницах «Огонька» острый и откровенный разговор о современной семье и ее проблемах, о роли женщины и мужчины дома и на работе, о воспитании детей.

«Будем знакомы — Меликседова Наталья. 32 года, замужем, сыну 9 лет. По профессии преподаватель русского языка и литературы. Работаю в библиотеке армавирского пединститута. Постановку каких проблем я хотела бы видеть в журнале? Я и мы — проблемы общения в семье. Как понять своего ребенка? Женственна ли современная женщина и где они — ау! — настоящие мужчины?»

«Я выписываю «Огонек» уже 35 лет. Предлагаю открыть семейно-бытовую рубрику, чтобы поговорить о наболевшем,— написала из Владимира М. Г. Громова.— К сожалению, проблема отцов и детей не снята с повестки дня. Сын, здоровый и обеспеченный, сдает отца в приют. Дочь судится с больной матерью. Разве это не важная тема?»

«Пишите, пожалуйста, почаще о становлении молодых семей. Добрый, умный, тактичный совет будет им очень полезен. Давайте без румян и белил поговорим о современной студенческой семье и вообще о семейной жизни»,— предлагает А. Седых из Иванова. А молодая москвичка Катя Рождественская, мать семимесячного малыша, хотела бы, чтобы новая рубрика помогла «бедной современной женщине, обремененной эмансипацией, оставаться женщиной, несмотря ни на что», и предложила несколько тем, которые я внесла в свой рабочий план. Такие, например: женщина и мужская профессия, как вести семейный бюджет, одиночество в... семье. Особенно интересным показалось ее предложение дать серию интервью с женщиной-личностью, известной многим.

Это может быть писательница, актриса, героиня труда, многодетная мать, ученая, спортсменка, учительница, врач, художница... Перечень вы можете продолжить сами и, если вам понравилось это предложение, напишите, с кем конкретно вы хотели бы провести интервью и какие задать вопросы. Жду ваших предложений! Кстати, вы можете также предложить любую тему для рубрики и назвать интересный адрес. Ваши советы для нас очень важны, ведь эту рубрику придумали вы сами. Вы и подсказали, как назвать новорожденную: «Я И СЕМЬЯ».

«Семья» — это всем понятно. А кто же это «я»? Женщина! Дочь. Жена. Мать. Теща. Свекровь. Бабушка... «Ну, ясное дело — рубрику поручили женщине, вот она и тащит женщин, а мы в стороне!» — возможно, подумает кто-то из читателей-мужчин. И ошибется! Лично я твердо убеждена — разговор о женщине и семье без мужчины и его проблем в наши дни просто невозможен. Мне кажется даже, что сейчас пришло время, когда, обсуждая семейные темы, следует делать акцент уже не на женской, а на мужской роли.

Так почему же все-таки «я» в нашей рубрике это женщина? Сошлюсь на авторитетное мнение ученых. Они утверждают, что сегодня именно от женщины во многом зависит КАЧЕСТВО СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ. И хотя из домашней хозяйки она превратилась в учителя, инженера, врача, шофера, но по-прежнему остается хранительницей домашнего очага.

Очаг... Толковый словарь Даля разъясняет: это слово, по-видимому, татарского происхождения, пришло к нам из очень давних времен. Когда-то оно означало «возвышенный под для разводки огня, тепловаго, стряпнаго или работнаго». Позднее оно стало означать избу, семью, тягло, и появилось выражение «очадить» (с ударением на «а»), то есть «даровать кому чадо, дитя».

У современной хранительницы домашнего очага, кроме старых ролей — мать, жена, домохозяйка, социологи насчитали еще около дюжины различных жизненных ролей—рабочих, общественных и семейных. Мне самой приходится выступать во многих из этих ролей, оставаясь дочерью, женой, матерью, свекровью и бабушкой, и потому я с полным основанием могу утверждать: быть хранительницей современного семейного очага дело очень непростое!

Об этом вы пишете сами, спрашивая, почему именно теперь, когда мы все стали жить лучше, когда наши жилищные и бытовые условия таковы, что им могут позавидовать люди старшего поколения, свадьбы которых пришлись на тяжелые послевоенные годы, растет число разводов и семей с одним-единственным ребенком? Конечно, каждый из вас, размышляя над этим, опирается прежде всего на свой личный опыт, на опыт родных и друзей. Читая ваши письма, я подумала: может быть, это только отдельные «домашние» примеры и не стоит торопиться с выводами? Но прежде чем открыть эту рубрику, решила встретиться с известными учеными-социологами, демографами, психологами, которые много лет всесторонне изучают эти проблемы. По моей просьбе они нарисовали, так сказать, групповой, общий портрет современной семьи, и, честно признаюсь, он не вызвал большого оптимизма.

Как вы думаете, сколько семейных пар в нашей стране? Семьдесят два миллиона. Каждый год в брак вступает примерно два миллиона четыреста тысяч человек. А сколько браков распадается? Больше девятисот тысяч! За последние пятнадцать лет распалось одиннадцать с половиной миллионов семей, причем в большинстве из них были дети разного возраста. Разводы и снижение рождаемости, по мнению ученых, несут серьезную угрозу семье. Сегодня числится примерно восемь миллионов однодетных семей. Особенно тревожная ситуация сложилась в европейской части страны, где преобладают семьи с одним или двумя детьми.

Согласитесь, что эти цифры — повод для серьезного разговора! В самое ближайшее время он состоится в «Огоньке» с участием признанных авторитетов в этой области, и вы узнаете их отношение к этим сложным проблемам.

А мы с вами давайте задумаемся вот над чем. Наверное, каждому в детстве приходилось слышать: «Это твоя игрушка, не ломай ее!» В школе нам внушали: «Это твоя парта, береги ее!» Тот из вас, кто пришел на завод, услышал: «Это твой станок, ты за него в ответе». И всюду, где бы мы с вами ни работали, нам постоянно говорят: «Это твой коллектив, трудись честно, и ты завоюешь его уважение». Нужно ли говорить о том, как важны эти слова для формирования нашего гражданского сознания. И особенно важны они сегодня, когда от каждого из нас общество ждет полной самоотдачи сил и таланта. Но каждый человек — это особый, сложный, неповторимый мир, и для общества важно не только то, чтобы он был здоров и хорошо

работал. ОЧЕНЬ ВАЖНО, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ХОРОШО ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ МОРАЛЬНО. Думаю, вы согласитесь со мной,— тот, кто знает, что его ценят, любят и поддерживают дома, способен принести на работе гораздо больше пользы, нежели кто сильно удручен семейными неурядицами. Как же обидно, что нам не внушали с такой же настойчивостью еще в детстве, потом в юности и теперь, в зрелые годы: ЭТО ТВОЯ СЕМЬЯ — БЕРЕГИ ЕЕ! Может быть, тогда жизнь многих из нас сложилась бы более счастливо?

«...Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно...» Это сказал замечательный педагог Антон Семенович Макаренко. Вы обращали внимание на то, что люди, о которых говорят «у него счастливый характер», всегда увлечены каким-то делом, лишены чувства зависти, а главное, они принимают мир таким, какой он есть, без прикрас, и не стремятся переделать «под себя» своих родных и близких, а любят их такими, какие они есть? Как воспитать человека, чтобы он почувствовал себя счастливым? «Счастье— это когда тебя понимают» — помните, это написал в школьном сочинении симпатичный паренек из кинофильма. Ну конечно же, это счастье, если тебя понимают. Но я подумала: а разве двадцать, тридцать или пятьдесят лет тому назад это не было так же необходимо для счастья? Конечно, было. Но сегодня это стало более чем необходимо. И вот почему: никогда прежде не приходилось человеку жить в таком обилии стрессовых ситуаций, в таком эмоциональном напряжении и с такой перегрузкой информацией, как сегодня нам. И это не может не отражаться на семье. Вместе с тем теперь, когда мы стали жить лучше, у каждого из нас выросли требования к жизни и очень важной стала потребность в психологическом комфорте, в том, чтобы «тебя понимали». Психологический климат... Как часто мы обсуждаем значение его на работе, забывая о том, что он не менее, а более важен дома, в семье, которая в новых сложных условиях жизни должна взять на себя функцию... психотерапевта. Да, дело обстоит именно так! Но готовы ли мы с вами к этой роли? Знаем ли мы, от каких личных качеств, знаний и навыков зависит мир и крепость современной семьи? Умеем ли мы общаться и понимать друг друга? Понимаем мы наших родителей и детей? Умеет ли каждый из нас быть педагогом и психологом в своем доме? И кто нас этому должен научить? Видите, сколько важных вопросов!

Открывая рубрику «Я и семья», мы хотим их обсудить вместе с вами и пригласить к разговору известных ученых, писателей, педагогов, врачей. У каждого из вас есть свой личный опыт. В нем есть победы и есть поражения. И прежде чем начать этот важный для всех нас разговор, давайте попробуем объединить наш опыт, вместе исследуем самые болевые точки семейной жизни и сообща подумаем, как помочь друг другу. Очень важно, чтобы тот, кто захочет в этом принять участие, откровенно и подробно ответил на вопросы, которые мы сегодня публикуем. Ждем ваших ответов и предложений.

На протяжении всего лета от воскресенья до воскресенья, от первой до последней (тринадцатой) серии документального телефильма «Жизнь на Земле» возрастал к нему интерес телезрителей. Об этом свидетельствует и наша почта, в которой читатели просят рассказать о создателе фильма.

Крупного английского зоолога, члена Британского Королевского общества, популяризатора науки Дэвида Эттенборо представляет нашим читателям ведущий передачи «В мире животных» Николай Николаевич ДРОЗДОВ.

ВСТРЕЧА С ДЭВИДОМ ЭТТЕНБОРО

— Николай Николаевич, фильм «Жизнь на Земле» в одинаковой мере мог бы идти под эгидой и передачи «В мире животных», и передачи «Очевидное — невероятное». Ведь в каждой серии так много необычных фактов, которые возбуждают воображение, вообще требуют времени, чтобы к ним привыкнуть.

— Этот прекрасный фильм действительно все время заставляет думать, более того, побуждает пойти в библиотеку, порыться в книгах в поисках дополнительных сведений; для тех, кто по-настоящему увлечется, они сложатся в знание...

Для советских телезрителей это первое и пока заочное знакомство с Эттенборо. Фильмы же его и книги (кстати, у нас уже вышло две) пользуются большим уважением у специалистов и самой широкой популярностью в десятках стран мира, как и книги его соотечественника Джералда Даррелла. И раз уж мы и о нем заговорили, то отмечу своеобразие творческого метода каждого. Даррелл в бо́льшей степени писатель в обычном понимании. Его книги — это научно-художественная проза: в них описаны и путешествия, и приключения, и характеры интересных людей, встреченных им. Эттенборо же сосредоточен исключительно на главном предмете разговора и не позволяет никаких отступлений. Кадры, отснятые на Галапагосских островах, сменяются дельтой Нила или австралийской пустыней без всяких промежутков, даже без служебных предложений типа: «А сейчас перенесемся...» Текст сугубо научный, без особой эмоциональной окраски, некоторые даже находят его поначалу суховатым. Но, как видите, жгучий интерес к работам обоих зоологов свидетельствует о плодотворности творческих методов каждого.

— Вы сказали: «фильмы, книги Эттенборо»,— то есть во множественном числе...

— Да, он автор многих телефильмов о животных, и некоторые из них были показаны в нашей передаче. Книги его выходили обычно следом за фильмами. Например, книга «Жизнь на Земле» состоит из тринадцати глав — по числу серий телефильма, расширенно воспроизводит текст фильма и богато иллюстрирована. Она вышла в переводе на русский язык в издательстве «Мир», хорошо издана, и тираж массовый, кажется, сто тысяч, но достать ее невозможно — раскупили.

Эттенборо изучал зоологию в Кембриджском университете и практически сразу после его окончания в 1954 году снял свой первый фильм «В поисках животных». Снимался он в разных уголках земного шара во время отлова животных для зоопарка, а посвящен особенностям их поведения, взаимоотношениям их различных сообществ. Фильм настолько понравился телезрителям, что Эттенборо продолжил его, и получился сериал, который выходил на телеэкраны в течение десяти лет. Кстати, его давняя книга по этой телесерии сейчас переводится в издательстве «Мысль».

Потом Эттенборо посвятил несколько лет административной, организаторской работе на телевидении, занимал довольно высокий пост, однако просветительское призвание победило, и он вновь начал писать сценарии и снимать киноленты. Тогда-то, в 1972 году, и обратился к теме «Жизнь на Земле». О том, какова цель этого фильма, можно судить по результату, вполне удавшемуся ученому: показать теорию эволюции, если так можно выразиться, в лицах. Фильм, снимавшийся 6 лет, по сути, является очень точной, серьезной и уникальной по собранному в ней материалу иллюстрацией современного дарвинизма. Он раскрывает закономерности происхождения, многообразия видов живых существ на Земле.

— Будет ли повторяться на телеэкране «Жизнь на Земле» и увидим ли мы еще какие-нибудь картины Эттенборо?

— Вероятно, наши телезрители смогут увидеть еще раз «Жизнь на Земле», тем более что картина вызвала такой интерес. Надо отметить, что она была показана во многих странах мира, и, как писала зарубежная печать, на ее долю выпал феноменальный успех. Что касается его новых фильмов, то и они будут показаны нашим телевидением.

— Над чем сейчас работает Эттенборо? Увидим ли мы его в качестве гостя вашей передачи?

— Недавно Д. Эттенборо закончил новый 13-серийный телефильм «Живая планета». А в октябре этого года планирует провести прямой телерепортаж о природе и животном мире из разных областей земного шара — от Аляски и Норвегии до островов Галапагос и Новой Зеландии. У нас в стране мы выбрали два объекта для этой передачи — моржей на Камчатке и сайгаков в Казахстане.

Мы давно уже намереваемся пригласить Дэвида Эттенборо на встречу с советскими телезрителями и постараемся это сделать, когда он к нам приедет.

Беседу вел Ю. СУРХАЙХАНОВ.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

На Шпицбергене

Существуют ли еще на карте мира «белые пятна»? Практически, наверное, таких уголков нет. Но тех, которые следом своим редко пятнает человек, еще хватает. Шпицберген — такое по нынешним временам приятное исключение. Но есть на этой не слишком исхоженной земле несколько весьма давних вех, оставленных моими соотечественниками. Метрах в восьмистах от причала Колсбея, куда мы со снятой вахтой бурильщиков — советских шахтеров — держим путь, виднеется в мутной пелене дождя домик. Совсем небольшой — зарубка на древе времени, домик Русанова.

В 1912 году Владимир Александрович Русанов назначается начальником экспедиции на Шпицберген. Русанов решает предпринять сквозное плавание по Северному морскому пути. Его корабль «Геркулес» уходит в последний рейс, и следы полярников обнаруживаются лишь спустя десятилетия... В составе экспедиции Русанова находился молодой горный инженер Р. Л. Самойлович, ставший после революции известным ученым, директором Арктического института. Отправленный начальником экспедиции попутным кораблем на родину, Самойлович на следующий год возвращается на Шпицберген руководителем геологоразведочной экспедиции. Тогда и поставили это строение и назвали «домик Русанова». Экспедиция обследует побережье, доказывая промышленное значение заявленных в 1912 году Русановым угольных участков...

Если посмотреть в другую сторону Ис-фьорда — Ледяного залива, посередине которого мы сейчас болтаемся на нашем катере, на расстоянии нескольких десятков километров еще можно угадать берег. Возле скал остались следы другого дома. Шведский полярный исследователь Нильс Адольф Норденшельд назвал мыс в конце прошлого века именем владельца этого дома, прожившего на острове несколько десятков лет,— Ивана Старостина. Умер Иван Старостин здесь же, в Стране острых гор, в 1826 году, где его и похоронили среди полярных снегов... Да будет пухом твое каменное ложе, Шпицберген, тем людям, которые посвятили тебе свои жизни...

Кто же первым ступил на твои берега? Давно ли это было?

И тут начинается, может быть, самая любопытная часть нашего рассказа. Если заглянуть еще дальше на юг, миновать мыс Старостина и выйти к речке Стаббэльва, путь приведет нас к тому месту, где работают советские археологи.

Вадим Федорович Старков, кандидат исторических наук, руководитель экспедиции на Шпицберген Института археологии АН СССР,— старый знакомый «Огонька». Мы сразу же обнаружили общих друзей: мои коллеги познакомились со Старковым шестнадцать лет назад на севере Тюмени, в Мангазее. Посмотрите старый номер нашего журнала, где писалось о златокипящей Мангазее. Она тогда ярко вспыхнула на страницах многих изданий, а одним из виновников известности славного торгового града прошлого был и Вадим Федорович. Он рассказывает:

— Я уралец, тагильчанин. Окончил в 1963 году МГУ. Интересовали меня тогда четвертое-третье тысячелетия до нашей эры — «Неолит Среднего Урала». А я вдруг получаю предложение поехать на раскопки Мангазеи — семнадцатый век. Подумав, я согласился, о чем впоследствии жалеть не пришлось. Много ценного материала о жизни русского севера дала тогда экспедиция. Увидели свет монографии «Мангазейский морской ход» и вторая «Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII веков». Ну на чем, допустим, ходили мореплаватели тех дней? На кочах — деревянных судах, специально приспособленных для плавания в морях студеных, где встреча со льдами — дело обыденное.

Куда же плавали поморы? Ответ в общем-то известный: на восток плавали и на запад. Морского зверя били, пушнину добывали, рыбачили. Словом, промышляли. Шпицберген для меня явился продолжением той же темы: процесс стихийного освоения земель. О посещении русскими неведомой земли еще до Баренца существует немало упоминаний. Уже в XV веке русские поморы знали эти берега. Говорится об этом и в «Записках о московитских делах» дипломата XVI века немца Сигизмунда Герберштейна, и в письмах датских наместников, и в ряде других документов. Но у археологии свой метод исследования, а доказательства вещественные, прямые. Вот что и влекло к этим берегам.

Мы внимательно изучили карту, отметив места, наиболее пригодные для жилья, для создания поселений. Не пропускали, конечно, и сообщений людей, находящих тот или иной памятник старины. Словом, за семь лет работы мы зафиксировали около ста русских поселений, половину из которых обследовали более подробно. Шесть памятников из них датируются временем до Баренца. Один из них — этот дом вблизи речки Стаббэльва. Большой дом был поставлен в середине шестнадцатого века, в 1557 году. Понятен вопрос: откуда такая точность? Существует дендрохронологический способ определения возраста дерева. Годичные кольца каждого ствола почти то же самое, что отпечатки пальцев человека. Не существует двух одинаковых отпечатков, как и не существует двух одинаковых спилов. Один год был благодатным для роста — годичное кольцо тут пошире, следующий год не удался, колечко вышло тоненьким. Существуют таблицы, составленные вплоть до начала нашей эры, для разных зон. Знаем мы, допустим, что дерево росло в архангельских лесах, по спилу можем определить, когда оно срублено. Так была установлена дата возникновения дома. Находок в жилище оказалось немного, но все чрезвычайно любопытные. Главное, мы обнаружили на разных предметах четыре надписи. Начертание букв совпадает с периодом, указанным дендрохронологией. Среди надписей — три имени: Галактион Кабачев, Иван Петров, Вапа Панов. Одно из имен связано со смертью. «ИВАНН ПЕТРО ВАПЕ ПАНОВА СОРОЧЕНО ДЕЛО»— «Иван Петров справил поминки по Вапе Панову в 40-й день». Это надпись на ковше. В другом доме XVI века была надпись: «Умер житель города...» — остальное не сохранилось. Дома принадлежали одной и той же артели. Найдены детали ловушек, промысловые копья, гарпуны, распялки для шкурок, обломки глиняной посуды, иконная доска, крышка от шкатулки, фрагменты шахматной доски и изображение судна, вырезанное на дисковидном деревянном предмете... Люди жили здесь полнокровной жизнью: и охотились, и хозяйство вели, и детей растили. И не слишком скучали — не до того было. В некоторых описаниях нынешней литературы встречаешь: люди, мол, чтоб не впадать в сонливость, которая, в свою очередь, ведет к развитию цинги, специально отрывали от шуб заплатки и заново пришивали их — лишь бы занятие было. Ничего подобного. Вот посмотрите сюда...

Разговор наш происходит в стенах музея, быть может, самого северного в мире — все-таки семьдесят девятая параллель, и все перечисленные Старковым предметы я вижу, а те, что не под стеклом, могу и потрогать рукой: чулок, вполне напоминающий нынешний крупной фактурной вязкой, рукавицы, кожаные башмаки...

— Вот сюда посмотрите: токарный станок. Не все детали его сохранились, но и по оставшимся понятно, что это за инструмент. Нет, не отбыть урок приходили сюда люди, а основательно обживали берега...

Я останавливаю свой взгляд на рисунке, судя по манере, века прошлого. Это не исторический экспонат — обычный типографский оттиск. Изображены горы в отдалении, люди на берегу, а возле — крест. Высота его, судя по изображенным людям, метров четыре-пять. Крест православный, русский. Только верх его прибран досками, наподобие ската, должно быть, чтоб уберечь дерево от снега и дождя. Таких стоящих крестов в натуре уже не осталось. Был где-то последний, да и тот, кажется, рухнул. А вот упавших найдено немало. Так чем же примечательны такие сооружения?

Вадим Федорович поясняет. Роль креста не только культовая. Крест — это и навигационный знак. Выставлялся он так, что, находясь в створе с ближайшей приметной вершиной, указывал судам фарватер. Направление поперечины — «Север — Юг». Его поморы определяли по магнитной стрелке компаса. Но чаще суда ходили не по такому компасу, а по деревянной «матке», без стрелки. На «матку» были нанесены те же румбы, но сориентировать ее можно было только по кресту...

Было бы несправедливым умолчать о плаваниях к берегам Шпицбергена судов под самыми разнообразными флагами. Одни мореходы искали новые пути — сквозь северные льды к экзо-

Лонгьир — воздушные ворота Шпицбергена. Но отсюда до советских рудников на острове добраться морем проще, чем сушею.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
В забое. Юрий Епифанцев — машинист угольного комбайна * Ученые на кручах Ис-фьорда — Ледяного залива * На буровой * Бургомистры — так достойно величают этих солидных птиц * Вода и скалы * Визитная карточка Пирамиды.

СССР-85398

SVALBARD
LUFTHAVN
LONGYEAR

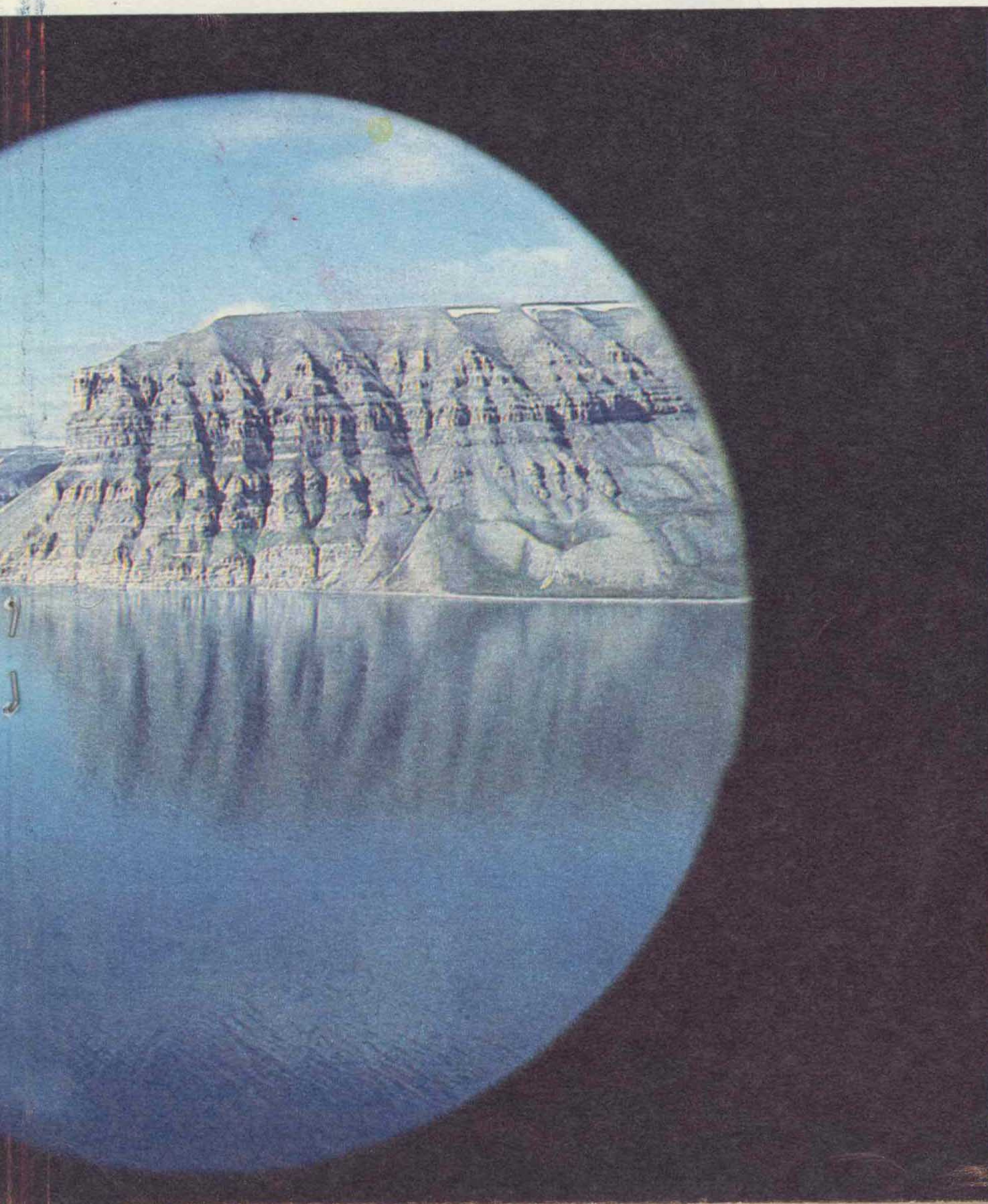

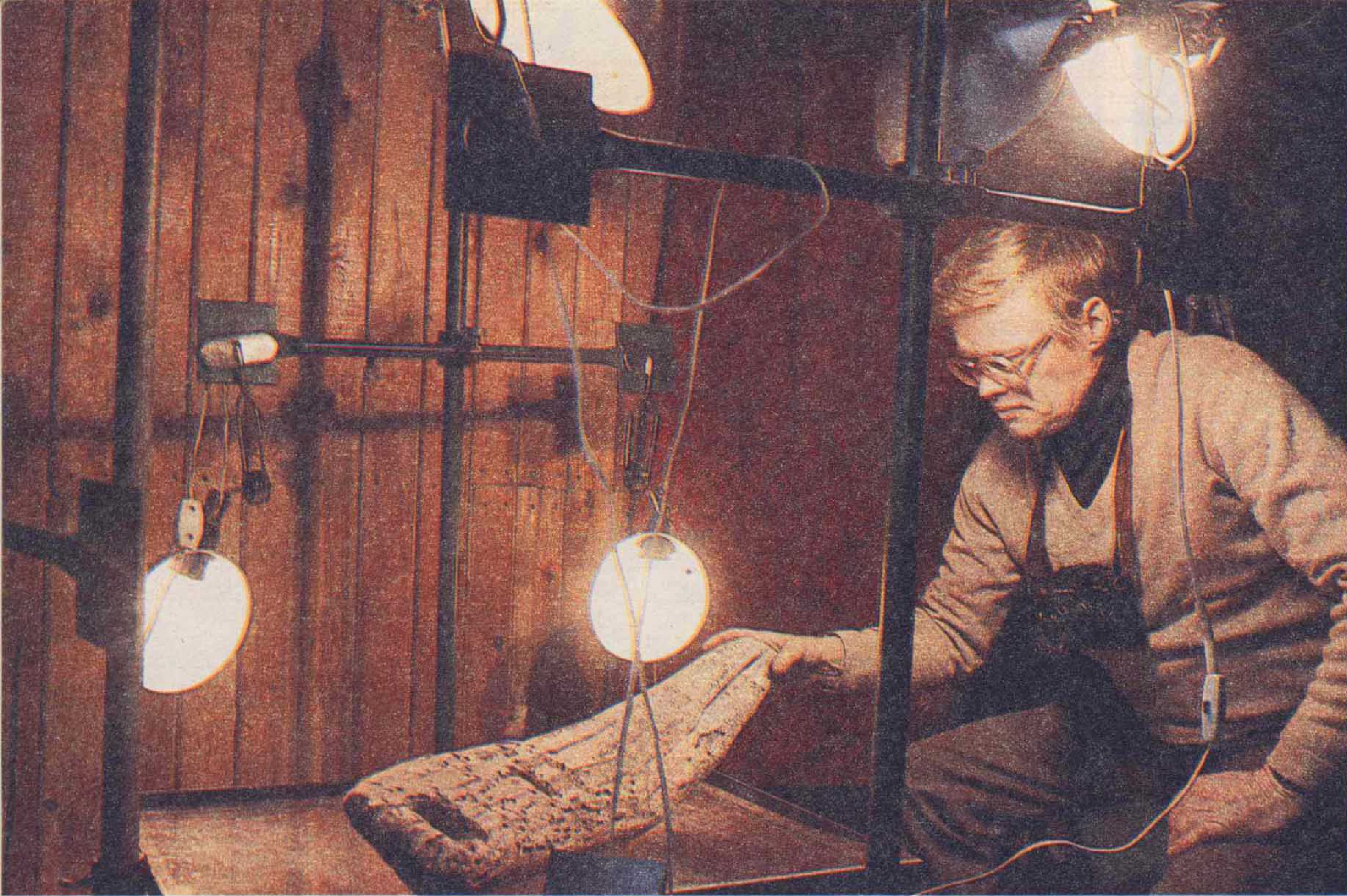

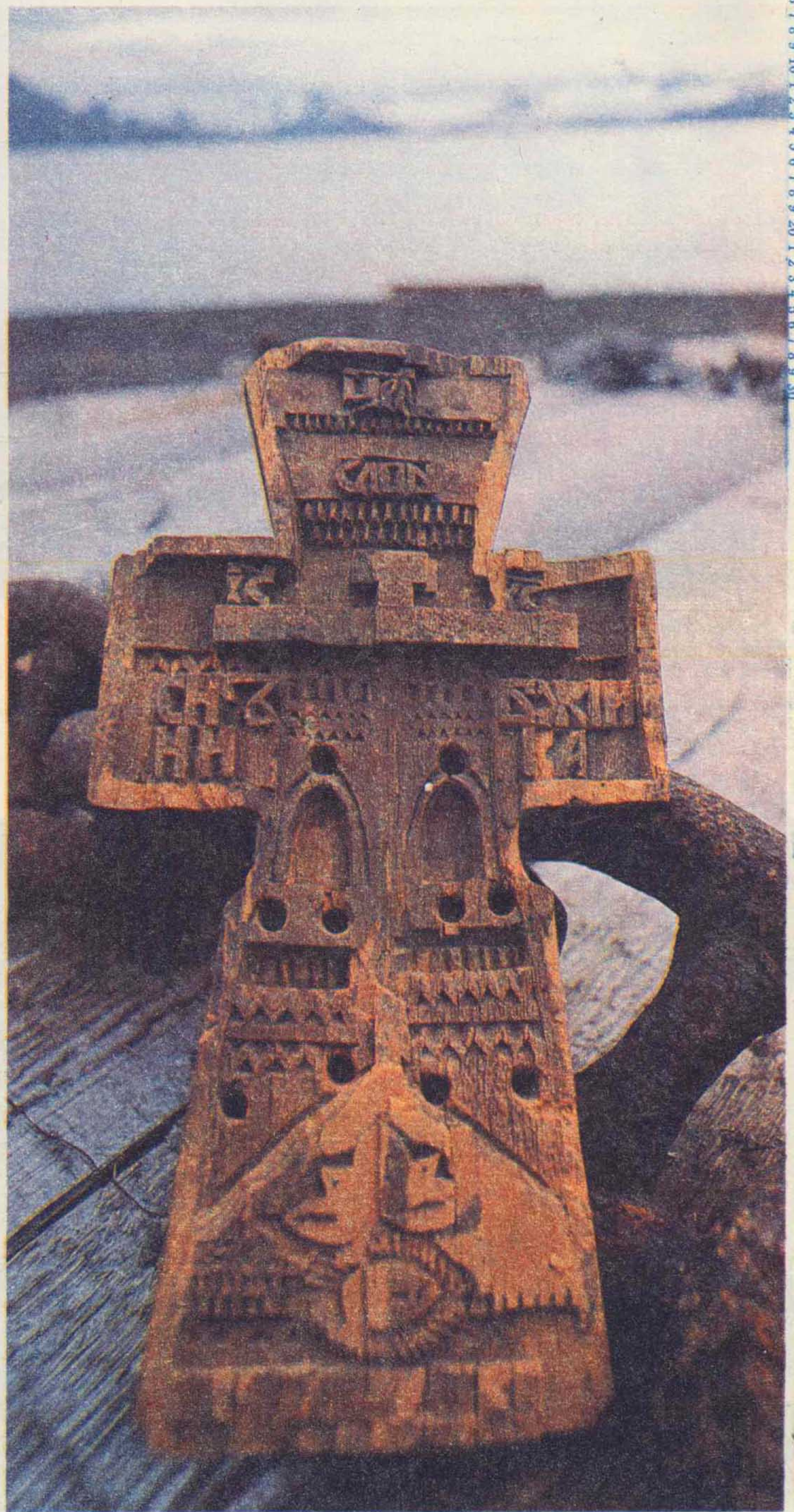

РАМИДА

тическим берегам теплых стран, других интересовал промысел, в частности промысел кита, водившегося когда-то здесь в изобилии, третьих влекли холодные берега с чисто познавательных позиций, четвертые с этих берегов уходили на штурм недалекого отсюда полюса, и многим из них вечным приютом стали льды и черные глубины океана. Достаточно перечислить имена: Василий Чичагов — руководитель первой русской высокоширотной экспедиции, организованной Михаилом Ломоносовым, но осуществленной уже после его смерти; норвежец Фритьоф Нансен и швед Нильс Адольф Норденшельд. А к этому следует добавить блестящую плеяду полярных исследователей и путешественников двадцатого века: Владимир Русанов, норвежец Руал Амундсен, итальянец Умберто Нобиле... Их много, рыцарей Арктики, судьбы которых связаны так или иначе со Шпицбергеном. Важно отметить одно: высокие широты и труднодоступные земли всегда притягивали к себе людей не столько воображаемыми сказочными богатствами и ценными для науки уникальными сведениями, сколько и возможностью соразмерить силы человека с величием природы, вытравить из себя всю накипь обыденности, возвыситься до Великой Простоты...

В период с 1926 по 1932 год трест «Арктикуголь» приобретает земельные участки, общая площадь которых составляет ныне свыше двухсот пятидесяти квадратных километров, и уголь начинает поступать на советский Север.

Война своим дыханием опалила и эти мирные берега, были уничтожены поселки, заброшены шахты. Но сразу же после победы началось восстановление разрушенного фашистами. Помимо существовавших уже рудников Баренцбург и Грумант (ныне законсервированный), строится поселок Пирамида. Столь конструктивистское название не дань моде двадцатых или тридцатых годов. Поселку и руднику дала название тысячеметровая гора, возвышающаяся рядом. А гору так окрестил за ее действительно пирамидальный вид еще в прежние времена Норденшельд.

Итак, Пирамида. Всякий советский человек, прилетающий на Шпицберген, становится гостем «Арктикугля»: плавает на его судах, обедает в его столовых, ходит по тротуарам, проложенным и обжитым горняками. Случилось так, что, прилетев на Шпицберген, я сразу стал гостем Пирамиды. И, что естественно, все чувства и симпатии свои подарил ей.

Если сказать, что Пирамида — обычный поселок, только, мол, расположенный в необычном месте, значит, попросту наврать. В Пирамиде все необычно, все наоборот. Казалось бы, на главной улице должен быть асфальт или бетон, ну уж на худой случай щебень или просто грунт, а тут трава. Да какая — полуметра достигает! И это где — на самом северном в мире руднике, в каких-то десяти-одиннадцати градусах от полюса. По траве бродят ребятишки, да не просто бродят, а ищут грибы. И что самое интересное — находят. Потом я встречал островитян, возвращавшихся в поселки с сумками, набитыми сыроежками, свинушками и прочей грибной благодатью, в тонкостях которой не слишком разбираюсь. Тут же на улице, по другую сторону тротуара, обратили мое внимание на цветок. Крохотный бутончик тюльпана, размером чуть превышающий дамский ноготок, пытался раскрыть свои створки, и уже слегка показывал пламенеющее алым цветом нутро, и все-таки никак не мог решиться на отчаянный шаг. Не я один, наверное, каждое утро подходил к цветку поболеть, как болеют за любимую команду, но до нашей победы все еще было далеко.

Что дома в поселке стоят на курьих ножках — это понятно. На нашем Севере так же — чтоб продувало и не таял лед вечной мерзлоты, вызывающий осадку грунта и даже разрушение домов. Но что углы у зданий круглые — это я видел впервые. Очевидно, архитекторы учли постоянно дующие ветры и убрали лишние для них зацепки. Между домами я заметил «арфы». В землю вбита трехметровая достаточно толстая прямая труба, а к ней приторочена дугой труба потоньше. Поведешь носом — тянет керосином. В трубах действительно керосин. По ним он поступает в почву и каким-то образом там занимается теплообменом с балансом в пользу вечной мерзлоты. Чудеса из чудес!

Еще одно: то ли правило, то ли привычка. Каждый с каждым в поселке здоровается столько раз, сколько повстречается. Даже если люди пока еще незнакомы. Сначала мне это показалось какой-то китайской церемонией, но потом я стал понимать: этот простой ритуал снимает напряженность между людьми, легко позволяет налаживать контакты, вступать в разговор. А как это важно в условиях оторванности, изолированности, в условиях долгой полярной ночи, когда солнце в течение почти четырех месяцев совсем не показывается над горизонтом. Помните, Старков рассказывал про заплатки, которые якобы отрывали, а затем снова пришивали прежние полярники? Условия бытовые сейчас, конечно, иные, но север есть север. Исподволь он угнетает и психику да и само физическое состояние человека. Все больше хочется спать, все меньше двигаться. А вот двигаться-то как раз и необходимо. Движение — это тот же витамин, те же лучи солнца, на которые три четверти года страшный — модное ныне слово — дефицит.

От самого поселка до шахты, до середины горы, идет бремсберг. Их даже два. Один грузовой, по нему возят уголь, что сразу заметно и по внешнему виду, другой — для людей. Бремсберг — нечто вроде фуникулера. Стоит на наклонных рельсах поезд, составленный из таких же скошенных вагончиков. Это для того, чтобы, когда тебя тащат в гору, ты сидел вертикально. Машинист трогает какой-то палочкой идущий вдоль рельсов провод, раздается мелодичный сигнал. Поехали.

Короткий переход — и мы в лаве. Узким коридором стоят металлические стойки — гору держат, или, говоря по-шахтерски, кровлю. Среди масленых черных глыб угля грохочет комбайн. После долгого путешествия в чреве горы заметили дневной свет. Пройдя гору насквозь, мы вышли с другой ее стороны.

День стоял серенький, с тяжелыми облаками, и глазам не пришлось долго привыкать после сумрака шахты. У портала мы оказались не одни: несколько горняков, улучив минуту, вышли подышать свежим воздухом. А он и в самом деле был свеж, не морозен, а приятно бодрящ, в меру сдобренный водяной пылью. Слои облаков поднимались чуть выше недалекой верхушки нашей горы и растекались от нее по всему горизонту, обрамляя горы, стоящие почти вровень с нами, стелясь над заливчиками и бухтами широкого фьорда, обнимая весь окружающий мир. Где-то далеко-далеко в серых водах соринкой чернел пароход, да ветер наносил временами откуда-то со стороны слабые крики чаек. Бесконечность и тишина. То, чего больше всего тебе не хватает, человек...

...Срок командировки истекал. Самолет, прилетающий с Большой земли каждые полмесяца, должен был забрать на борт отъезжающих в отпуск советских горняков и меня — репортера. Норвежский аэропорт Лонгьир гостеприимно распахнул свои двери отъезжающим и прибывающим, а державшаяся свыше недели непогода распахнула небесные врата, выпустив сквозь них море солнца. Солнце, правда, уже стало немножко не то, и тяжелее ему взбираться на небосклон. Скоро начнет оно цепляться за пики гор, пока однажды не исчезнет за ними до своего нового рождения уже весной. И когда все-таки ночь погасит дневные краски, зажгутся иные огни — огни человеческого жилья. Вьюги и студеные ветры будут заносить их колючим снегом. А может, просто играть, пересыпая в своих холодных ладошках звездочки земные и звезды небесные...

Шпицберген — Москва.

Находки археолога Вадима Старкова позволяют «читать» прошлое русских промысловиков — пионеров Шпицбергена * Лонгьир — поселок норвежских горняков * У причалов поселка разгружают суда, везущие все необходимое для жизни островитян.

Старики?

Очерк «Старики!» («Огонек» № 27) вызвал письма, посвященные проблемам старости.

Эта проблема в настоящее время стоит гораздо острее, чем два-три десятка лет назад. Улучшение жизненных условий привело к повышению удельного веса людей старше семидесяти лет в нашем обществе. И этой категории нужно очень внимательное и чуткое отношение. Не все еще понимают, что старики, помимо материальных благ, нуждаются и в духовной жизни. Пожилым людям нужно общение, нужны собеседники, старики должны чувствовать не только заботу, но и свою нужность кому-то, получать удовлетворение от своих пусть маленьких, но дел.

А каково положение стариков в семьях? Взрослые дети работают, приходят усталые, занимаются хозяйством, своими детьми и внуками. За стариками они ухаживают, но и только. Времени на разговоры и выслушивание у них нет. А старики живут воспоминаниями, могут часами говорить о делах своей молодости. Поэтому они остро нуждаются в общении со сверстниками. А где их взять, если выйти самостоятельно за пределы квартиры уже трудно, друзья ушли из жизни? Имея полное материальное обеспечение, эти старики начинают прислушиваться к болезням, по каждому пустяку вызывают врача, обижаются на докторов, что они не могут вернуть им силы.

Я знаю одного восьмидесятилетнего человека, который жил с родственниками, а потом попал в Ленинградский дом ветеранов сцены (он бывший работник театра). Получаю от него восторженные письма. Пишет, что счастлив, живет интересной жизнью, забыл о недомоганиях. Вот что делают окружение ровесников и забота о духовной жизни старых людей.

Думаю, что сейчас пришла пора строить больше пансионатов для стариков, в том числе частично и на их накопления. Я сама имею правнука и живу нормальной трудовой жизнью, но, когда не смогу работать, хотела бы жить среди своих сверстников в пансионате.

И еще мне кажется, что пансионаты для стариков надо строить по соседству с детскими домами. Старики с удовольствием будут наблюдать за играми и забавами детей, постепенно возникнет дружба, старики будут делиться опытом, дети — развлекать их. Возникнут дружеские привязанности, ведь в ласке в равной степени нуждаются и дети, и старики. Такое общение возникает непринужденно, само по себе, в порядке добрососедских отношений. Пансионат рядом с детским домом при умном руководстве со стороны администрации принесет большую пользу.

Э. ОСТРОВСКАЯ

Курган.

●

Мне с моими друзьями захотелось поделиться и радостями, и горестями. Я пенсионер, ветеран труда и инвалид труда первой группы — без обеих ног. Хорошую передачу сделали тележурналисты для пенсионеров и инвалидов в Эстонии. Вот бы и нам в Москве подхватить это начинание! Можно, наверно, это сделать, если захотеть, хотя бы один раз в месяц собирать нас у экрана.

В Москве при больших заводах, фабриках есть общества ветеранов труда, и на предприятии, где я проработал сорок лет, тоже, но вот беда: далеко завод от моего дома. Без ног, на инвалидной коляске мне туда не доехать.

Кстати, об инвалидном кресле-коляске хочу сказать особо. Наши заводы-изготовители выпускают ее слишком громоздкой. Попробуй сесть в нее, если у тебя нет ног. Без посторонней помощи ни за что не сумеешь. Мне кажется, стоит подумать нашим конструкторам, чтобы сиденье механически поднималось и опускалось до нужной человеку высоты. И еще один недостаток: коляска ни в одни ворота не влезает. Не легче передвигаться в ней и по квартире. В комнату проедешь, а на кухню или на балкон, увы, двери не пускают. Строителям, проектировщикам надо учитывать это при планировке новых квартир.

Есть такая передача по телевизору «Это вы можете». Один умелец-самоучка сконструировал для нас, инвалидов, хорошее средство передвижения по лестнице. Вот у него позаимствовать бы чертежи, любых средств не жалко. И нашим заводам-изготовителям инвалидных колясок неплохо заинтересоваться этой конструкцией.

У меня есть такое предложение. Давайте мы, инвалиды и пенсионеры, по силе возможности будем помогать друг другу если не материально, то живым словом, будем просто писать друг другу и делиться своими радостями и горестями.

Н. БОЛЬШАКОВ

Москва.

по просьбе читателей

О СИЛОВОМ ЖОНГЛЕРЕ ВАЛЕНТИНЕ ДИКУЛЕ ТЕПЕРЬ ГОВОРЯТ МНОГО. О НЕМ СНЯТ ПРЕКРАСНЫЙ ФИЛЬМ «ПИРАМИДА». ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ НАПИСАНО БЕССЧЕТНОЕ КОЛИЧЕСТВО СТАТЕЙ, ОЧЕРКОВ И ПРОСТО ХОРОШИХ СЛОВ. КОРОЧЕ, О ВАЛЕНТИНЕ ДИКУЛЕ, КАЖЕТСЯ, ИЗВЕСТНО ВСЕ ИЛИ ПОЧТИ ВСЕ.

Однако, несмотря на это, я написал на его каунасский адрес письмо с просьбой о встрече. Почему я это сделал? Что я могу еще о нем сказать? Прежде всего, конечно, интересовало чрезвычайное мужество этого человека, интересовало, как же все-таки он поднимает и заставляет ходить недвижимых, но более всего — это я почувствовал почти сразу — хотелось понять нравственную основу его поступков да и самого его бытия.

Ответа на мое письмо не было очень долго, и вот совсем недавно раздался телефонный звонок. Какая-то женщина (имени ее сейчас, к сожалению, не упомню) сообщила, что письмо Валентин Иванович получил и на встречу согласен.

— Сейчас он выступает в Москве, в цирке на Ленинских горах,— слышалось на том конце телефонного провода,— приходите, он вас ждет.

И я поехал.

На проходной возле циркового вахтера стояла молодая пара. Обоим на вид лет тридцать с небольшим. Мужчина комкал в широкой ладони бумажку с номером телефона, женщина устало прислонилась к стене. Они приехали сюда из Таллина. Их сын неизлечимо болен, и Дикуль — последняя надежда.

Я пробыл у Валентина Ивановича до самого вечера. И до самого позднего вечера не стихали в его гримерной телефонные звонки: «Валентин Иванович, мы приехали из Владивостока», «Валентин Иванович, я из Мурманска. Очень вас прошу...»

— Иду,— кратко отвечал Дикуль и, накинув темно-синий халат, спускался на вахту.

Наверное, именно по этой причине не получилось у нас долгого, связного разговора, беседовали все больше урывками, во время кратких передышек между выступлениями и исцелениями.

У Дикуля необычная гримерная, на цирковую совсем не похожая. О его профессии здесь напоминают разве что две яркие афиши да пара стоптанных, золотистого цвета сапог, в которых каждый день выходит он на арену. Остальное пространство — полки, ящики, столы — занимают вовсе не цирковые принадлежности: научные книги, журналы, электронные мышечные стимуляторы, которые, кстати, сам Дикуль и изобрел; темные листы рентгеновских снимков, на которых ясно видны переломанные кости и позвоночники; коробочки из-под лекарств, самодельные тренажеры, письма, целые горы писем.

Взял несколько на выбор.

«Наш сын получил травму с разрывом спинного мозга. Мы, родители, убедительно, слезно молим вас помочь в нашем большом горе».

«Валентин Иванович, посоветуйте, пожалуйста, как вылечить сына. Помогите вернуть ему детство и радость жизни».

«Два года назад я еще верил в себя, но внутренних сил больше не хватает бороться с самим собой. Мне очень нужна Ваша помощь и поддержка сильного человека».

Таких писем у Дикуля скопилось более десяти тысяч. Десять тысяч человеческих недугов, десять тысяч взывающих о помощи голосов. Если представить все это въяви, становится страшно. «Как же много еще в мире несчастий и горя,— подумал я, глядя на спрессованную в рукописные строчки боль,— как, должно быть, одиноко чувствуешь себя лицом к лицу с этим многоликим человеческим страданием. Как найти в себе силы, чтобы помочь каждому, да и достанет ли на это сил одного человека, пусть даже такого сильного, как Дикуль?»

Спросил об этом Валентина Ивановича.

— Знаете,— ответил он, чуть помедлив,— наверное, с годами во мне выработалось какое-то хладнокровие. В письмах этих я прежде всего вижу своего противника — болезнь. А на эмоции просто не имею права. Может, это и не по-людски, но во благо людское.

Людское благо — о нем думает Дикуль ежедневно вот уже многие, многие годы.

...С чего все началось?

Жизнь проверяет человека, постоянно пробует его на излом. На то она и жизнь. Одни сносят ее удары стойко, другие не выдерживают, ломаются... Судьба ломала Валентина Дикуля, пожалуй, чаще многих. Первый раз еще в детстве, когда бандеровцы убили отца — работника органов госбезопасности, а через некоторое время, не пережив утраты, умерла мать. Двадцатисемирублевой бабушкиной пенсии на жизнь, конечно же, не хватало, а потому Валю определили в детдом. Это тоже можно считать ударом. Долгое время спустя, когда, вволю намыкавшись по приютам, он окончил школу и пришел работать в цирк, судьба вновь испытала Дикуля на прочность. На одном из выступлений лопнул штамберт, и Валентин с тринадцатиметровой высоты рухнул вниз. На сей раз судьба переломила его позвоночник, руки и ноги. Вся предшествующая этому мгновению жизнь промелькнула перед глазами в секунду. Он ничего не почувствовал. Только оглушающей силы удар. Через пятьдесят суток Дикуль очнулся в реанимации и понял, что живой, а еще — это он понял особенно остро — что боль накрепко приковала к постели.

Что испытывает молодой человек, который не может двигаться? Что чувствует он через день, через неделю, через месяц? Трудно представить, да и, как говорится, не дай бог каждому. И все-таки наверняка разные мысли лезли в голову Валентину Дикулю. Нехорошие мысли тоже лезли. Одно спасало, держало на плаву — знание, что он не первый. В самом деле: и до него, и после десятки, сотни людей сковывала проклятая неподвижность. Единицы находили в себе силы подняться. Взять того же Маресьева, книжку о котором он почти что вызубрил наизусть. Но у Маресьева не было ног, и поднялся-то он с помощью протезов. А тут позвоночник, и никакие протезы не помогут. Словом, ему неоткуда было ждать помощи. Чудес не бывает. Но подняться-то надо, жить-то хочется, ох, как хочется жить, когда ты неподвижен, а за больничным окном весна.

И тогда Дикуль взялся за книги. Не за детективы, коими любит себя потешить хворое население, а за серьезные научные труды. Он разобрал по косточкам всю анатомию, досконально изучил биомеханику, прочел десятки и сотни книг.

Что он искал в этих книгах? Искал свою, одному ему ведомую соломинку, за которую во что бы то ни стало надо было уцепиться. Как угодно — пальцами, мозгом, зубами, всем своим существом. И он нащупал ее. Сначала с осторожностью, потом все увереннее. Позже соломинка обернулась крепким бревном, из которого он и принялся сколачивать спасительный плот надежды, строить — покуда еще мысленно — систему собственного возрождения. На эту работу ушло два года и семь месяцев — долгая была работа. Я не знаю, как оживлял свое беспомощное тело Валентин Дикуль. В одном почти уверен: рубаха, в которой лежал на постели, от пота промокла насквозь.

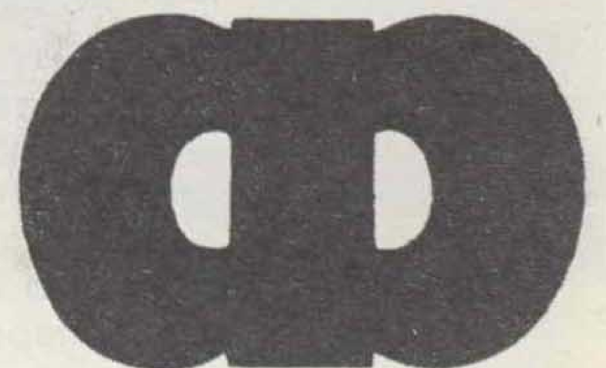
В конце концов тело начало оживать. Сперва неохотно, потом все увереннее, каждой своей мышцей, каждым сухожилием и нервом ощущая радость полузабытых движений. Вот согнулась в суставе рука. Вот распрямилась, пошла тяжелым маховиком нога. Вот хрустнул, выгнулся позвоночник! Вот сел! Встал! Пошел!!!

Ловлю себя на мысли, как это просто я написал: сел, встал, пошел. На самом-то деле путь от движения к движению у Дикуля был куда как длиннее, а главное, труднее во сто крат. Радость пришла потом, а от радости до радости — долгий ад.

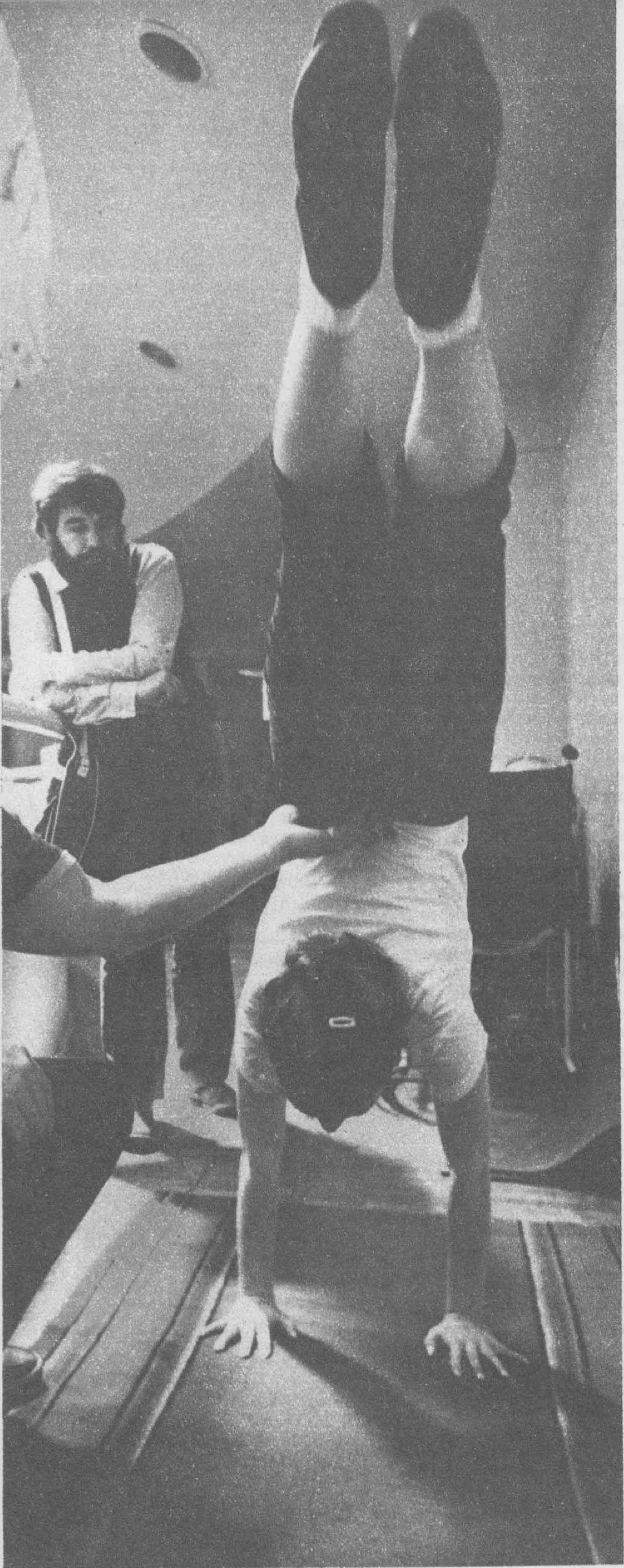
Можно сказать, Валентин Дикуль заново выковал свое тело, вылепил его собственными руками. Он совершил невероятное, и в этом его большой человеческий подвиг. Однако такому подвигу можно найти объяснение. Дикуль хотел жить, хотел ходить, двигаться и потому боролся, по этой причине взялся себя перековывать. Мне возразят: иные в его положении тоже хотят жить и двигаться, однако почему-то не могут и нередко сдаются. Что ж, объяснимо и это. Дикуль стремился к жизни с самоотверженностью обреченного (а врачи и в самом деле признали его обреченным, записав в инвалиды первой группы), его мозг, его воля и все силы ду-

Исцеление по Дикулю.

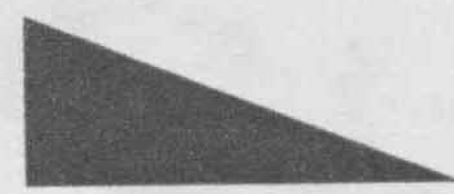

Дмитрий ЛИХАНОВ,
фото Дмитрия ДЕБАБОВА

Наедине с собой.

еномен Дикуля

ши не только противились недугу, но и творили, мостили путь к возрождению. Так осужденный на пожизненное заключение узник выскребает пальцами подкоп, так строит утлый челн Робинзон.

Одного я никак не мог понять: почему, избавившись от недуга, Дикуль принялся исцелять других, совсем незнакомых ему людей? Зачем ему это надо? Выздоровел, поднялся на ноги, и славно: живи себе на здоровье, радуйся миру, забудь поскорее постылую больничную койку. Пусть знаешь, как исцелять недвижимых, но ведь ты же не врач и не твое это дело — исцелять. Есть цирк, друзья, своя жизнь в конце концов, от которой совсем отвык за долгие годы болезни. Казалось бы, всему этому и надо отдать себя целиком, без остатка, насытиться вволю. И ведь никто бы не осудил, каждый понял: радуется человек жизни. Так что исцелять или не исцелять было для Дикуля вопросом совести, вопросом выбора между спокойствием и подвижничеством.

Сейчас трудно сказать, кто

Чужая боль — своя...

именно повлиял на окончательное его решение. Может быть, тот самый мальчишка, нелепо выворачивающий неуправляемые ноги в попытке сделать хотя бы один шаг; или же девушка, которая вот уже несколько лет накрепко приторочена к кровати, и только глаза ее пока живы; а может быть, и собственная боль в позвоночнике заставляла его все чаще задумываться о других? Сейчас об этом трудно сказать наверняка. В одном уверен: лишь только схлынула своя, ей на смену пришла к Дикулю боль чужая. Он ощущал ее почти физически, а потому и отмахнуться от нее не мог.

И еще: методы Дикуля, по сути дела, были его личным изобретением, и только в его праве было распоряжаться ими на собственное усмотрение. Можно было, окажись на месте Дикуля человек корыстный, использовать их с немалой выгодой. К счастью, этого не произошло.

Система Дикуля, лишь только Валентин Иванович поднялся на ноги, уже не принадлежала ему одному, но всем, кто жаждал подняться. Это он понимал отчетливо. И еще понимал: извлекать корысть из чужой беды — последнее дело, ниже этого не бывает...

Во время нашего разговора с Валентином Дикулем не давала покоя одна и та же навязчивая мысль: что, если бы тогда, в шестьдесят втором, не лопнул штамберт, если бы Дикуль не упал? Что, значит, и не было бы у него никакой нужды изобретать новую систему реабилитации, исцелять и исцелить-таки не одну сотню больных?

Да, если бы штамберт не лопнул, все произошло бы именно так. Но это случилось. И ни с кем-нибудь, а именно с Дикулем. Именно он оказался на больничной койке, и именно его мозг, воля, упорство создали невиданную доселе систему, которая излечила вот уже более восьмисот человек. Падение и боль Дикуля обернулись в конечном счете благом для сотен инвалидов. А для самого Дикуля? Ему трудно ответить на этот вопрос, так же трудно, как если бы все пережить заново.

Гримерная Дикуля занимает небольшую комнатушку на втором этаже цирка. Выйдешь из двери и сразу же попадаешь на круглую балюстраду. Своей формой и размерами она в точности напоминает цирковой манеж — шестьдесят метров по окружности. Вот здесь-то в перерывах между выступлениями Дикуль исцеляет инвалидов.

Если у вас есть руки и ноги, если вы запросто пробегаете стометровку и танцуете рок-н-ролл, если вы любите заплывать за буйки и карабкаться в горы, если ваши ноги чувствуют свежесть росных полян, а руки округлость спелой антоновки, если все это так, а не иначе, вам не понять тех людей, что приходят, ковыляют, едут к Дикулю. Они совсем другие, и меры ценностей у них иные, нежели у нас.

Селсо живет в Бразилии. Десять лет назад он шел по залитой солнцем улице. Десять лет назад какая-то машина врезалась в тяжелый столб, а столб упал на Селсо и перебил ему позвоночник. С тех пор Селсо уже не ходил. «Слава богу, он хоть как-то будет передвигаться,— сказали врачи его матери, пересадив парня с кровати в инвалидную каталку,— слава богу». Но Селсо не за что было благодарить бога, который отнял его юность.

Сейчас Селсо уже тридцать три года, но он учится ходить заново. Он вешает свою тросточку на перила балюстрады, обозначая тем самым точку отсчета круга, он засекает время по наручным часам и идет, с трудом выбрасывая вперед непослушные ступни, шаг за шагом преодолевая эти неимоверно трудные шестьдесят метров по окружности.

— Когда я впервые пошел своими ногами,— сказал Селсо, отдышавшись после второго круга,— не поверишь, взмок, как мышонок. Восемь минут шел. А сейчас, посмотри.— Он протянул мне свои наручные часы. На электронном табло застыли цифры 3,55.— Дикуль сказал, что, если пройду круг за полторы минуты,— продолжал Селсо,— это будет большая победа.

Он вновь нажал кнопочку секундомера и вновь побрел по кругу навстречу своим полутора минутам.

— Злее, Селсо, злее иди!—кричал ему в спину Дикуль...

Этой девушке сделали уже несколько операций. В том числе и в Европе. Хирурги удалили ей часть спинного мозга, но так и не смогли ничем помочь. Сестра надевает на ее немощные ноги кожаные наколенники, Дикуль привязывает к ним легкие штанговые диски. Упираясь руками в два стула, девушка тоже ползет по кругу — еще медленнее, нежели Селсо, но так же настойчиво.

— Она у меня пойдет,— сказал Валентин Иванович,— с костылями, правда, но все-таки пойдет.

Это не бахвальство. Это уверенность плюс опыт. Она действительно пойдет.

В чем состоит смысл системы Дикуля? Каким таким чудесным способом удается ему исцелять почти безнадежных людей?

— Вы зарядку по утрам делаете?— спросил Дикуль.— Так вот, проще говоря, я учу зарядке тех, кто делать ее не может. Собственно, я изобрел только специальный комплекс упражнений и тренажеры для их выполнения. Остальное от меня не зависит. Все зависит от самого человека. Поверит в себя — будет ходить, не поверит — гиблое дело.

— Ты веришь?— спросил я у Селсо.

— Верю!

— А ты?— спросил у девушки.

— Верю!

...Прозвенел звонок. Дикуль выпил мандариновый сок из пластикового пакетика, обул реквизитные сапоги и пошел на выход. Я двинулся в зал.

Артист цирка Валентин Иванович Дикуль жонглирует сорокакилограммовыми шарами, удерживает на борцовском мосту девятисоткилограммовую «пирамиду», он удерживает «Волгу» весом в тысячу пятьсот семьдесят килограммов, а на специальном тренажере держит две тонны. Его необычайные физические способности исследовали медики. Установили: то, что делает на арене Дикуль, феноменально. Ведь берцовая кость человека выдерживает вес не более тонны, а здесь...

Выступление Дикуля действительно феноменально. По крайней мере когда он удерживал на мосту свою знаменитую «пирамиду», у меня внутри натянулась и, не переставая, дрожала тоненькая струна. Одного не мог понять — зачем все это Валентину Ивановичу? Ведь, исцеляя людей от недугов, он приносит гораздо больше реальной пользы, нежели здесь, на арене цирка.

Потом он скажет мне, почему, несмотря ни на что, каждый день выходит на манеж. «Я люблю цирк»,— скажет Дикуль, и по его глазам я пойму, что без цирка ему просто и жизни нет. И еще одно пойму, вернее, покажется мне, что все эти тонны и килограммы Дикуль поднимает не просто так, не из спортивного интереса, а затем, чтобы доказать всем больным, всем здоровым и самому себе тоже правоту своей веры, доказать, что человеку посильны все, самые невероятные тяжести, будь они физического или душевного свойства.

День подходил к концу. Сегодня у Дикуля было три выступления, а в перерывах он выхаживал людей. После работы он не пойдет домой — ведь его ждут те, кто не может подняться с постели и прийти к нему в цирк. Уснет Валентин Иванович только далеко за полночь, чтобы завтра подняться с рассветом. И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Что это? Откуда такая самоотреченность? Или, быть может, такая у Дикуля жизненная философия?

— Нет, не философия,— ответил Дикуль раздумчиво,— это нечто большее.— Но что именно, так и не сказал. Прозвенел звонок, и он вновь обул стоптанные сапоги.

По дороге из цирка я опять встретил бразильца. Шли, говорили о том о сем, и тут Селсо сказал: «Ты знаешь, Дикуль выучил меня, кроме всего, двум важным русским глаголам —«верить» и «творить» добро. Так и надо жить».

А я подумал: если все люди, коих исцелил силовой жонглер Валентин Иванович Дикуль, накрепко усвоили эти глаголы, значит, мир стал добрее.

Вот поставил точку, да вспомнил, что обещал Валентину Ивановичу не забыть о его просьбе. А просьба эта вот в чем заключается. Большую часть своих пациентов Дикуль лечит, так сказать, заочно. Что это значит? Прежде всего он знакомится с заключением врачей, затем высылает больному 58 тестовых упражнений и по результатам тестирования выясняет суть болезни. После этого Валентин Иванович высылает адресату чертежи тренажеров и комплекс необходимых упражнений. На все эти послания уходит уйма бумаги, тысячи конвертов да и, что там говорить, изрядные суммы, которые семья Дикуля тратит в основном на ксерокопирование. Но главное, конечно, не в деньгах, а во времени, что съедает эта пусть и техническая, но необходимая работа. Скольким людям он мог бы за это время помочь, сколько горя утешить! Выход из такого затруднительного положения, конечно же, есть, проблема решается просто: Дикулю нужен секретарь. Да и человека на эту работу найти просто: какой институт ни возьми, везде найдется лаборант или даже мэнээс, который вместо того, чтобы мыть пробирки, может помочь большому, благородному делу.

Вот, пожалуй, и все, что хотел сказать о силовом жонглере Валентине Ивановиче Дикуле. Можно ставить точку.

Лазарь КАРЕЛИН — **РОМАН** — **Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА**

Журналист-международник Ростислав Знаменский, находясь за границей, проиграл в рулетку деньги, полученные на покупку автомашины. Знакомые иностранцы дали Ростиславу взаймы деньги, а затем пытались склонить его к работе на вражескую разведку. Знаменский обратился в советское консульство и рассказал о своем проступке, после чего был отозван из-за границы, исключен из партии.

Захар Чижов, друг по институту международных отношений, порекомендовал его на работу в Туркмению. Встретив Ростислава в аэропорту, Захар приглашает его к себе домой. Нина, жена Чижова, во время учебы в институте была влюблена в Знаменского. Она и сейчас еще неравнодушна к нему. В разговоре выясняется, что Знаменский будет в Ашхабаде работать переводчиком.

Возвратившись в гостиницу, Ростислав попадает в компанию шофера своего друга Чижова и двух молодых манекенщиц.

6

Он не стал спускаться в лифте: на лестнице было прохладно, солнце с этой стороны здания еще не палило изо всех орудий. Он прошел мимо гостиничной почты, вспомнив, что надо послать жене телеграмму, они уговорились, что перезваниваться пока не будут, поскольку как угадать, где она будет,— дома ли, на даче, на службе или у друзей.

Но о чем телеграфировать? Что долетел благополучно? Он обычно долетал благополучно. Да теперь и не столь важно было, как он долетит, все равно все было неблагополучно.

В тени навеса, там, за стеклами входных дверей, углядел Знаменский картинно прогуливающуюся Лану и на параллельном курсе с ней вяло шагающего Захара. Они явно не были знакомы. Город совсем невелик, а такая яркая молодая женщина и на виду у всех в силу своей профессии, и Захар Чижов чуть ли не заместитель министра иностранных дел, то есть человек здесь известный и всюду бывающий, а вот они даже незнакомы. В разных кругах вращаются? Вот именно.

А немного поодаль, где была стоянка автомашин, лениво похаживал вокруг своей «Волги» Алексей. Не подскочил к Лане, утаил от своего начальника, что знаком с ней. И она даже и глазом не поведет на этого шофера. А как вчера веселились. Тоже в разных кругах вращаются? А ты как думал? И здесь круги и круги, кружочки, секторочки. Интересно, в каком сам-то окажешься? Нет, неинтересно. О себе сейчас думалось с полнейшим безразличием. Ну, тут, ну, там, а по сути, нигде. Он человек в нигде. Сжался, как перед шагом на самую верхнюю ступеньку парилки, отмахнув стеклянную дверь, шагнул. Да, его встретил зной, но не вчерашний. Действительно, сильно похолодало. Вчера было сорок два, сегодня обещают не больше сорока. Всего-то два градуса разницы, а ведь действительно ощутил громадную разницу. При этих, при сорока, жить было можно.

— Вполне можно жить! — Знаменский поделил свое восклицание между Ланой и Захаром, чьи параллельные курсы сейчас сошлись.— Вы, смотрю, незнакомы? Эх, Захар! Чуть не просмотрел главную красавицу своего города! Лана, так вот же вам свой собственный международник. Знакомьтесь!

— Рад, очень рад,— сказал Чижов и неловко пожал слишком высоко поднятую дамой руку. А вот Знаменский эту высоко поднятую руку, как оно и полагалось, поцеловал. Пустяк, но женщины слагают свои чувствования из пустяков, именно из пустяков прежде всего. Знаменский знал это и понял, что еще как-то расположил к себе эту горделиво демонстрирующую сейчас свои стати манекенщицу. Когда тебе не нужно, когда действуешь просто машинально — автоматизм вежливости, то, как держаться, пожалуй, главная из наук Оксфорда, где он год стажировался, тогда и бываешь победоносен. Совсем ненужная ему победа. А вот Чижов для Ланы перестал существовать. Все, пустое место, а не человек. Вот вам и мелочи в обхождении с женщиной.

— Я забираю вас, Ростик,— сказала Лана, поворачиваясь спиной к этому мужлану в заграничной тройке.— Нас ждут. И надо поторапливаться, уведут комнатку.

— Но я на службе все-таки,— сказал Знаменский.— Как, Захар, на службе я или еще не все ясно с этим?

— Все ясно. Кстати, ты непосредственно в моем распоряжении. И ты числишься на службе со дня моей к тебе телеграммы.

— Тогда мне в департамент, Лана. Я клерк.

— Я тоже на службе, но я же бегаю по вашим делам. Уведут комнатку! А какая комната! Товарищ Захар, отпустите своего клерка на часок. Кстати, какие-то дни полагаются на устройство на новом месте. Ведь полагаются, товарищ Захар?

— Непременно. Комната — это серьезно, Ростик. Не теряй времени. В Ашхабаде снять комнату непросто. Товарищ Лана, я могу вас подвезти.

— А как же с оформлением, с заполнением личного листка по учету кадров?— Знаменский произносил эти слова улыбчиво.— Я действительно принят на работу? А стол об одну тумбу? Я теперь однотумбовый, так ведь? А знакомство с коллективом? Надеюсь, я ни у кого места не перехватил? Ниже-то меня там у вас есть кто-нибудь? Не хотелось бы, стал страшиться завистников.— Улыбка не сходила с его лица, говоря, он улыбался все беспечнее и шире — умел он это делать. Это тоже была наука. Но вот чтобы глаза улыбались, когда невмоготу, этой науке он еще не обучился.

— Милый,— взяла его за руку Лана.— Они тут должны тебя на руках носить, с двумя-то языками. И пусть завидуют. Мне тоже завидуют. На мне любое платьице выстреливает. Что же, мне плакать по сему поводу?

— Ты оформлен, Ростислав Юрьевич,— сказал Чижов.— Мелкие формальности не в счет. Поехали, поехали смотреть комнатку!

— Куда путь держим, Захар Васильевич?— стронув машину, оглянулся Алексей.

— В сторону ботанического сада,— сказала Лана.— Постойте, а вот вас я где-то встречала.— Она скосила смеющийся глаз на Знаменского.

— Мелькаю по городу. Нет, а я вас не припомню,— сказал Алексей и тоже не удержался, чтобы не сверкнуть своим лукавейшим прищуром Знаменскому.— Разными дорожками, видно, бегаем.

— Это уж точно,— важно наклонила голову Лана. Кого-то приметила она на улице из знакомых, помахала рукой. И еще, и еще— полно тут у нее было знакомых.

Улица прямо шла, широко раздавшись. Не улица, а проспект.

— Этот проспект у вас рассекает весь город?— спросил Знаменский.— Кстати, а базары тут у вас где? На Востоке я обычно с базаров начинаю.— Сказал и осекся, даже улыбкой укрыться не сумел, застыло, погасло у него лицо.

— Понял!— вдруг сказал Алексей, оглянувшись на Знаменского.— Понял...

— Ты о чем?— спросил его Чижов.

— Один человек такой, другой человек такой,— раздумчиво отозвался Алексей.

— Это глубокая мысль,— промолвил Чижов.

— А понять непросто,— продолжал Алексей.— Замаскировались все.

— Кого понять-то? Зачем?— спросил Чижов, посмеиваясь.

— Как зачем? Людей вожу. Случись что, как кто поступит? Вопрос вопросов.

— Вроде как с кем идти в разведку? — поинтересовался Чижов.

— Именно, Захар Васильевич. Дорога всякие чудеса подкидывает. И драться приходилось, от шпаны сколько раз отбивался. А кто тебе спину прикрывает? Вопрос вопросов. Да вы меня понимаете. Помните, как мы у Безмеина круговую оборону держали? Нас двое, их пятеро. Но я в вас не сомневался. И что? Усекли паренечки, растворились.

— Значит, он у вас смелый, ваш начальник?— спросила Лана.

— Отчаянный!

— Как-то даже не верится. А вы не льстец ли, товарищ водитель?

— Только с дамами.

— А вот он у вас не очень с дамами.

Знаменский расхохотался.

— Понял, Захар? Женщины не прощают нам неуклюжестей.

— Ни-ког-да!— по слогам сказала Лана.— Льстивый водитель, не доезжая «Юбилейной», крутани в переулок влево! Ростик, «Юбилейная»— это наша гостиница для именитых гостей. Вон домик с лоджиями. Но это еще не самая-самая. А самая-самая на территории ботанического сада. Там я даже и не бывала ни разу. Там поселяют безгрешных ангелов. Им ничего нельзя. Все можно, а ничего нельзя. В этих отельчиках внизу милиционеры стоят. Где уж тут... Еще разок влево, снова влево, прямо, прямо теперь. Стоп! Приехали!

Улочка, где теснились старые тутовники и карагачи, где тянулись, скрытничая, дувалы почти вровень с кровлями, где у окон были ставни, открылась глазам. Тишина тут жила. Укромность. За дувалами ни звука. Лишь журчали по обе стороны арычные струи, тихонечко пробиралась по желобам прозрачная вода. Тут покой угнездился.

Все вышли из машины, все переводили дух, выбравшись из духоты.

— Господи, сделай так, чтобы эту комнату мне тут сдали!— помолился Знаменский, сведя ладони.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39, 40.

7

Врезанная в дувал зеленая дверца отворилась. В дверном проеме возник невысокий, щупловатый мужчина, вроде бы старый, но и не старый. Коротко стриженные седые волосы, молодые, упорно всматривающиеся глаза. Пожалуй, не щуплый, а просто нерослый, не раздавшийся в плечах. Но руки с хорошо развитой мускулатурой, рабочие руки. Майка, белые, многажды стиранные брюки, сандалеты на босу ногу — так он был одет. На шее, на потертом шнурочке, крестик. Читался этот человек легко и просто. Этакий совсем, совсем приникший к земле, к своему домику человек. На пенсии уже, конечно, а глаза молодые и руки сильные, потому что дружен с землей, ковыряется, возится со своим садиком с утра до вечера.

— Входите, входите,— сказал он, торопя слова.— Прошу, прошу. Комната вам нужна?— Он глянул на Знаменского.— Таким и представлял. Ростислав Юрьевич? Прельстили меня ваши имя и отчество. Дерзко нарекли. Имя дать — судьбу предсказать. Дерзко, дерзко. Будем знакомы. Дмитрий. И по батюшке Дмитриевич. А жизнь подсократила, зовут все Дим Димычем. Да еще понравится ли комнатка? Не княжеские совсем у меня хоромы. Входите, входите.— Он всех звал, рукой маня, но слова свои обращал лишь к Знаменскому, только на него и взглядывал, быстро, зорко, всякий раз коротко, чтобы не показалось, что разглядывает. Но всматривался, разглядывал.

Вошли один за другим в маленький дворик. Лана уже раньше туда впорхнула, своим тут была человеком, и уже тянулась, привстав на цыпочки, к повисшим высоко фиолетовым сливам, вот-вот ухватит одну. Легкая, прозрачная ее юбка вздернулась, почти нагая длинноногая молодая женщина тянулась сейчас руками к плодам, показалось даже, что к небу. А рядом, близко, показалось, что совсем близко, коричнево морщинились горы.

— В раю живете, Дмитрий Дмитриевич,— сказал Захар.— Сад... Горы...

— Правда? Почувствовали? Но дело не в горах и не в плодах. Женщина вошла и прикоснулась. Какая это все-таки тайна, женщина. Лана, сотворила рай и хватит, возьми табуретку, иначе не дотянешься. Да, а я вас знаю. Захар Васильевич Чижов, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Простите, не помню, чтоб нас знакомили.

— Нас не знакомили. Просто на улице указали мне на вас. Заметный в нашем городе человек. Так уж заведено от века: незаметным указывают на заметных.

— Это вы-то, Дим Димыч, незаметный?— сказала Лана. Теперь она взобралась на табуретку, и Алексей придерживал ее за колени, как-то криво-косо держа голову, чтобы уж совсем не дать волю посоловевшим глазкам. А ей хоть бы что! Тянулась, ухватывала сливу, впивалась в нее зубами, желтые, медовые капли падали Алексею на лоб.

— Верно, кто вас в городе не знает, Дим Димыч,— сказал Алексей, криво-косо держа голову, слизывая сливовые капли, ползшие по носу и губе.— Ланка, слезай! Есть у тебя совесть?!

— Нет, я бессовестная!— Она соскочила с табурета.— А ты что вытаращился, льстивый шоферюга? Не для тебя я, не облизывайся!

Из дома вышла женщина. Молодая. Подтянутая. Куда-то спешащая. Да, молодая, но не такой звонкой молодостью, яркой и даже красующейся, какой была молода Лана. Когда на столь маленьком пространстве — ступени дома и пятачок двора — появляются две женщины, их невольно сравниваешь. Лана по всем статьям была лучше, ярче, именно что звонче. А в этой все как-то пригашено было, она и одета была в платье, хоть и летнее, легкое, но темное. Она выбрала из всех Знаменского, надолго задержала на нем взгляд. Он почувствовал чуть ли не неприязнь в этом взгляде. Попробовал улыбнуться ей, но понял, что както не так улыбнулся, что его продолжают рассматривать все так же, без снисхождения.

— Дим Димыч, я на дежурство,— сказала женщина.— Здравствуй, Ланочка.

Она пошла по выложенной кирпичами дорожке, близко прошла мимо Знаменского. Но отчего же такой хмурый, даже сердитый у нее взгляд? А фигура у нее была что надо. С такими ногами веселей бы по жизни ступать.

— Здравствуйте, господа мужчины,— скупо вскинула она руку.

— Светланочка, как жаль, что ты уходишь,— сказала Лана.— Ведь сделку принято обмывать. Посидели бы...

— Какую еще сделку?

— Ну, товарищ же снимает у вас комнату.

— Не у меня, у Дим Димыча. А тебе бы все веселиться. Пойди в дом, умой рожицу. Сладкая очень.— Лане эта Светлана чуть-чуть улыбнулась, чуть-чуть подобрели ее глаза.

— Строга, строга!— сказал Алексей, когда дверь в дувале за Светланой затворилась.— Хозяйка! Дим Димыч, когда это вы успели жениться? Почему я не знаю?

— Не знаешь, потому что не женат. И не собираюсь. А собрался бы, никто бы за меня не пошел. Упустил я жениховскую пору.

— Тогда почему эта докторша в вашем доме очутилась и отчитывается перед вами, что пошла вот на дежурство?

— А потому что потому, молодой человек. Ну, Ростислав Юрьевич, Захар Васильевич, пойдем смотреть комнатку?

Если дворик и сад при этом доме были и схожи с теми двориком и садом, где уже побывал вчера Знаменский, оказавшись у Чижовых, то только деревьями были схожи, виноградником, небом этим знойным, где неподвижно висели чуть ли не вчерашние два облачка. Тот, чижовский клочок земли, был европейским, что ли, вкраплением под небом Азии. Такие вкрапления видел Знаменский, бывая в гостях у своих коллег и в Каире, и в Аммане. По-привычному устраивались на чужой земле люди. Натаскивали в здешнюю природу европейскую мебель, огораживались вентиляторами, кондиционерами и холодильниками, гостили, а не жили на чужой земле. А в этом дворике и садике русский человек Дмитрий Дмитриевич обосновался жить, приняв обычаи этой земли, ее требования, законы. Туркменский дощатый помост для летних трапез был тут. Печурка, сложенная из камней, на которой стоял в черноту закопченный чайник. К стволам деревьев подведены арычные канавки, а вот фонтанчика для услады не было, вода тут работала. И виноградник тоже работал, поджарым казался, а не тенистым, шпалеры невысоки, не образовывали беседку — здесь лозы пили и вызревали, чтобы дать людям урожай. Этот садик был вовсе не пригож: каждый клочок земли возделан, тут был и огород. От этой землицы, вложив в нее труд, пóтом ее оросив, человек ждал для себя куска хлеба, извечного подаяния земли. И хотя все тут было только для дела, а не для красы и услады, здесь жил такой разумный порядок возделанной земли, такая трудовая строгость жила, что она, строгость эта, и являлась красотой. А еще горы. Как изморщиненная старческая рука, из близкой дали протянутая к тебе. Или старческое строгое лицо? Горы разные подсказывали образы, рождая один, главный, они были вечностью.

Ну, а каков же домик у этого Дим Димыча?

Никаких чудес. Маленькие комнатки с глубоко ушедшими в землю полами, так глубоко, что окна, тоже небольшие, были ближе к потолку, чем к полу. Не богатые, но опрятные коврики повсюду, кошмы. Еще в прихожей все разулись, пошли дальше в носках. Этот обычай тут был не из новых, не продиктован страхом хозяев, что гости затопчут глянцевый паркет. Он пришел из древних времен, как и зарывшиеся в землю полы и высоко прорезанные оконца, чтобы в доме сберегалась прохлада.

— У меня дом так называемая «времяночка»,— сказал Дим Димыч.— Сразу после землетрясения такие домики во множестве появились. Мы сами их и строили, землетрясенцы-то. Кто как умел. Теперь их почти все посносили. Конечно, не шибко казистые хоромы. Но что на что менять. Если на эти панельные секции, которые летом пропекаются, а зимой продуваются, то еще неясно, где лучше.

— Ваш дом поставлен основательно,— сказал Чижов.— Это уже не времянка. Времянки просто сами стали разваливаться. Ведь землетрясение когда было. И строили наспех.

— Кто как умел, кто как умел. Наспех! Занятное словечко, если вдуматься. А что же в нашей жизни не наспех, Захар Васильевич? И для какой такой долгой жизни мы себя уготавливаем? Человек предполагает, а бог располагает.

— Вы верующий?— спросил Чижов.

— Я думающий. То есть я пытаюсь понять, пытаюсь... Но... Вот они, эти верующие, посещающие храмы господни, что они с землей сотворяют, громоздя на ней свои «першинги», «томагавки» и эти немыслимые совсем «МХ-сы»? Господь их, что ли, на это благословил, вера подвигнула? Верующий! Я в церковь не хожу, а крестик — он матерью мне дан, когда умирала. Что ж, если угодно, да, я верующий. Но не как они, не как они, несущие всем погибель. Смешалось, спуталось все. Вы вот коммунист, разумеется, безбожник, конечно же, а к богу вы ближе, чем иной епископ. Смешалось все, перепуталось,— говорил Дим Димыч все это, вроде посмеиваясь, слова подгонял, подгонял, иные даже проборматывал небрежно, но не шутил, глаза у него не смеялись.

Комнат в доме было много, хотя со двора совсем небольшим казался этот дом, невысокий, вжавшийся в землю. Но комнат было не меньше пяти, и из одной дверь вела в другую, наглухо не разгорожены были комнаты, чтобы им легче дышалось. И странно широкими были эти двери в маленьких комнатах.

— Дворцовая прямо анфилада,— сказал Знаменский, улыбчиво оглядываясь.

— А мне здесь нравится,— сказала Лана.— Совсем тут не шикарно, а нравится.

— А где шикарно, так никогда и не понравится, Ланочка,— сказал Дим Димыч.— Там позавидуется. Зависть же, как справедливо изволил заметить философ Ницше,— главное топливо для всех страстей.

— Да, тут у вас симпатично,— сказал Знаменский.— Книг много. Почитаю, если поселюсь. И книги на полках какие-то из детства. Читаные. Корешки старенькие.

— Такие и должны быть. Книги, они для чтения изобретены, а не для бахвальства, как повелось нынче.— Дим Димыч не переставал приглядливо всматриваться в Знаменского.— Это хорошо вы сказали, слово нашли: «симпатично». Спасибо, это большой комплимент мне, хозяину. Симпатично! Если вдуматься, сколько в этом слове теплого смысла. А иное слово как льдышка. Вот, смотрите, эту комнатку и наметил сдать.

Вошли в еще одну небольшую комнату. Сперва пропустили вперед Знаменского, ему тут предстояло жить, ему первому и смотреть. Он вошел, глянул по сторонам. Защемило сердце. Отчего вдруг? А вот потому, что ему тут предстояло жить. Долго ли? Менялась жизнь, отбрасывала его вот в эти стены. На этой узкой лежанке предстояло ему теперь спать, у этого высокого окошка, под которым стоял утлый письменный столик с одной тумбой, присаживаясь боком к столику, предстояло и есть, и письма писать, что-то еще там писать, хотя статьи его теперь печатать не будут, как журналист-международник он кончился. Кончился! Он близко подошел к окну, страшась оглянуться на своих спутников. А в окне стояли горы, стояла вечность. Что им его беды? Такое ли они знали за свои миллионолетия? Он понял, что теперь часто будет смотреть на эти горы, в их лики изморщиненные, ища себе опоры. Какие там у тебя, человек, беды? Есть кровля, есть кусок хлеба, есть вода в арыке. И ты еще не обделен друзьями. Тебе помогают. Ты еще не в конце пути. Отринь уныние перед ликом вечности. Комнатка, конечно, была жалкой, какие-то карты старые развешаны по стенам. Зачем они ему? Мебель была наижалчайшая, из кинофильма про довоенную бедность. Как он к этой колченогости приобвыкнется? Да и хозяин, явно странноватый, будет угнетать своими торопливо проговариваемыми философствованиями, дались ему эти «першинги» и «томагавки». И эта женщина с хмурым, просто злым взглядом, явно не принявшая его. Но горы. Как у Льва Толстого: «А горы...» Знаменский обернулся:

— Если я вам подхожу, то я, Дмитрий Дмитриевич, тут бы и поселился.

— Подходите, Ростислав Юрьевич, подходите. Вы не страшитесь, я вас донимать своими разговорами не стану. А эту дверь в соседнюю комнату мы замкнем. У вас еще есть дверь, прямо в коридор, вот через нее и будете ходить.

— А та докторша, она в какой комнатке обосновалась?— спросил Алексей.— Не столкнутся лбами в темноте-то ночной?— Щурились, смеялись его глазки.

— Тебе бы все сталкиваться,— презрительно сказала Лана.

— Жизнь, Ланочка, как узкая дорога в ночное время, где фонари не горят.

— А что это за карты у вас?— спросил Захар. Он пошел вдоль стен, рассматривая поблекшие, выцветшие полотна карт, их тут много было.— О, смотри-ка, дореволюционная карта Туркестана! Старый, доземлетрясенческий план Ашхабада! Историей увлекаетесь, Дмитрий Дмитриевич? Гляди-ка, Ростик, древний план Московского Кремля! И все тут его башни начертаны и поименованы! Ну вот, сможешь теперь изучить имена этих башен. Москвич, а ведь не знаешь, уверен, что не знаешь.— Он принялся читать, торжественно выговаривая:—«Водовзводная», «Набатная», «Царская», «Сенатская»... Снова «Водовзводная». А это вот «Москворецкая»... и она же «Беклемишевская»... Знал ты эти имена, москвич урожденный?

— Слыхал... Забыл...

— А теперь вспомнишь. А что это? Старинная, еще дореволюционная карта Москвы... Центральная часть... Церкви, церкви, церкви, куда ни глянь. Не зря говорили, что Москва была златоглавой. Так вы историк, Дмитрий Дмитриевич?

— Был когда-то картографом. История, конечно, рядом с картой живет, но карта правдивее. Если ее уметь читать, нет ничего более интересного и более поучительного.

— А почему бросили свою картографию?— спросил Знаменский.

— Долго рассказывать... При случае... Карты эти вам не помешают, Ростислав Юрьевич? Не хотелось бы снимать, уж больно ветхи. Фотографии, лики чужие я бы снял, а карта не гнетет. Оставляем?

— Даже попрошу вас оставить. Прав Захар, москвич-то я москвич, а города своего почти не знаю. И Кремля Московского не знаю. Про Тауэр, про Нотр-Дам больше знаю, чем про Кремль.

— Теперь поизучаете,— сказал Алексей.— В ночные часы... Если, конечно...

— У кого что на уме, а у тебя, Алексей, все одно и то же,— сказала Лана.— Ну что ты за человек?!

— Обыкновенный, Ланочка. И ты учти, у всех на уме, что и у меня на уме. Одно и то же, одно и то же. Только некоторые маскируются, а я прямой человек.

— Уж ты-то прямой! Как твоя баранка! Круть-верть!

— Условия мои, Ростислав Юрьевич, без запроса, вперед мне денег не нужно, а вот паспорт ваш понадобится, чтобы оформить временную прописку. Временную во времянке. Когда будете перебираться? По мне, хоть сегодня. Комната прибрана.

— Сегодня и переберусь,— сказал Знаменский, снова подходя к окну.— Завалюсь спать пораньше, а утром — горы.

— Захар Васильевич, поможем?— спросил Алексей.

— Непременно.

— Тогда покатили в гостиницу за чемоданами, прихватим еще там кое-чего и назад. Прихватим, Захар Васильевич? Полагается отметить, чтобы жилось счастливо.

— Мы-то, может, отметим, товарищ шофер, а тебе нельзя,— сказала Лана.— Права отберут.

— Гляжу, полюбила ты меня, Ланочка, бережешь. Учти, я самого Захара Васильевича Чижова вожу. Мы — МИД. Нас не обнюхивают.

— А вот перед богом все равны,— сказал Дим Димыч. Он подошел к Знаменскому, глянул, куда тот глядел.— «А горы...»— повторил толстовские слова.— Да, Ростислав Юрьевич, а перед вечностью все равны...

8

Отмечать переезд Знаменского из гостиницы в дом к Дим Димычу не стали. Уж больно перепад был велик: из «люкса» во времянку. И все это почувствовали, даже Алексей, когда тащил блистательные чемоданы Знаменского в машину. Скатывался, слетал человек со ступеней жизни — все это поняли. Увяла и Лана. Да ей и на работу было пора. Захар позвал обедать, но и ему тоже сперва на работу надо было заскочить. Условились, что завтра с утра Алексей заедет за Знаменским, привезет его в «Домик Неру»— так в городе звали дом,

в котором размещался ныне республиканский МИД. Действительно, дом тот был некогда построен в спешном порядке для Джавахарлала Неру, который должен был прожить несколько дней в Ашхабаде. Но Неру не приехал, а дом сперва приспособили под гостиницу Совета Министров, а потом вот отдали МИД и республиканскому обществу дружбы. Чижов зачем-то всю дорогу втолковывал эту историю «Домика Неру» Знаменскому, когда возвращались с чемоданами из гостиницы к времянке Дим Димыча.

— А это вот мой домик,— сказал Знаменский.— Каждому свое...

Алексей выгрузил чемоданы, хотел было занести их в дом, но Знаменский удержал его:

— Сам, вам надо на работу спешить.

Лана торопливо чмокнула Знаменского в щеку, шепнула, будто одаривая:

— Разыщите меня!

Провожающие сели в машину, Чижов, добро кивая, замахал своей большой ладонью, Алексей, подражая, улыбнулся, перехватив улыбку Знаменского, а тот все улыбался им, когда уже и машина покатила, свернула за угол.

— Вам подсобить?— Неведомо откуда взявшийся, перед Знаменским стоял худой, от рождения в смуглоту прокаленный солнцем мужчина, высокий, сутуловатый, с широкими сухими плечами. Рубаха навыпуск западала в углубление живота. Он был худ неимоверно, одни кости да смуглая, в черноту кожа. Но руки были сильные, ухватистые, не чахлая, а спортивная худоба ощущалась в этом человеке.

— Ашир Атаев,— представился он.— Друг Дим Димыча.— Он подхватил все три тяжеленных чемодана, легко понес к дому. Пока говорил, представлялся, водочный дух ударял в лицо Знаменскому. Этот Ашир Атаев довольно изрядно где-то хватил. Он сразу и показался Знаменскому забулдыгой. Одет был уж очень пренебрежительным образом, рубаха навыпуск и расстегнутая до пупа, штаны коротковатые и пузырями, сандалеты на босу ногу разбиты и с въевшейся в них пылью.

А в дверях стоял Дим Димыч. В маечке застиранной, тоже в штанах пузырями, тоже в сандалетах на босу ногу. Но этот был хоть трезвым. И крестик на шее. Философ доморощенный. Правдоискатель. Верующий от смятения перед жизнью. Осколочек русской души, занесенный каким-то вихрем житейским на землю Азии. Легко читался этот человек. Неудачник! Да и тот, что подхватил чемоданы, поджарый этот туркмен, легко читался. Тоже из неудачников! И уж если человек Востока так пьет, днем начав, то совсем плохи его дела. Как у тебя, как у тебя самого, Ростислав Юрьевич! Вот потому ты и примкнул к этим. Нет, не комнату во времянке снял, а обрел свою среду обитания. Так вот! Ты теперь много ближе к ним, а не к тем, кто укатил на «Волге». Так вот, ты тоже, парень, легко прочитываешься. И прочитали, и позвали — вот сюда, на край города, во времянку. Эти позвали, те отпустили.

Знаменский быстро вошел в дом, прошел по коридору в свою теперь комнату, шагнул поспешно к окну. Не было за окном гор, затянуло даль полуденным маревом. Но они там, неподалеку, за красно-сиреневым вдруг туманцем, они еще откроются.

— Сокрылись от меня горы. «А горы...»— обернулся Знаменский к Дим Димычу.— А не выпить ли нам, братцы? Обмыть же полагается. Нам, полагаю, можно, все можно. Деньги есть.

Он поглядел на них, на бедолаг, даря им самую-рассамую из своих улыбок, так же трудно добыв ее, как эти слипшиеся бумажки из узкого кармана брюк. Он поглядел на них, ожидая ответных, расслабленных, смущенно-радостных кивков, готовности повергнуть себя в мимолетность забвения. Глянул и оторопел, так сухо зорок был ответный взгляд только что показавшегося ему пьяным Ашира Атаева.

Но короток был этот взгляд, будто почудился Знаменскому, а следом, и верно, закивал согласно Ашир, по-пьяному залихватски взмахнул руками, кидаясь в объятия дружбы.

— А я что говорил?! Свой человек! Дим Димыч, есть у тебя?!

— Найдется. Пошли на воздух. Но только я с вами пить не буду. Без меня, без меня.

— На воздух, на воздух!— заторопился Ашир, сутуло устремляясь в коридор, гонимый жаждой.

А Дим Димыч в дверях придержал чуть Знаменского.

— Вы о нем худо не подумайте, Ростислав Юрьевич. С горя пьет. Представляете, был старшим следователем по особо важным делам. Уволен. Как не соответствующий занимаемой должности. Представляете? Легко ли ему, как думаете?

— Думаю, что не очень.

— Да, да, вашему пониманию это теперь доступно. Потому он и потянулся к вам.

— Но ему легче, чем мне. Уволили, ну и что? А вы, Дим Димыч, тоже из уволенных?

— У меня другое...— Дим Димыч поспешно нырнул в коридор, приговаривая:— На воздух, на воздух!

Во дворе, ножками встав по краям арычной канавки, уже красовался маленький, сбитый из досок столик, на котором навалом лежала всяческая зелень — дары здешней щедрой земли, лишь ороси ее хоть немножко. Помидоры громадные алели, редиска бело-красные выставляла бока, лук топорщился стрелами, зеленели, кудрявились листочки кинзы, на виноградных листьях, заменявших скатерть и тарелки, лежали желтые гроздья раннего винограда, сочась желтым соком, слива, маленькие, из первых, круглились дыни, только-только вошедшие в розоватую желтизну, в свой румянец спелости, а рядом круглились небольшие, тоже из первых арбузы, робко еще входившие в свой дерзкий зеленый цвет. И цветным показался Знаменскому аромат, витавший над столиком, этот неземной пленительности дух земных плодов.

Ашир Атаев, строго вытянувшись, изгнав сутулость, отрешенно стоял возле столика. Он казался совершенно трезвым, снова ясную зоркость глаз обрел. Но зоркость его темных, вычерненных зрачков, отчетливо круглых, дульцами, была нацелена сейчас не на Знаменского, не на Дим Димыча, не на мир окрест, а в себя самого нацелена, в себя сейчас всматривался этот человек, как оказалось, поверженный и оскорбленный.

— Вот, друзья мои, чем богат...— сказал Дим Димыч и повел рукой над столом.— А бутылка в арыке стынет, не стал ставить, чтобы картину не испортила.

— Да, картина,— сказал-вздохнул Знаменский.— Тут у вас рай, Дмитрий Дмитриевич. Эх, еще бы горы открылись!

— Не нужны сейчас горы,— пробуждаясь, сказал Ашир.— Бутылка сейчас нужна из арыка.— И снова запьянели, заволоклись его в черноту и дульцами глаза. Он выхватил бутылку из воды, обтер об рубаху, высоко поднял, выкрикнул:— Привет тебе, арак из арыка!— Он выкопал стаканчики из-под груды зелени, сноровисто распечатал бутылку, торопливо, но прицельно наполнил стаканчики, вручил и Знаменскому, и Дим Димычу, который не хотел брать, но взял, подчинился.

Стоя свели стаканчики, выпили. И закусывать не спешили. Просто не протягивалась рука к красе на столе, не решился никто первым нарушить картину.

— Ешьте, друзья, закусывайте,— сказал Дим Димыч.— Вот тут с края и ножички, и вилочки. Лепешка вот. Лепешка с базара, сам не пеку.— От лепешки он и отломил, стал жевать.

И Знаменский с Аширом тоже отломили от лепешки, но взяться за ножи и вилки все еще не решались.

— Повторим?— спросил Ашир.— А то как на похоронах стоим.— Он снова забулькал в стаканчики из бутылки.— Подставляй, подставляй, Дим Димыч. Сказано, «на троих»! Ну, разжались!

Не присаживаясь, да и не на что было садиться, стали есть, зачиркали, застучали ножами по доскам.

— Как на светском приеме, а-ля фуршет!— сказал Ашир, и зажглись искорки в его глазах-дульцах.— Полагаю, знакомая для вас ситуация, товарищ Знаменский? Но вместо тарелок виноградные листочки. Сойдет?

— Сойдет. Даже удобней.

— И вилки не нужны. Хватай руками. Правда, удобней?— Ашир Атаев хорошо, почти без акцента говорил по-русски, лишь иногда путая ударения. У него прозвучало не «удобнее», а «у́добнее». Иногда в его слова вплеталось слишком уж мягкое «л» или чрезмерно раскатистое «р».

— Удобнее, удобнее,— согласился Знаменский.

— У нас с вами теперь такая полоса жизни, когда назад-назад, в простоту летим. Ощутили? Или еще в шоке?

Этот Ашир Атаев, по одежде если судить, уже порядочно отлетевший назад-назад, почти в бродягу превратившийся, все же считал вот, что они ровня, что они в одну и ту же какую-то полосу попали, где такая уж простота жизни, что можно спиваться и опускаться. Неужели?

— Нет, я еще в шоке,— сказал Знаменский, отгораживаясь от дальнейшего разговора вежливой, но суховатой улыбкой, не сближающей, а пресекающей отношения.

— Дипломат, сразу видно!— сказал Ашир, в упор стрельнув своими зрачками-дульцами.— Вот, Дим Димыч, улыбнись-ка так, попробуй. Наука!

— И у тебя, Аширчик, дорогой, глазки так постреливают, как только у следователя могут,— сказал Дим Димыч.— Тоже наука! Мы же не на допросе, учти.

— Вот тут ты прав, Дим Димыч, не на допросе. И ты не прав, Дим Димыч, мы теперь с товарищем все время на допросе пребываем. Но только особенный это допрос, сами себя допрашиваем. Понимаешь, сами себя? Да ты все понимаешь, прошел через это. А глаза у меня не от профессии, не от выучки на юридическом факультете Ленинградского университета. Тут ты не прав. У меня глаза от предков, от племени теке, от этого песочка в воздухе, прилетевшего из Каракумов, от колкого песочка. Дай мне лошадь, дай мне лук, кинжал, аркан, крикни мне, как кричали мои предки в набеге...— Ашир вдруг истончил голос и закричал, яростно, пугающе оскалив зубы. И вдруг смолк, сник, присел на корточки, безвольно уронив голову. Сухие, сильные его плечи мелко дрожали.

Продолжение следует.

СЕМЬИ ОТ ЭТОГО ВЫИГРАЮТ

Давно собиралась поделиться своими мыслями, горем, да вроде неудобно отрывать время у людей своим письмом. Но вот увидела фотографию в «Огоньке» (№ 20, 1986 г.) под рубрикой «Трезвость — норма жизни», и сердце защемило. Валяется пьяный отец, а рядом стоит ребенок.

Кто этого не видел наяву, вряд ли поймет, как это страшно. Вот так же стояли и мои дети. Сейчас старший сын взрослый, военный, младшему четырнадцать лет. Вроде бы выстояли мои дети при отце-пьянице, но как много они потеряли веры, добра, сыновних чувств. Младший так и говорит: «Не нужен он мне, какой он отец». Старший помягче, но тоже старается держаться от отца подальше. А вот отец этого не понимает. Сейчас, правда, он меньше пьет, Указ о борьбе с алкоголизмом все же дал укорот пьяницам. А было всякое: вещи из дому продавал.

Вы, естественно, спросите, почему я никуда не обращалась? Обращалась. Два раза муж лечился. Да какое там лечение, если больные лечатся и пьют.

Жаловалась и в милицию, ну «дали» пятнадцать суток, а штраф мне пришлось заплатить. Вот и подумаешь, обращаться за помощью или нет.

Я к чему это пишу. Не надо принимать мер по моему письму, я постараюсь сама справиться. А вот в общем надо крепче, строже с пьяниц спрашивать. Их лечить надо трудом. Попал в вытрезвитель, пусть смену работает на семью, а дополнительно на вытрезвитель. Надо жестче подходить к пьяницам. Если и после лечения они продолжают пить и дебоширить, изолировать их от общества, заставить работать. Я думаю, что семьи от этого только выиграют.

Н. П.

г. Гулькевичи,
Краснодарский край.

А. Куинджи. 1842—1910. НОЧЬ НА ДНЕПРЕ. 1880.

Государственный Русский музей.

А. Куинджи. ПОСЛЕ ГРОЗЫ. 1879.

Государственная Третьяковская галерея.

КУИНДЖИ

Галина ЩЕРБАКОВА

Весной 1880 года в Санкт-Петербурге впервые в России открылась выставка одного художника, более того, одной картины: на Большой Морской в зале Общества поощрения художеств Архип Иванович Куинджи показывал уже нашумевшую к тому времени «Ночь на Днепре».

Вся северная столица съезжалась посмотреть удивительное полотно. Длинная вереница экипажей тянулась до Невского и заворачивала на Малую Морскую. Сам автор уговаривал, урезонивал нетерпеливых, «наводил порядок» в толпе зрителей. И так было каждый день. Газеты наперебой печатали восторженные статьи. «Какую бурю восторгов поднял Куинджи! Этакий молодец — прелесть»,— заметил в письме к Репину Крамской.

Никогда ранее ни одно произведение искусства не вызывало столь ошеломляющей реакции, не приносило автору столь громкой славы. И сейчас, более ста лет спустя, зрители по-прежнему останавливаются у этого небольшого пейзажа, пораженные чудом мерцающего лунного света на гладкой поверхности реки, тишиной и покоем теплой украинской ночи.

Дальнейшая судьба картины печальна: Куинджи писал ее красками, подвергшимися впоследствии химическим изменениям. Красочная поверхность потухла, потемнела, и то, что предстает перед нами сейчас, не может полностью передать впечатления мягко струящегося лунного света, отраженного в воде и облаках. К тому же великий князь Константин Константинович, приобретший картину, взял ее с собой в кругосветное морское путешествие, и влажный воздух губительно подействовал на состояние полотна.

Иван Николаевич Крамской, друг Куинджи, осознавая уже тогда место этой картины в истории русской живописи и обеспокоенный ее будущим, писал Суворину:

«Меня занимает следующая мысль: долговечна ли та комбинация красок, которую открыл художник. Быть может, Куинджи соединил вместе (зная или не зная — все равно) такие краски, которые находятся в природном антагонизме между собой и, по истечении известного времени, или потухнут или изменятся и разложатся до того, что потомки будут пожимать плечами в недоумении, отчего приходили в восторг добродушные зрители?.. Вот, во избежание такого несправедливого к нам отношения в будущем, я бы не прочь составить, так сказать, протокол, что его «Ночь на Днепре» вся наполнена действительно светом и воздухом, его река действительно совершает величественное течение и небо — настоящее бездонное и глубокое... Пусть потомки знают, что мы отдавали себе отчет и что, ввиду невероятного и нового явления, мы оставили к сведению и эту оговорку...»

Широкая известность, успех, благосостояние... Все это связано уже с именем прославившегося художника. Но начиналась жизнь Архипа Ивановича трудно и бедно. Родился он в 1842 году в городе Мариуполе в семье сапожника, грека по национальности. А в шесть лет остался круглым сиротой. Чтобы не умереть с голода, мальчуган нанимался пасти гусей, жил то у тетки, то у старшего брата. Грамоте обучался у бедного учителя-грека, за медные гроши, и немного в городской школе. Занимался без удовольствия, зато рисовал постоянно. В одиннадцать лет поступил на службу к богатому хуторянину, был и мальчиком на побегушках у хлеботорговца — чистил сапоги хозяину, прислуживал за столом. Этот-то купец первым отметил художественные способности мальчика и отправил его с рекомендательным письмом в Феодосию, к Айвазовскому. Но великого маэстро Куинджи не застал. Пришлось вернуться в родной Мариуполь, пойти ретушером к местному фотографу. И все же мечта учиться живописи в Академии художеств не покидала его. В начале 1860-х годов юноша уже в Петербурге; много рисует, пытается писать красками и по-прежнему работает ретушером, чтобы скопить деньги на обучение.

Мечта об Академии сбылась не сразу. Два года подряд он проваливался на вступительных экзаменах. Его это не остановило: в своей бедной каморке он создал картину «Татарская деревня при лунном освещении на южном берегу Крыма», и ему удалось выставить ее на академической выставке. Реакция оказалась неожиданной: Академия сразу присудила автору звание неклассного художника. В том же году, когда он не выдержал вступительных экзаменов! Однако Куинджи отказался от звания художника, попросив разрешения стать вольнослушателем.

Итак, в 1868 году двадцатишестилетний живописец наконец принят в Академию художеств. Среди его ближайших друзей и коллег И. Репин и В. Васнецов. Нескончаемо спорят молодые люди о задачах и предназначении искусства, об определении и разграничении понятий гениальности и таланта. По воспоминаниям современников, Архип Иванович в те годы исполнен веры в себя, полон надежд, жизненной энергии, разговорчив, общителен, «душа компании» и хороший товарищ. Опять ему приходится перебиваться с хлеба на квас, но нужда не вызывает уныния.

Со следующего года Куинджи начинает регулярно выставляться. Показывает «Рыбачью хижину на берегу Азовского моря» — мотив, привезенный из родных мест, «Исаакия при лунном освещении», «Бурю на море при солнечном закате». Его волнуют проблемы передачи света, освещение; солнце и луна — источники его постоянного вдохновения, предмет пристального изучения. Даже ранние работы пронизаны лиризмом, в них то особое настроение, гармония, которые дает человеку общение с природой. Его полотна полнятся воздухом, светом и кажутся не отражением, а самой природой. Простодушные и недоверчивые зрители порой заглядывали за рамы созданных им картин, чтобы проверить, нет ли там электрических лампочек, которые подсвечивают холст.

Идеи передвижников, критическое отображение реальной жизни простого народа, стремление сделать искусство достоянием всех были близки и понятны молодому мастеру; общественный характер искусства, освободившегося от официальной опеки Академии, независимого и правдивого, демократического по сути, полностью соответствует его мировоззрению. В 1875 году он становится полноправным членом Товарищества, хотя задолго до этого принимает участие в передвижных выставках.

Живя в холодном Петербурге, Куинджи всей душой стремится в родные, напоенные знойным южным воздухом края. Картина «Степь в цвету», написанная в 1875 году, вся светится радостью бытия, в ней много солнца, цветов, безграничны просторы. Полотно создано в счастливый момент: художник женится на своей землячке, дочери мариупольского купца Вере Леонтьевне Кетчерджи-Шаповаловой, ставшей ему верным другом. И этот «праздник души», охвативший все его существо, живописец с воодушевлением переносит на холст.

Первый настоящий большой успех Архипу Ивановичу принесла картина «Украинская ночь», написанная годом позже. В ней он предстал сложившимся мастером, со своим особым видением мира. Никто — ни до него, ни после — не мог с такой чарующей силой передать атмосферу летней ночи с мягко сияющим лунным светом.

Произведения Куинджи всегда были «гвоздем» передвижных выставок. Так было и с «Березовой рощей», показанной в 1879 году. Это настоящий гимн солнцу и свету; глубокие тени на первом плане усиливают эффект освещения, подчеркивают сочность листвы, омытой росой, белизну березовых стволов. Зрители часами простаивали у картины.

А когда через год появилась «Ночь на Днепре», восторги почитателей стали переходить в какую-то молитвенную тишину, здесь слышны были только вздохи, вспоминал Репин. «Успех Куинджи,—писал он,—заключался только в его гениальности».

В сорок лет Архип Иванович достиг вершины своей славы. Самый популярный, любимый публикой живописец, полный кипучей энергии и жизненных сил. И вдруг Куинджи прекращает выставляться. В своей мастерской он продолжает работать, пишет этюды, делает опыты с новыми сочетаниями красок, варьирует мотивы, ищет сюжеты, но ни друзья, ни любители искусства, ни поклонники — никто, кроме жены,— так и не увидели больше его новых творений. Тридцатилетнее творческое молчание поражало современников, но найти этому объяснения никто не мог. Загадка не раскрыта и сейчас: Куинджи не любил ничего записывать, после него не осталось мемуаров, дневников, никакой переписки. В последней показанной им при жизни картине «Днепр утром», датированной 1882 годом, тихая, светлая грусть, величавая и спокойная река, которая мерно катит свои воды среди бесконечных просторов. Здесь нет уже того буйства красок, света и цвета, как в предыдущих полотнах.

Художник «замолчал», однако не переставал работать. Каждый день приходил в мастерскую и даже в последние годы, тяжело больной, лежа в постели, продолжал делать наброски карандашом. Он по-прежнему активно участвует в художественной жизни, посещает передвижнические собрания, встречается с молодыми, начинающими живописцами, помогает им советами и материально. Став очень богатым человеком, как и прежде, ведет аскетичный образ жизни, занимает вдвоем с женой скромную квартирку в старом доме, без прислуги, питается, как в студенческие годы. И обстановка у него более чем скромная: простая мебель, голые стены, никаких драпировок, портьер, единственное украшение — цветы на окнах. Но зато каждый, кто приходит в этот дом, получает помощь и поддержку.

В 92-м году в жизни Архипа Ивановича начинается новый этап — его приглашают преподавать в Академию художеств, ставшую к тому времени «передвижнической»; одновременно сюда приходят Репин, Шишкин, В. Маковский. Куинджи с энтузиазмом принимается за дело. У него учатся Богаевский, Рерих, Рылов, многие другие замечательные пейзажисты — их работы на конкурсных выставках всегда отмечаются как совершенно исключительное в жизни Академии явление.

В 98-м году мастер отправился с двенадцатью своими питомцами в заграничное путешествие, оплатив эту поездку, чтобы познакомить начинающих художников с шедеврами мирового искусства. И это несмотря на то, что к тому времени уже вынужден оставить Академию по высочайшему повелению президента, великого князя Владимира. Его отстранили от преподавания буквально в 24 часа за сочувствие к бастовавшим студентам. Забастовка произошла из-за незначительного инцидента между ректором и одним из учеников. Отставка была, конечно, лишь поводом: открытый, порой резкий характер художника, страстно порицавшего косность и рутину Академии, давно раздражал начальство. Все произошло столь неожиданно, что на самого мастера это подействовало, как громовой удар. Потеря любимой мастерской! Получив приказ, он упал без сознания. Потрясены были и его ученики.

Стараниями и финансированием Куинджи в 1909 году образовалось общество его имени, основной задачей которого стало оказание помощи — материальной и нравственной — художественным группам, кружкам и отдельным художникам, организация выставок в Петербурге, по стране и за границей, покупка лучших произведений для создания национальной галереи.

Скончался Архип Иванович 11 июля 1910 года от болезни сердца.

М. КОРЧАГИН

ДОХОДНОЕ КРЕСЛО

судебный очерк

...Город был из песка. И, когда я приблизился к нему, щекастые обитатели его, выглядывая из-за своих песочных укреплений, подетски откровенно разглядывали меня, не ведая о цели моего прихода в ясли-сад № 5 города Нелидово. Только из-за них — несмышленышей — умолчу фамилии их милых мам, оказавшихся на скамье подсудимых...

ДОВЕСОК К «СПАСИБО»

Но у истории с грустным концом было и начало — светлое и счастливое. Оно пока не омрачалось возгласами «Встать, суд идет!», но озарялось улыбками близких да фотовспышками. По центру объектива улыбалась счастливая Она. А Он неуклюже и растерянно прижимал к груди увитый кружевами белый кокон, перетянутый воздушными лентами.

Но вот в честь новорожденного отсалютовало шампанское, и потекли будни с пеленками, прогулками и бессонными ночами. Одних на бессменном посту подменяли безотказные бабушки с дедушками. У других подмены не было. И этих «других» (особенно одиноких мам) все чаще мучил вопрос: «Кому сидеть с ребенком?» «Скоро на работу...»— сокрушались они, продолжая расклейку объявлений типа «Ищу няню». Но няни не находились, очередь в ясли не подходила, и у милых мам просто опускались руки.

...Из показаний на суде:

Подсудимая Левина: «В семье доходило до скандалов — ни муж, ни я не хотели бросать любимую работу».

Подсудимая Ложкина: «Положение было безвыходное. Решила увольняться и ехать с Олечкой в деревню к бабушке».

Подсудимая Прошкина: «Муж зарабатывал мало, денег не хватало. А выйти на работу не могла — ребенок»...

И Прошкина продолжала безрезультатно обивать пороги яслей, везде слыша решительное «нет». До тех пор, пока не переступила порог ведомственных яслей № 5, заведовала которыми В. Игоренкова. Но до нее мама не дошла — на дороге выросла воспитательница Г. Соловьева.

— Ребеночка устраивать?— догадалась она.— Но сад-то ведомственный — от шахты «Нелидовская». А вы на шахте не работаете? Зря пришли — не примут вашего ребеночка...

— Как же быть?!.

И в глазах родительницы Соловьева увидела безысходность. Что вполне устраивало воспитательницу.

— Впрочем, я поговорю с заведующей. Но что, кроме «спасибо», она будет иметь?

Робкая надежда затеплилась в маминой душе, измотанной поисками места. И, выбежав из яслей, она вернулась с коробочкой, в которой тикали женские часики.

— Вот это по-нашему. Можете приводить ребенка,— улыбнулась Соловьева и, скрывшись за дверью кабинета заведующей, положила на дно ящика письменного стола дар, прикрыв его шоколадкой.

Ящик с шоколадкой захлопнулся, и несколько растерявшаяся, но вскоре успокоившаяся Игоренкова улыбнулась смекалке педагога Соловьевой. (А читателя попрошу запомнить такую мелочь, как шоколадка, брошенная на дно ящика стола.)

НИЩИЙ НА ТРОНЕ

Шло время, и родители, встречаемые Соловьевой, правильно понимали намеки педагога. Все чаще открывался ящик стола, весомее становился довесок к «спасибо». А однажды на дно бесшумно улеглись купюры достоинством в 50 рублей. Вскоре Соловьеву стала брать досада — заведующая забывала о ней. Поэтому из следующего «дохода» она самолично отторгнула половину бумажек.

Впрочем, уворованная половина мало устраивала педагога. С замиранием в сердце она смотрела на кресло заведующей — на этот трон, сидя в котором можно вершить пусть маленькие, а дела. Но однажды кресло опустело, и Игоренкова уже не вернулась в сад. Нет, она не оказалась в следственном изоляторе. До этого еще далеко. С ней произошло то, что очень редко бывает в подобных случаях,— в ней сначала робко, а потом все настойчивее заговорила совесть. По крайней мере иных причин покидать доходное место не было.

...Из допроса подследственной Игоренковой: «Такая работа меня больше не устраивала, поэтому я сама написала заявление об уходе. Противно стало...»

А потом было одно незабываемое и шумное собрание коллектива яслей-сада, куда пожаловал сам В. Марков — начальник комбината коммунальных предприятий шахты «Нелидовская». Впрочем, к важному этому собранию мы еще вернемся, но ниже. Главное, что после него к желаемому креслу шагнула Соловьева.

«Теперь она хозяйка этого уютного кресла!— ликовала Соловьева, садясь в него; и кресло, будто соглашаясь, послушно скрипнуло.— Теперь только к ней пойдут эти мамы, заискивая и мельтеша! Теперь...» — И у новой заведующей захватило дух.

При этом педагог выдвинула ящик стола и принялась поджидать милых мам. И ее трудно было упрекнуть в непринципиальности. Сначала она говорила принципиальное «нет». Родитель отрешенно поворачивался к двери и тут же за спиной слышал вкрадчивое и многообещающее «хотя, если...». Вслед за «если» осчастливленная мама торопливо рылась в сумочке...

...Подсудимая Быкова: «Я от радости требуемые 150 рублей ей и выложила. А как деньги положила, сразу убежала — стыдно стало».

Подсудимая Охрименко: «Я знала, что в саду требуют взятки, и носила при себе деньги. С мужем потом скандал был, когда узнал, что столько денег отдала».

Соловьева вошла во вкус. Подношения ей несли уже и те, кто работал на шахте и устраивал свое дитя на законных основаниях. Иными словами, несли заведующей лишь за то, что она заведующая.

В ящик вперемешку с червонцами довеском к ним ложились бутылки водки, коньяка, коробки конфет и пачки стирального порошка, хрустальные пепельницы. Загадочная улыбка девушки на коробке с духами «Джоконда» соседствовала здесь с полутора килограммами подаренной свинины.

БУХГАЛТЕР В СТРАНЕ ЧУДЕС

Но прожорливую алчность Соловьевой уже трудно было утолить в одиночку. Требовался опытный помощник, соратник, который и отыскался в лице бухгалтера З. Скобелевой. Тут-то с ее помощью (в руках у нее были все бухгалтерские дела) и приоткрылась несколько иная статья нетрудовой добычи для обеих. Согласно этой статье, две взрослые женщины, одна из которых бабушка, отворили дверь в игровую комнатку и украдкой шагнули в тот крошечный, фантастический городок из кубиков, в котором жили плюшевые друзья детсадовцев.

— Ерунда, спишем...— рассудила опытная бабушка-бухгалтер и, поймав за плюшевое ухо приглянувшегося пуделя, поспешно запихнула в авоську.

...Захожу в ту же игровую комнатку. Передо мной открытые лица малышей. Трое из них по очереди катают один грузовик. Игрушек в комнате явно не хватает. Новая заведующая детским садом и яслями Т. Груздева отпирает дверь другой комнаты. Пол, столы, полки и даже сейф в ней завалены игрушками. Когда-то они были плюшевыми мишками, Буратино и Чебурашками — молчаливыми, верными спутниками детства. Теперь же это не что иное, как попавшие под замок вещественные доказательства, улики на сумму 730 рублей.

Но игрушки и остальное — это общая их добыча. Ящиком же письменного стола единолично владела сама Соловьева. Он никогда не был пуст. Постоянные нетрудовые доходы стали системой, второй зарплатой, вошли в привычку, от которой уже не могла избавиться Соловьева. И если вначале на милом личике Соловьевой поигрывал робкий румянец, то последний к ней визит родительницы А. Чебану сопровождался бесцеремонным возгласом: «С вас 150 рябчиков...» Как раз вслед за этим визитом и последовало заявление в ОБХСС, а доходное кресло пришлось сменить на нары следственного изолятора.

...Листаю сшитые восемь томов уголовного дела.

«Обстоятельства способствовали моему преступлению,— пытается убедить Соловьева старшего следователя межрайонной прокуратуры Б. М. Соколова.— Будет справедливо, если они тоже будут наказаны. Это все они!»

«Они»— это те, кто послушно выкладывал из сумочки чуть ли не последний червонец. По очереди беседую с каждой из мам, которые на следствии сразу же во всем признались. «Виноваты...» — пряча от стыда глаза, все как одна вздыхают взяткодатели.

Что же касается закона, то коллегия областного суда под председательством Е. И. Морозова, рассматривая это дело, после долгих раздумий, месячного разбирательства и опроса 160 свидетелей пришла к выводу, что «преступление родители учинили вследствие стечения тяжких семейных обстоятельств», и ограничилась для всех мам «одним годом исправительных работ по месту работы с

удержанием 10 процентов заработка в доход государства». Соловьева же и Игоренкова получили соответственно 5 и 3,5 года с конфискацией имущества. Скобелева — 3 года.

ТРЕБУЕТСЯ «ДОСТАВАЛА»

Зло наказано, и справедливость торжествует. (Если не считать того, что Скобелева еще гуляет на свободе с отсрочкой исполнения приговора сроком на два года.) Можно бы и ставить точку. Но, долистав дело, я все же пошел в коллектив, где работала Соловьева. Тут же заверяю читателя: моралите типа «Куда смотрел коллектив?» и тому подобного не будет. Потому что как раз именно коллектив смотрел куда надо. И особенно тогда, когда в освободившееся кресло сажали Соловьеву. Коллектив-то видел и помнил и то, с каким скандалом пришлось временно уйти ей из яслей после того, как она унесла продукты с кухни. Но на его памяти еще и одно довольно шумное собрание, где даже тишайшие няни превратились в гневных ораторов. Тогда все как один были против назначения ее заведующей. За был один В. Марков — начальник (!).

— Очень энергичная, деловая была,— характеризует он мне уже осужденную Соловьеву.— Все достать могла!

И точка. А о личных качествах ни слова. А они ему были и ни к чему. Начальнику нужен был юркий «доставала», но не педагог, не честная заведующая. Недовольство же коллектива, по словам Маркова,— «блажь подчиненных, женские счеты, дрязги».

«Может, повременим с назначением... Все-таки коллектив...» — заметил ему тогда председатель профкома комбината коммунальных предприятий В. Шаньков.

«Никаких «может»! Заведующие назначаются, а не выбираются коллективом!» — отрезал начальник.

Работники яслей, конечно, не могли видеть, как вручаются взятки, но коллективная интуиция, к сожалению, не подвела.

— И зачем то собрание созывали?! Чтобы начихать на нас, что ли?— вспоминают сегодня в коллективе.— Или ради «галочки».

Иду выше — к руководству шахты «Нелидовская»: бывшему директору В. Деренкову, нынешнему В. Ячменеву, помощнику по кадрам Л. Андрееву, бывшему главному бухгалтеру А. Козыреву и председателю профкома шахты С. Егорову.

— Вот если бы ей тогда в душу заглянуть...— сокрушаются они в один голос.

А в душу-то, кстати, заглядывать и не надо было. Достаточно было разок заглянуть в список уже принятых детей, чтобы понять, что в нем значатся дети родителей, не работающих на шахте, то есть устроенные незаконно.

Ну, а меры принимались лишь после суда, на котором даже сама преступница Соловьева смеялась над бесконтрольностью администрации. Ведь именно эта бесконтрольность, к сожалению, и стала той благодатной почвой, из которой полезли ростки нетрудовых барышей. А не появись тут работники соответствующих органов, уютное кресло и по сей день давало бы доходы.

Калининская область.

ЧЕМПИОН — ПРЕЖНИЙ

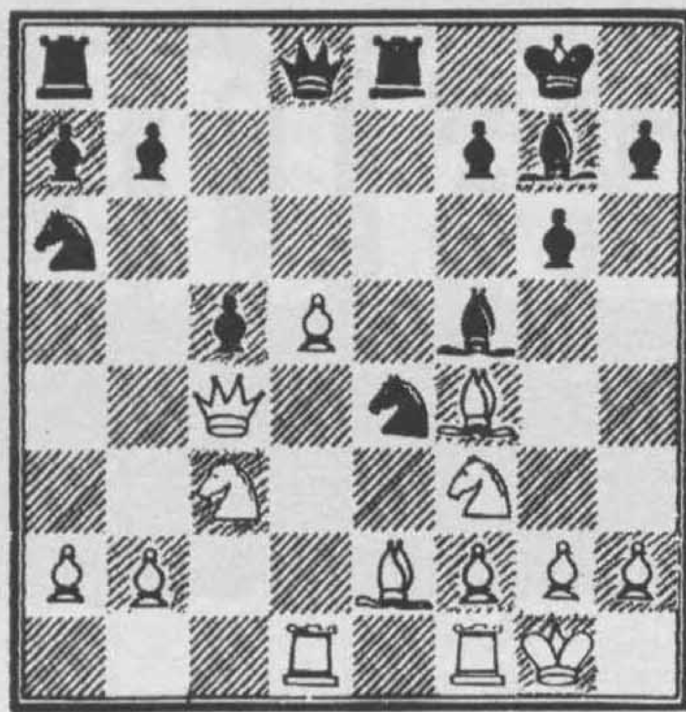
МАТЧ-РЕВАНШ НА ЗВАНИЕ ЧЕМПИОНА МИРА
FIDE
КАСПАРОВ 1986 КАРПОВ
ЛЕНИНГРАД

М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

Когда этот обзор увидит свет, матч-реванш двух сильнейших шахматистов современности уже завершится. Будут подведены итоги, торжественно провозглашен победитель, чемпиона мира увенчают свежими лаврами. И быть может, сегодняшние наши волнения и запальчивые споры покажутся тогда чрезмерными, оценки и прогнозы несостоятельными. Но в состязании такого масштаба процесс важнее любых итогов, а нынешний поединок подарил любителям шахмат впечатления поистине незабываемые.

Мы расстались с читателями после восемнадцати партий, в момент, когда А. Карпов с удивительным самообладанием преодолел возникшую в матче кризисную ситуацию и выигрышем двух партий кряду резко изменил картину борьбы. Как писал тогда обозреватель брюссельской газеты «Суар» Д. Пергерихт, «А. Карпов показал, что при наличии такого спортивного характера, каким обладает он, можно смело бросить вызов самой фортуне!».

Казалось, после столь непредсказуемого поворота в сюжете на матче должно было наступить хоть бы временное затишье. Но уже следующая, девятнадцатая партия подлила масла в огонь.

Это положение возникло после 13 ходов. Оно хорошо исследовано теорией и в специальных монографиях по защите Грюнфельда оценивается как примерно равное. Причем основными продолжениями за белых считаются здесь 14. Cd3 и 14. Ce3. Однако следующим энергичным ходом Карпову удается поставить под сомнение все хрестоматийные выводы. Он сыграл 14. Kb5!, взяв под обстрел критические поля c7 и d6, и, создавая угрозу продвижения «ртутной» пешки d5, сразу же овладел инициативой. Поразительно, что такой логичный выпад раньше никому не приходил в голову. Поистине «теория — это подслеповатая дама», как давно уже заметил острослов С. Тартаковер.

Во всяком случае, новинка А. Карпова была неприятным сюрпризом для чемпиона мира, и убедительного возражения он за доской не нашел...

14... Фf6 (Разумеется, бить на b2 было опасно из-за 15. d6, но, может быть, следовало настроиться на оборону посредством 14... Cd7) 15. Cd3 Kb4. Каспаров во власти темперамента. Не желая мириться с ролью защищающейся стороны, он, верный своим творческим устремлениям, резко и, добавим, рискованно обостряет игру, предлагая жертву ладьи за коня. Партия теперь вступает в русло необозримых осложнений

16. Kc7 K:d3 17. K:e8 Л:e8 18. Ф:d3 Ф:b2. Поскольку не годилось заманчивое 18... K:f2 ввиду контрудара 19. Фb5!, Каспаров довольствуется приобретением пешки. На первый взгляд дела черных складываются неплохо. При незначительном материальном дефиците у них активная фигурная игра, а это как раз то, что по душе Каспарову. Но на такую оптимистическую оценку существенным образом влияет наличие в распоряжении белых не потерявшей своего значения проходной пешки d5. Ей-то и выпадает привилегия сказать свое весное слово в ходе дальнейшей борьбы

19. Лde1!

Карпов не спешит пустить в игру свой главный козырь, хотя продолжение 19. d6 Kc3 20. d7 Лd8 21. Фe3 имело свои привлекательные мотивы. В истинно классическом стиле он прежде всего стремится пресечь любую контригру соперника, а потому строит свою стратегию на ограничении подвижности черных фигур. Связка коня более всего отвечает поставленной задаче.

19... Фb4 (нехорошо было 19... Ф:a2 ввиду 20. Фb5).

20. Kd2 Фa4 21. Фc4! Карпов четко ведет партию, реализуя достигнутое преимущество. После неизбежного размена ферзей роль пешки d5 заметно возрастает.

21... Ф:c4 22. K:c4 Cc3 23. Kd2 C:d2. Неистощимая фантазия чемпиона мира помогает ему выискивать ресурсы в, казалось бы, безвыходных ситуациях. Вот и сейчас он затевает любопытную комбинацию.

24. C:d2 Cd7!

Кажется, что черные благополучно выпутались из беды. В их распоряжении теперь сразу две угрозы — 25... K:d2 и 25... Cb5. Но слово за Карповым, и экс-чемпион мира находит великолепную возможность парировать обе опасности разом.

25. Cf4! Cb5 26. f3!

Вот в чем дело! На 26... Cf:1 Карпов задумал 27. Kp:f1 Kf6 28. Л:e8+ K:e8 29. Ce5!, и пешка «d» будет неминуемо стоить черным коня. И все же спор еще не кончен.

26... g5! Новый аргумент. Теперь при взятии коня на e4 или отступлении белого слона у черных все в порядке. Но Карпов с честью преодолевает и это затруднение.

27. C:g5!

Неожиданно и красиво! После 27... K:g5 28. Л:e8+ C:e8 29. h4 конь черных ловится...

27... C:f1 28. K:f1 Kd6. Материально силы сравнялись, но слон белых намного подвижнее черного коня (в шахматах все возможно!), и это решает исход сражения. Еще последовало: 29. Ce7! Kc8 30. C:c5 Лd8 31. Лe5 f6 32. Лf5 b6 33. Cd4 Ke7 34. C:f6 Л:d5 35. Лg5+ Л:g5 36. C:g5 Kc6 37. Kpe2 Kpf7 38. Kpd3 Kpe6 39. Kpc4 Ke5+ 40. Kpd4 Kc6+

Здесь партия была отложена, но на следующий день, не приступая к игре, Каспаров признал себя побежденным.

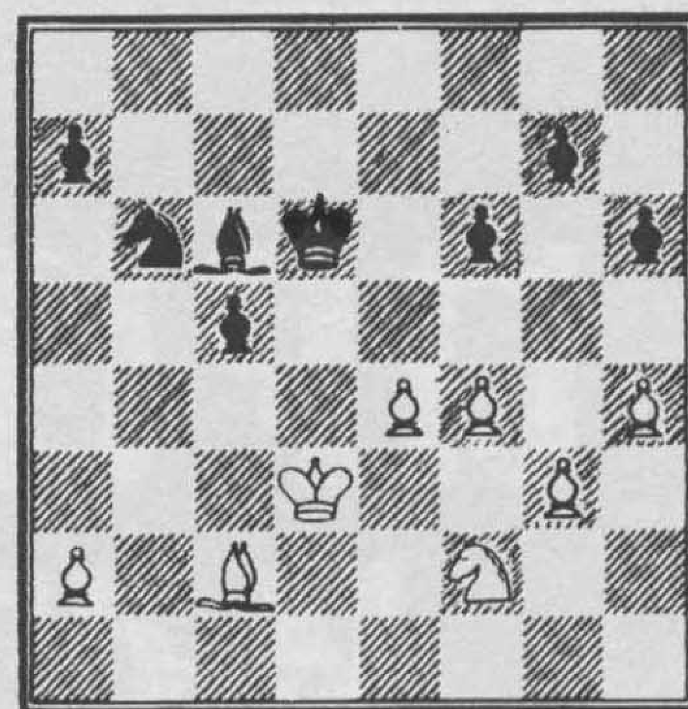
Счет стал $9^1/_2$:$9^1/_2$!

Время, отведенное для решения судьбы шахматного трона, спрессовалось до десяти дней! И за эти считанные дни соперникам нужно было не только сыграть положенные пять партий, но проделать огромную аналитическую работу — полностью переосмыслить матчевую стратегию применительно к новым экстремальным условиям, ревизовать и тщательно продумать дебютно-репертуарную программу, проанализировать психологические аспекты борьбы, словом, мобилизовать все ресурсы, и творческие, и физические. Что и говорить, соперникам выпало еще одно великое испытание. И это на пределе сил и эмоций!

Нечего и говорить, что начало заключительной фазы единоборства ожидалось с особым интересом. Но первый из серии финальных поединков, пожалуй, не оправдал надежд. Судя по всему, партнеры единодушно отводили ему в своих планах «буферную» роль дополнительного игрового тайм-аута, словно соглашаясь с тем, что для начала решительных действий момент еще не наступил.

Более содержательным оказался следующий поединок. Здесь намерения партнеров были уже не столь элегичны и однозначны. Было очевидно, что Карпов возлагал на двадцать первую партию «ударную» функцию.

Партия была отложена, на следующий день доигрывалась, но... сохранила матчевое статус-кво. Правда, в самом конце возник интригующий эпизод.

Когда был вскрыт конверт и партнеры сделали ходы: 41... Cb5+ 42. Kpc3 Ka4+ 43. Kpd2 c4 44. e5+ fe 45. Ke4+ Kpe6, в зрительном зале и у экспертов в пресс-центре на мгновение возникло буквально шоковое состояние. Все увидели, что чемпион мира теряет фигуру... Действительно, достаточно сыграть 46. C:a4 C:a4 47. Kc5+, как слон попадает под «вилку». Но еще большей неожиданностью было увидеть на мониторе, как именно в этой ситуации партнеры, улыбнувшись друг другу, мирно пожали руки. И тогда замелькали фигуры на многих досках. Стало ясно, что чемпионы видели гораздо дальше любителей и, продолжая вариант путем 47... Kpf5 48. K:a4 ef 49. gf Kp:f4, приводили игру к позиции, где выигрыш невозможен ни для одной из сторон.

* * *

Эта статья писалась в самые драматические минуты единоборства двух сильнейших шахматистов мира, когда все должно было решиться в миниатюре из трех партий. Но судьба матча была решена после двух партий: Каспаров блестяще победил в 22-й партии и устоял, играя черными, в 23-й. Таким образом, он сохранил звание чемпиона.

Король Чулалонгкорн с сыном принцем Чакрабоном.

Е. И. Десницкая — сиамская принцесса На Питсанулок.

ПРИНЦЕССА КАТЯ ДЕСНИЦКАЯ

Валериан СКВОРЦОВ,
соб. корр. «Правды»,
специально для «Огонька»

1

За Чаопраей, подковой омывающей старый центр Бангкока, 17 января нынешнего года какой-то необычной выдалась вечерняя заря. С балкона дворца Сарaром, где таиландское МИД ежегодно проводит традиционную встречу своего главы с иностранными журналистами, в те немногие минуты, которые длится в тропиках закат, солнце, в другие дни багровое и раскаленное, предстало белесым, почти ленинградским. Контуры старого королевского дворца напротив, за неширокой Махарадж-роуд, шпили буддистских ступ, вогнутые, будто паруса под ветром, крыши и ворота со звучными названиями «Большой бриллиант», «Обиталище небес», «Великолепное благополучие» на фоне пастельного неба были не густо-черными, как всегда, а серовато-пепельными. Да и «похолодало». Электронный термометр на репортерской сумке японского коллеги, стоявшего рядом, показывал меньше тридцати градусов.

Министр в тот день задержался, успело стемнеть, и на вопросы он отвечал при свете ламп, которые зажгли на балконе. Неофициальная пресс-конференция — можно было задавать любые вопросы — катилась своим чередом, я привычно фиксировал услышанное и увиденное в блокноте, однако мысли помимо воли оставались далеко. Правда, и не совсем уж далеко. Там, где Махарадж-роуд делает поворот вдоль белой стены монастыря Ват По, за зелеными воротами с надписью «Дом Чакрабонов». В его небольшой библиотеке, сплошь заставленной стеллажами с книгами и рукописями, еще утром довелось прочесть первые строчки из написанного по-русски письма, адресованного женщине, вдруг шагнувшей в ту минуту из легенды в реальность...

Два с небольшим года назад я, получив назначение в Бангкок, принялся, конечно, собирать всевозможные материалы. Внес в них на всякий случай и одну выписку из повести К. Паустовского «Далекие годы». Привожу ее с некоторыми сокращениями:

«...Я часто встречал подругу моей сестры Гали — Марусю Весницкую, гимназистку старших классов Фундуклеевской женской гимназии... Мог ли я думать тогда, на катке, что жизнь Маруси Весницкой окажется гораздо неожиданнее всех моих фантазий...

В то время в Англии, в Кембридже или Оксфорде, воспитывался один из сыновей сиамского короля.

Этот сиамский принц не выносил морских переездов. Он ездил из Англии на родину длинным сухопутным путем — через Европу, Россию и Индию.

Во время одной из таких поездок принц заболел в дороге около Киева воспалением легких. Путешествие было прервано. Принца привезли в Киев, поместили в царский дворец и окружили заботами киевских докторов.

Принц выздоровел. Но прежде чем продолжать путешествие в Сиам, ему надо было от-

дохнуть и поправиться. Принц прожил в Киеве два месяца... На одном балу желтолицый принц увидел Марусю Весницкую... Принц был очарован. Маленький, раскосый, с блестящими, как вакса, волосами, он танцевал с Марусей, пока капельки пота не появились на его круглом лице.

Принц влюбился в Марусю. Он уехал в Сиам, но вскоре вернулся в Киев инкогнито и предложил Марусе стать его женой. Она согласилась...

Муж Маруси был третьим сыном короля. У него было очень мало надежды на сиамский престол. Но после смерти братьев он оказался единственным наследником и неожиданно стал королем. Так веселая киевская гимназистка Маруся Весницкая сделалась сиамской королевой.

В Бангкоке по требованию Маруси провели электрическое освещение. Это переполнило чашу ненависти придворных. Они решили отравить королеву, поправшую древние привычки народа. В пищу королеве начали постепенно подсыпать истертое в тончайший порошок стекло от разбитых электрических лампочек. Через полгода Маруся умерла от кровотечения в кишечнике.

На могиле ее король поставил памятник. Высокий слон из черного мрамора с золотой короной на голове стоял, печально опустив хобот, в густой траве, доходившей ему до колен. Под этой травой лежала Маруся Весницкая — молодая королева Сиама».

Романтическую и печальную эту историю я крепко помнил и даже верил в нее, отправляясь в Таиланд, называвшийся до 1932 года Сиамом. Помня же, использовал любую возможность, чтобы выспросить о памятнике в форме черного слона, хотя и сомневался, чтобы он действительно был черный. У тайцев траурный цвет белый, да и символ королевской власти и могущества, как в соседних Лаосе и Бирме, слоны-альбиносы. К тому же по традиции в земле в этой стране не хоронят, а кремируют.

Памятника я так и не нашел. Его просто нет. А вот Маруся Весницкая из рассказа-легенды Константина Георгиевича существовала... Звали ее Екатерина Ивановна Десницкая. Родилась она 27 апреля (старого стиля) 1886 года, о чем имеется под № 16 соответствующая запись в метрической книге Свято-троицкой церкви в Луцке, в семье статского советника, то есть гражданского генерала, И. С. Десницкого. Надгробный памятник ему и сейчас стоит на церковном погосте, охраняемый государством.

Отец скончался, когда Екатерине Ивановне, тогда Кате, было два года, оставив семье весьма скромные, если не скудные, средства. Мать — в 1904 году. Из близких родственников оставался старший брат Иван, учившийся в Петербургском университете и готовивший себя к дипломатической карьере. Катя поступила в училище сестер милосердия, по окончании которого отправилась добровольцем на русско-японскую войну. В годы учебы и состоялась встреча с блестящим лейб-гусаром, готовившимся поступить в академию русского генерального штаба. Звали его Чакрабон, был он вторым сыном сиамского короля и находился в России уже седьмой год. Познакомились они в светском салоне богатой гусарской вдовы Храповицкой. Хозяйка была дружна с семьей Десницких, и Катя часто посещала ее. Кстати, сама Елизавета Ивановна Храповицкая испытывала глубокую привязанность к компаньону принца — сиамцу, как тогда называли таиландцев, Най Пуму, выходцу из простой семьи. Его отправили в Петербург совместно с принцем, чтобы он, соревнуясь, подгонял своего высокопоставленного товарища. Позже Най Пум принял русское подданство, командовал во время первой мировой войны кавалерийским полком, был популярен среди рядовых за ум и личную храбрость, и после революции его переизбрали на командирскую должность в солдатском Совете.

Принц засыпал будущую невесту телеграммами и письмами, пока она находилась в действующей маньчжурской армии, и даже подал прошение об отправке на русско-японский фронт. В Петербург Е. И. Десницкая возвращалась, имея три боевые награды, в том числе георгиевский крестик, выдававшийся, говоря словами одной из песен того времени, «за храбрость и муки». Принц, которому предстояло скорое возвращение в Бангкок, делает Кате формальное предложение. А поскольку он был вторым кандидатом на сиамский престол после старшего брата и первым по привязанности со стороны отца и матери, становится понятным, что завязывавшиеся узы в глазах всего мира отнюдь не были лишь чисто семейным делом.

Чтобы не томить читателя, скажу, что Екатерина Ивановна прожила долгую жизнь, пережив своего мужа на сорок лет. Принц Чакрабон, родившийся в 1883 году, скончался в 1920-м. Смерти вообще пошли серией в его семье, когда с 1919 по 1924 год ушли из жизни мать-королева, три брата, шесть сводных братьев и король, его старший брат. После него, согласно закону о наследовании, должен был бы стать королем скончавшийся четырьмя годами раньше Чакрабон. Случись так, возможно, и стала бы и Е. И. Десницкая, носившая в Сиаме титул принцессы На Питсанулок, королевой.

Знаток того периода в истории Таиланда, работающий в Гонолулу ученый Уолтер Велла считает, что серия смертей свершилась «с вызывающей тревогу частотой». Екатерина Ивановна покинула страну как раз в канун этого тревожного периода. А вообще-то в ее сиамской жизни таких периодов бывало немало.

2

На вторник 26 ноября 1985 года пришелся традиционный тайский праздник, именуемый «лой кратонг». По древнему обычаю с наступлением ночи тысячи и тысячи людей отправляют по волнам рек, каналов, озер и прудов — где что имеется — бумажные кораблики «кратонги» с горящей в середине свечой. Чем дальше уйдет суденышко, чем дольше не задует или не опрокинет в воду его огонек ветер, тем надежнее обеспечены судьбой задуманные сокровенные пожелания. Мириады огней отражаются в эту ночь в Чаопрае и десятках впадающих в нее каналов, речушек и протоков.

В ту ночь даже два роскошнейших отеля, «Ориентал» и «Оркид», чьи окна выходят на реку, зажгли на воде собственные гигантские «кратонги». С огромных рисовых барж, зачаленных по берегам, матросы запускали самодельные ракеты, норовя попасть друг в друга. Шла трескучая перестрелка и через каналы. Везде что-то светилось, сверкало и блестело на водах. С подворий прибрежных буддийских монастырей гремели радиолекции о «лой кратонге».

Возвращаясь с празднеств, я переправлялся через Чаопраю в моторном сампанчике из заречья, именуемого в Бангкоке Тонбури, на свой, «городской» берег. Народу набилось множество. Рядом, смежив веки, прижав к груди собственного изготовления «кратонг», беззвучно шевелил губами пожилой рикша. Формулировал вопросы к духам-покровителям в ожидании, когда выйдем на стрежень, где он и хотел спустить на воду свой «кораблик за счастьем». Напротив на коленях папаши крохотный ребеночек размахивал пухлым кулачком, в котором цепко сжимал горящую палочку бенгальского огня. Потоки искр сыпались на бензобак. Гуляющий над Чаопраей ветер подхватил белокурые пряди туристки, поджег их о чей-то «кратонг». Кондукторша, совсем как наша московская когда-то — с сумкой, кинулась тушить. Все весело смеялись.

Добравшись через час до своего корпункта, увидел на столике возле телефона записку: «Звонил г-н Иотхонг. Просил передать, что заедет около 7 вечера завтра. Вы отправитесь в то место, о котором договаривались». Я не запускал «кратонг». Но если бы и сделал это, то и тогда не осмелился «запросить» того, что, судя по всему, ждало завтра, то есть это уже было сегодня...

Судьба свела с Иотхонгом Тебтевмаем, таиландским журналистом, писателем и общественным деятелем, в 1982 году в Пномпене. Мы приехали туда не только с двух разных концов земли, но и политических полюсов. Общеизвестно, какую позицию занимали в Бангкоке в годы тянувшейся в Индокитае освободительной войны. Потом Иотхонг много писал о жизни в новой Кампучии, посмотрев на нее собственными глазами, что было делом далеко не простым и безопасным для таиландца дома. Обитали мы — иначе не скажешь, имея в виду разруху, оставленную кампучийской столице в наследство полпотовцами,— в огромной пустой, гулкой гостинице. Была она специально построена в сиануковские времена для высокопоставленных гостей на берегу Меконга. Мы сходились по вечерам в вестибюле, таком же гулком и пустом, как гостиница. Говорили об Индокитае, советско-тайских отношениях. Естественно, оказавшись в Бангкоке, я сразу позвонил коллеге, тот откликнулся, и в первую же нашу встречу на тайской земле я и рассказал об имевшейся у меня выписке из Паустовского. Рассказал к слову, в конце разговора, особенно не надеясь на результативный ответ.

— Вооружись терпением,— сказал тогда Иотхонг.— Возможно, и помогу...

Этой темы больше не касались. Газетчики живут завтрашним днем, а не историческими изысканиями. К тому времени, правда, мне стало известно, что женившимся в России принцем был Чакрабон, крупный политический и военный деятель своего времени. Знал, что у него был сын — принц Чула Чакрабон, писатель, ученый-историк, автор обширного эссе о Екатерине II, а также фундаментальной монографии о нынешней королевской династии Чакри. Он имел чин генерала, много путешествовал, известен как устроитель автогонок, жил попеременно то в Таиланде, то в Англии. Но и только.

И вот этот звонок. Накануне же «лой кратонга» Иотхонг сказал:

— Помнишь, год назад ты заводил разговор о русской, вроде бы вышедшей замуж здесь, в Бангкоке, за принца? Возможно, послезавтра нас примет принцесса Нариссара Чакрабон. Жду подтверждения...

Здесь, наверное, необходим небольшой исторический экскурс. Сиам, как мы сейчас называем Таиланд, оставался в Азии единственной страной, избежавшей колониального порабощения. Независимость удавалось сохранять в напряженнейшей дипломатической борьбе на внешнем фронте. Одновременно велась постоянная работа по внутренней модернизации сиамского общества. Угроза была серьезной. Франко-британский договор от 8 апреля 1904 года, положивший начало Антанте, предусматривал раздел сфер влияния между двумя державами в мире так, что их граница в Юго-Восточной Азии проходила через середину Сиама. Это значило, что две крупнейшие страны-колониалисты попросту договорились захватить в будущем каждая по половине страны: Англия — из Бирмы, Франция — из Лаоса и Кампучии, бывших частью так называемого «французского Индокитая».

Проведение широких и смелых социально-экономических и государственных реформ становилось для Сиама, таким образом, вопросом жизни и смерти. Они осуществлялись сверху. Король ликвидировал личную зависимость крестьян от феодалов, принудительные повинности, уничтожил остатки рабства, закрепил законодательно собственность на землю. Единовластно правивший Чулалонгкорн, отец Чакрабона, будущий тесть Е. И. Десницкой, обладал широким кругозором. Он прекрасно представлял, что можно и что не следует ждать от Запада. Этот выдающийся политик, которого тайцы, знакомые с русской историей, сравнивают с нашим Петром I, выступал в той конкретной исторической обстановке с патриотических, или, как бы мы сейчас сказали, антиимпериалистических позиций, хотя и при всей их ограниченности интересами своего класса. Разослав сыновей учиться по странам Европы, он вел с ними обширную переписку. В частности, Чакрабон постоянно информировал отца об обстановке в Восточной Европе, о русской дальневосточной политике. Принц не раз передавал письма отца лично Николаю II, вел переговоры с представителями различных государств, прибывавшими в Петербург.

На Россию Чулалонгкорн возлагал большие надежды. Он видел в связях с ней противовес отчаянному натиску на Сиам французов и британцев. В своей поездке по Европе, предпринятой в 1897 году, он выбрал Петербург в качестве первой и самой длительной остановки. Фотографии Чулалонгкорна с русским императором и в наши дни висят на видных местах во многих общественных зданиях, университетах, частных домах и даже магазинах Бангкока. В Таммасатском университете мне рассказывали, что поначалу правительство Франции, учитывая натянутые отношения с Бангкоком, не намеревалось приглашать главу Сиама официально. Появление в русских газетах фотографии Чулалонгкорна вместе с русским императором заставило Париж изменить свой подход. В Петербурге в 1897 году было договорено об обмене дипломатическими миссиями и присылке сына короля на учебу. Так завязывался узел политических связей, втянувший через восемь лет и ниточку кровного родства правящей в Таиланде династии с Россией.

...Послезавтра наступило. Едем с Иотхонгом в моей «тойете» по Махарадж-роуд, сворачиваем напротив рынка Та Тиен на берегу канала, впадающего в Чаопраю, направо. В перспективе улицы — инкрустированная фарфоровыми осколками башня Ват Арун, храма утренней зари, поднимающаяся на 80 метров в заречье, флагшток над военно-морским причалом, вечерние сигнальные и проблесковые огни катеров и сампанов. Поравнявшись с забором департамента внешней торговли, по подсказке спутника сворачиваю к зеленым воротам в глухой стене с надписью по-тайски и по-английски «Дом Чакрабонов». Рядом с надписью фамильный герб — венок с пронзающим его жезлом.

Даю условленные три сигнала. Створки распахиваются, охранник подносит руку к фуражке. Лучи фар, когда выруливаю к указанной им стоянке, выхватывают из полумрака беседку, какие увидишь в любом городском парке нашей средней полосы где-нибудь над крутым речным берегом. Поднимаемся между старинными пушками по мраморным ступеням крыльца. На последней, как принято в тайских домах, сбрасываем обувь, проходим мимо знамен, выставленных перед вестибюлем, деревянного медведя-вешалки. В просторной прихожей Иотхонг представляет меня молодому тайцу в белом. Он приветливо протягивает руку.

— Я Сувича Хиранпруек. Прошу. Принцесса рада будет вас видеть...

Тонкое, чуть асимметричное, немного нервное лицо.

Это ее супруг. На визитной карточке значится: «Советник министерства внутренних дел».

Оглядываюсь на бронзовую статуэтку — барская тройка сшибает в сугроб крестьянские сани.

— Это куплено в Петербурге...

Первое, что замечаю в гостиной, это великолепный портрет маслом вне сомнения русской женщины. Догадываюсь: Е. И. Десницкая, принцесса На Питсанулок. Подле другой портрет, молодого человека, сына Екатерины Ивановны — принца Чулы, в котором черты матери едва угадываются. Глаза же — отца. Портреты принца Чакрабона я видел раньше. А через несколько минут такие же глаза перед нами воочию... Вошла принцесса.

Бело-черная в крупную клетку просторная блуза, красные шаровары. Как принято у таек в доме, босиком. Массивные серебряные браслеты очень тонкой работы, крупные серьги с бриллиантами в форме сердец. Из серебряной вазы достаются визитные карточки для меня и Иотхонга. Нас представляют Нариссаре Чакрабон, внучке Екатерины Ивановны и принца Чакрабона, правнучке по прямой линии Чулалонгкорна. У дальней стены на маленьком столике под портретом ее деда замечаю бронзовую фигурку русского гусара на коне.

Говорю принцессе, что легенда о ее бабушке жива на родине, рассказываю о повести Константина Георгиевича. Спрашиваю, знает ли она по-русски, объясняю, что такое «Правда», собкором которой работаю в этой стране. С супругом находим общие точки соприкосновения: много лет назад он служил в качестве тайского добровольца в войсках лаосского правого генерала Ванг Пао, бывал в Кампучии; вспоминаем чудачества местных политиков того времени, поскольку и мне довелось работать собкором в Юго-Восточной Азии; выходит, что, возможно, и встречались мельком на приемах во Вьентьяне и Пномпене в 60-х и 70-х годах. Что ж, прошлое не вычеркнешь. Но не всякое прошлое стоит так уж подробно вспоминать в новое время, когда слишком многое нужно сделать, чтобы не повторились ужасы войны, тянувшейся в Индокитае почти сорок лет. Да и в советско-тайских отношениях должна открыться новая страница.

— Еще год назад наша встреча с корреспондентом «Правды» показалась бы мне чистой фантазией,— говорит улыбаясь Сувича Хиранпруек.

А за ужином поднимает тост:

— За наших социалистических русских друзей!

Заговорили об истории дома Чакрабонов. Я невольно вспомнил — да простит читатель! — десятки раз цитировавшиеся слова М. М. Пришвина про необходимость быть влюбленным в ту сторону прошлого, где открыты ворота для будущего. Про них и сказал в ответном слове.

Обращались ко мне уже по имени, а поскольку говорили по-английски, отказ от «мистера Скворцова» означал переход на «ты». Мне тоже предложили оставить «ваше высочество» и «мистер Сувича».

За кофе, снова в гостиной, Нариссара положила передо мной несколько пожелтевших листков плотного пергамента.

— Валериан, посмотри на эти письма. Почерк разборчив?

Документу восемьдесят лет. Передо мной письмо Екатерины Ивановны Десницкой к брату в Петербург. Адрес на конверте по-русски и французски: Ивану Ивановичу Десницкому, Васильевский остров, Филологический переулок, № 3, коллегия Александра II. И начало: «Бангкок, 10 сентября 1906 г. Дорогой Ваня... Если бы ты знал, что это за прекрасная, честная, добрая личность. Конечно, многие, говоря о моем замужестве, упоминают только о богатстве и роскоши, а о счастии молчат, но я скажу, что больше любить, понимать и уважать друг друга невозможно, и никому не желаю лучшей семейной жизни. Так люблю его, как даже и не думала». На другом листке: «Я уже больше недели как не могу спать, все чудятся самые ужасные картины. Читаю русские газеты, телеграммы иностранных газет и сжимается сердце от боли. Что-то даст Дума, неужели начнутся те же ужасы, что и раньше. Англичане пишут ужасные вещи. Пиши, дорогой Ваня, много и чаще...» В России, даю комментарий к письму, первая революция. В следующем письме: «На прошлой недели смотрели синематограф. Театр держат японцы. Я только просила исключить снимки русско-японской войны, так как воображаю, что бы это было...»

Почерк в начале писем четкий, ровный и некрупный, но потом, что называется, разгоняется, становится торопливым, буквы вытягиваются и укрупняются, делаются неразборчивыми, но, пообвыкнув, разбираю. За письмами появляются петербургские дневниковые записи принца Чакрабона по-русски, его письма в Россию из Бангкока, да на каком прекрасном русском языке!

Получаю разрешение просмотреть архив «насквозь», но с условием: перевести его на английский. Работа огромная, ведь это многие сотни страниц старых рукописей! Однако иного пути нет. Принцесса хочет знать, чем располагает, что содержится в обширной дедовской переписке и дневниках, прежде чем дать разрешение для подготовки соответствующей публикации. Она и сама работает над книгой о необыкновенной судьбе и любви Екатерины Десницкой и принца Чакрабона.

Работу в библиотеке дома Чакрабонов я начал утром 17 января нынешнего года.

3

Провожали принца Чакрабона и Катю Десницкую на вокзале в Петербурге в Сиам брат Иван и Храповицкая. Най Пум, «дублер» принца, не пришел, сославшись, видимо, на какие-то причины. Какие — станет известно несколько позже, и они весьма осложнят вживание будущей принцессы На Питсанулок на новой родине. Бракосочетание состоялось в Константинополе. Совершалось ли оно по православному обряду или нет, мне пока не известно. Если да, то какой-то документ на этот счет сохраниться должен, как сохранились свидетельства о браке родителей Кати и ее рождении в Луцке. Копии их Нариссара предоставила в мое распоряжение... Возможно, и для появления третьего документа на свет время придет, а задержка с этим объясняется той значимостью, какой эта бумага — если она существует — может обладать в Таиланде, где члены королевской фамилии как бы возглавляют тайцев и как буддистов, являются символом буддизма.

Однажды, когда я работал в библиотеке Чакрабонов с рукописями, которые при моем появлении доставал из железного ящика «кхун От», то есть господин От, старейший слуга семьи, и ставил на столик вместе с кофе и ледяной водой, зашла Нариссара. Я «проходил» письма Екатерины Ивановны, посланные ею брату во время долгого пути через Средиземное море, Суэцкий канал и Индийский океан. Особенно длительной остановка была в Каире, где принц вел напряженную дипломатическую работу, выполняя те задания отца, которые были даны еще через сиамского посланника в Петербурге. (Посольство Таиланда находилось на Адмиралтейской набережной.)

— Я хотела, чтобы ты действительно осознал, Валериан, что именно произошло... Представь хотя на минуту, что нынешний наследник на престол женится на русской девушке...

Такого я представить не мог. Тем более такого не могли представить себе восемьдесят лет назад. Браки в королевских семьях в отличие от обычных заключаются отнюдь не на небе. Судьбу царствующих потомков решали на земле, сообразуясь с политическими, государственными и экономическими конкретными интересами. И вдруг — именно вдруг — осиротевшая, без средств и связей простая девушка оказывается пост-фактум женой принца, да еще именно того, на которого король Сиама, всю жизнь крайне недоверчиво относившийся к иностранцам, возлагает как на способнейшего в семье свои государственные надежды.

Чулалонгкорн был вправе надеяться на бдительное око своего личного друга Николая II в отношении сына как на самого себя. Русский царь заявил: юный Чакрабон для него приемный сын. Позже царь согласился стать крестным отцом Най Пума, когда тот перешел из буддизма в православие. В Петербурге полагали: компаньон принца простым смертным быть не может, получает одинаковое содержание из Бангкока, стало быть, он внебрачный сын кого-либо из братьев сиамского короля, если не его самого. То, что в Бангкоке у монарха только официальных жен имеется три, первая из которых Саваобха, мать Чакрабона и следующего сиамского короля Вичаравута, и считается в европейском смысле королевой, а затем королевой-матерью, в России еще не представляли, а сиамцы на этот счет не распространялись. Здесь тоже была проблема для Кати и ее мужа. Чакрабон стал первым в королевской семье, напрочь отказавшимся от традиции полигамии.

Выйдя из академии генерального штаба русским полковником, Чакрабон перед возвращением на родину нанес прощальный визит царской семье. Николай II вручает сиамскому принцу высший орден России — св. Андрея. Сиамский гусар в полковничьей форме ничего не сказал царю о том, что, помимо русского воспитания и образования, увозит с собой и русскую невесту. Вне сомнений, царь бы спросил: знает ли об этом отец? А поскольку ответ был бы «нет», русские власти имели достаточно способов закрыть выезд для Кати.

Хотел бы процитировать запись из дневника Чакрабона от пятницы 24 января 1902 года. В тот день как выпускник пажеского корпуса он приехал в полк, куда, как тогда говорили, он выходил. Принц пишет: «Сегодня обедали у кн. Оболенского в конном полку. Были все наши да еще флигель-адъютант гр. Шувалов. Обед был очень хороший, и, как мы уже предвидели, пьянствовали много. Играли балалаечники конного полка, и также хорошо как всегда, конечно. Я должен был пить весь бокал несколько раз за гусарский полк. После обеда попойка продолжалась, балалаечники играли в честь брата, меня и т. д., и мы должны были пить. Потом вызвали песенников 2-го эскадрона гр. Шувалова и опять пили за здоровье, начали и т. д. Вообще здорово кутили. Все были пьяны больше меня, мне же совсем плохо было и должен был лечь на постель хозяина. Шувалов был совсем пьян, целовался со всеми, со мной в том числе. Никогда еще не был таким пьяным. Они мне говорили, что нужно приготовиться для гусарского полка».

Однако предложение Кате Десницкой и обстоятельства ее отъезда с принцем совсем не следует представлять себе эдаким «гусарским умыканием», безоглядным и безответственным. Не такой был человек принц Чакрабон. В его дневнике вышеприведенная запись — единственная о такого рода «событиях». Да и случилось гулянье лишь в связи с приездом в Петербург одного из братьев Чакрабона. Другие записи, почти каждый день,— о театре, музыке, литературе. В воскресенье, 17 ноября 1901 года, принц записывает: «Вечером мы были на концерте в зале Кредитного общества... Сочинения Аренского прекрасны. Одна ария «Они любили друг друга» была великолепная, и слова-то были Лермонтова, так что не могло быть скверно». Принц захвачен чтением тургеневского «Дворянского гнезда». Темой для литературного сочинения в корпусе выбирает образ Лизы Калитиной. Кстати, по русской литературе, русскому языку и истории русских военных походов будущий муж Кати Десницкой всегда имел тогдашний высший балл — 12, частенько и с плюсом.

«В Петербурге,— писала Катя брату из Каира,— Лек меня совсем закружил». (Леком звали Чакрабона родные и ближайшие друзья.) В Египте молодая женщина увидела вплотную, в реальной близости то, каким бывает ремесло принцев. Муж значительную часть времени посвящает напряженной работе, встречам с сиамскими дипломатическими агентами и военными представителями, приехавшими специально для этого в Египет из Европы. «Думаю, что будет страшно трудно быть в Сиаме,— продолжает Катя письмо.— Разлука с Россией оказалась гораздо тяжелее, нежели я думала... Надо себя утешать другим: а именно сознанием, что вышла за любящего человека и этим сделала его счастливым».

Окончание следует.

ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

В старый Новгород переносит рукописная книга, обнаруженная в хранилище библиотеки областного историко-архитектурного музея-заповедника. Этот фолиант в кожаном переплете, иллюстрированный красочными гербами и схемами, называется «Новгородского наместничества топографическое описание».

Автор книги, Петр Козлянинов, находившийся на государственной службе, со знанием дела сообщает, что «домы для житья губернатору и обер-коменданту деревянны, и из обывательских строений каменных 39, деревянных 1473 да лавок — 98».

Не менее любопытны замечания о жителях старинного города на Волхове: «Купцы, мещане, священники и церковнослужители, ямщики и разночинцы,— а всего 7126 человек». Из них «двести мастеровых людей заняты на парусной адмиралтийского ведомства фабрике, до ста человек работают на кожевенных, свечных, воскобойных и кирпичных заводах... А кроме того, имеются ремесленные люди».

Таким был Новгород, ныне крупный промышленный и культурный центр, в котором насчитывается более 230 тысяч жителей.

КЛАД ВО ДВОРЕ

Одного взмаха лопатой ржевскому слесарю Валерию Соловьеву оказалось достаточно, чтобы обнаружить клад золотых монет.

Задумав подсыпать дорожку к сараю, он вместе со своим помощником, учащимся СПТУ Сергеем Проконькиным, решил воспользоваться громоздившейся во дворе кучей земли. И только стали наполнять носилки, как блеснул маленький желтый кружок. Начали потихоньку разгребать кучу и увидели разбитый глиняный горшок, из которого посыпались золотые монеты, серьги, кулоны, подвески.

Валерий и Сергей отнесли сокровища в милицию, а следом за ними потянулись один за другим соседи: кто с такими же монетами, кто с украшениями. Оказалось, что Соловьев и Проконькин выявили не весь клад: ведь горшок был разбит, и его содержимое находили в перекопанной земле и другие жители двухэтажного дома. Не сговариваясь между собой, они сдали свои находки в милицию. Их всех ждет поощрение в виде четвертой части стоимости находок. А они оценены, по самым предварительным подсчетам, в 52 тысячи рублей.

Старожилы Ржева считают, что сокровища принадлежали помещику, бежавшему из города после революции: на том месте, где они обнаружены, стояла его конюшня...

РУКА ДЕЙСТВУЕТ!

Пока что Владимир Белов только слегка шевелит пальцами правой руки, но и это радует врачей.

...Беда случилась в океане, в 320 километрах южнее Новой Зеландии, во время работы из-за собственной неосторожности рыбак потерял кисть руки.

— Сначала даже не почувствовал боли,— рассказывает он.

Схватив левой рукой отрезанную кисть, молодой рыбак бросился к врачу. С этого момента и началась борьба. Судовой доктор В. Биль обработал рану, поставил капельницу, кисть поместил в полиэтиленовый мешок с водой и льдом, положил в холодильник. Капитан корабля В. Елистратов приказал взять курс к ближайшему новозеландскому берегу. 18 часов шел траулер «Боксит» до места встречи с вертолетом спасательной службы, все это время на судно поступали рекомендации от хирургов госпиталя города Крайстчерча.

Лишь через 21 час после того, как случилась беда, началась операция по приживлению кисти. Длилась она больше восьми часов. Проводила операцию бригада врачей, возглавляемая доктором Стюартом Синклером. На второй день после операции В. Белов смог пошевелить одним пальцем. Через двадцать дней заставил двигаться уже четыре пальца. А сейчас, три месяца спустя, работает всей кистью. Врачи уверены, что после двух-трех лет упорной тренировки вновь возвращенная рука заработает как прежде...

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька».

Сантехнический гамбит. Фото А. Фокина

Однажды летом... Фото Я. Смелянского

КАЛЕЙДОСКОП

злой дух

ПАТРИАРХ

МОНОЛОГ СЕРЬЕЗНОГО ЧЕЛОВЕКА

По всей видимости, скоро мне придется уйти на пенсию. Возможно, с конфискацией имущества. В этот непростой и ответственный момент моей жизни я обращаюсь к вам, мои дорогие дети, Ваня, Петя и Любочка.

Ребятки! Сейчас для того, чтобы жить, мало вертеться. Надо еще и кое-что знать. А ведь вы, мои дорогие, ни черта лешего не знаете.

Помнишь, Ваня, какие характеристики ты получил после вытрезвителя? Глянешь — парень вроде в пионерлагере был, в утренниках принцев золотистых играл...

Помнишь, Петр, как ты просадил в общежитии полторы тыщи в преферанс? Как тебя, шельмец, папа выручил?

А ты, Люба? Ну, о тебе не будем...

Но сейчас буду говорить не об успехах и достигнутом, а о волнениях и тревоге.

Да, именно тревога томит душу. Тревога за вас, мои хорошие!

Ваня, сначала о тебе. Знаешь ли ты, что твоя профессия скоро станет неперспективной? Как только «фанту» и «пепси-колу» начнут продавать автоматы — ты вымрешь, как динозавр. Ты это знаешь? И плакали твои тысячи! Автоматом ты не станешь — не та школа. Так что надо менять квалификацию. Да и в людном месте работаешь — это нынче опасно.

Петя! Тебя мне тоже нечем утешить. Дефицита запчастей в ближайшее время больше не будет. Так что предупреждаю: в сжатые сроки разгрузи, милый, свой гараж — реализуй все распредвалы.

Не хотел я тебя видеть протирающим штаны в конторе за сто двадцать без вычетов, гоняющим чай и разгадывающим кроссворды: «Областной центр в Сибири? Магадан!» Да, видно, придется на время в лифтеры или в сторожа податься.

Теперь о тебе, Любочка.

Я понимаю, душой прикипела к месту. Но все же послушай меня, старого: мотай из своего винного отдела! У тебя размах дай боже — и вряд ли ты сможешь остановиться, это ты не в меня. Пока все щели не перекрыли — уходи. Торгуй хоть мороженым да соками, лишь бы все выглядело тип-топ.

Горячо советую вам сейчас не бросаться в глаза.

Я бы, Ваня, на твоем месте избавился сейчас от «мерседеса» — хоть на «двадцатьчетверку» поменяй, смирись. Надо же от чего-то и отказываться! И скажи своей, чтоб она не смела ходить в кино в своем бриллиантовом колье. И пацану не разрешай в школу видеомагнитофон носить — он с ним обращается... как со старым велосипедом.

То же и к тебе, Люба, относится. Особо-то дачей не хвались. «Трехэтажная!.. С двумя подземными гаражами!..» Люди скажут: раскошествует; станут подозревать бог знает в чем. Думаешь, вечно на это будут сквозь пальцы смотреть? Найдется какой-нибудь щелкопер, бумагомарака — обрисует, своих не узнаешь. Тут психологию надо учитывать!

И последнее. Если мне все же удастся отвертеться от пенсии... и от конфискации, я, невзирая на мое положение, в торге прочный авторитет, который есть лучшее алиби, уйду в тину — каким-нибудь завмагом в пригороде. Отсижусь до лучших времен.

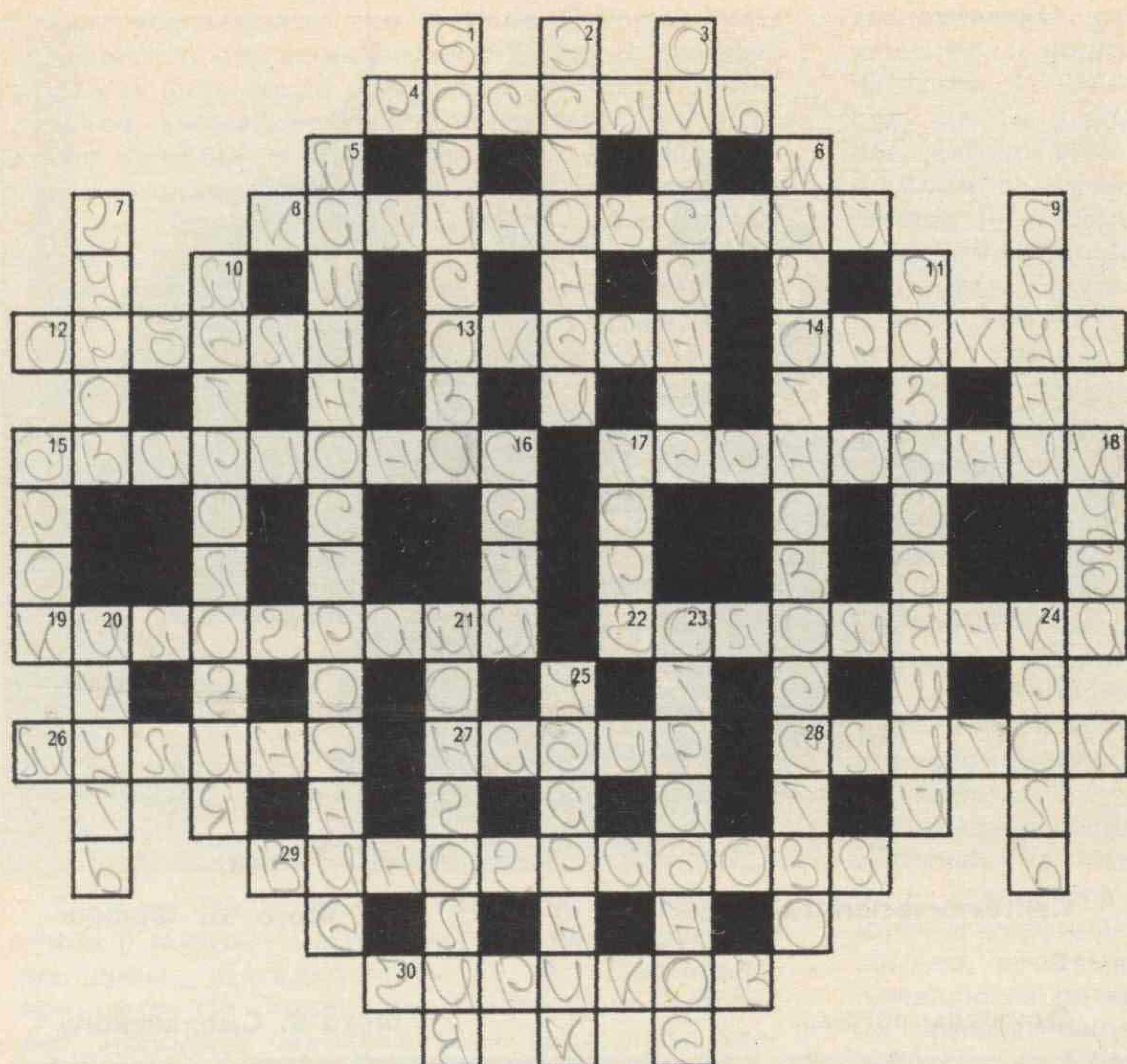
Так что вы не медлите...

И цените мою сегодняшнюю откровенность. Я больше болтать не намерен. Завтра вы меня не узнаете. Начиная с завтрашнего дня я буду выглядеть абсолютно праведным, более чем когда-либо: я буду в меру взволнован и в меру сдержан, я буду гневно осуждать и радостно рапортовать, я буду апеллировать, аплодировать, голосовать, вносить предложения, распекать и каяться...

Но в трудную для вас минуту я всегда буду вашим добрым папой, который рад поделиться и советом, и монетой.

Хороших вам урожаев!..

Игорь ДЬЯКОВ

кроссворд

По горизонтали: 4. Месторождение полезного ископаемого. 8. Белорусский революционный демократ, последователь Н. Г. Чернышевского. 12. Физиолог, академик, Герой Социалистического Труда. 13. Симфония А. Г. Рубинштейна. 14. Басня И. А. Крылова. 15. Литовский композитор, дирижер, народный артист СССР. 17. Колючий плодовый кустарник. 19. Единица веса. 22. Рыба, обитающая в озере Байкал. 26. Сорт цветных ниток для вышивания. 27. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Искатели жемчуга». 28. Металлическая заготовка. 29. Инициатор стахановского движения в текстильной промышленности, Герой Социалистического Труда. 30. Русский мореплаватель XVIII века.

По вертикали: 1. Народная артистка СССР, выступающая в Театре имени Вахтангова. 2. Представитель коренного населения союзной советской республики. 3. Фиксирование результатов опыта. 5. Комплекс отраслей тяжелой промышленности. 6. Отрасль сельского хозяйства. 7. Персонаж рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой». 9. Русский исторический живописец XIX века. 10. Наука об измерениях, методах достижения их единства. 11. Военнослужащий, расставляющий часовых на посты. 15. Декоративный кустарник семейства бобовых. 16. Приток Десны. 17. Картина художника-передвижника Н. В. Неврева. 18. Республика в Центральной Америке. 20. Приток реки Сож. 21. Народная республика в Центральной Азии. 23. Город в Ленинградской области. 24. Способ спортивного плавания. 25. Передовой работник социалистического производства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 7. Лексика. 8. Депутат. 9. Крыжачок. 11. «Молотьба». 13. Комиссия. 16. Погода. 17. Ратмир. 18. Рационализация. 21. Зрение. 22. Куузик. 23. Корзинка. 26. Технеций. 28. Ермолова. 30. Пастель. 31. Береста.

По вертикали: 1. Метроном. 2. Динас. 3. Жако. 4. Ядро. 5. Оплот. 6. Барбарис. 10. Комментарий. 11. Местоимение. 12. Комарно. 13. Калибек. 14. «Ярмарка». 15. Стригун. 19. Дромедар. 20. Киловатт. 24. Жерех. 25. Кодры. 27. Ильм. 29. Рыбы.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Шпицберген. Коротко полярное лето, но и оно радует бурным цветением трав — праздником красок тундры. (См. в номере материал «На Шпицбергене»).

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

СКОРО

НАСТУПЛЕНИЕ НА АРИТМИЮ

— Нарушения сердечного ритма... Операции без вскрытия сердца. А школа, созданная Бредикисом по электрокардиостимуляции! Он пионер этого дела в стране. И не только как хирург — как соавтор технических новинок. У него десятки изобретений...

Эти слова принадлежат знаменитому хирургу, ученому-кибернетику и писателю, члену-корреспонденту АМН СССР, действительному члену АН УССР Николаю Михайловичу Амосову. Вы прочтете их в одном из номеров журнала, в очерке Галины Куликовской о профессоре Ю. Бредикисе, чьи работы по диагностике и хирургическому лечению тахиаритмий, так же как и доктора биологических наук Ф. Букаускаса, и труды их московских коллег профессора Л. Бокерия и старшего научного сотрудника А. Ревишвили, представлены на соискание Государственной премии СССР.

«КЛЕВЕР НА СПИНЕ»

ПОЧЕМУ МЫ ПЛОХО БЕГАЕМ?

На недавно состоявшемся чемпионате Европы по легкой атлетике советские спортсмены добились победы всего в двух видах бега из тринадцати. Особенно велико отставание наших мужчин, выступающих на длинных дистанциях. Почему же в таких сложных видах легкой атлетики, как прыжки и метания, мы сильнейшие в мире, а в беге все чаще проигрываем? Попытку ответить на этот вопрос вы сможете найти в статье А. Бойко «Бег назад».

СКОРО

НОВАЯ РУБРИКА!

МОДА: КРИК И ЭХО

— Главное в том, что брейк нашел, выработал в себе новый ритмический рисунок и как результат специфическую экспрессию, которая-то и воздействует так ошеломляюще на всех нас,— говорит народный артист СССР Вячеслав Гордеев, один из участников «круглого стола», организованного нашим корреспондентом В. Кирюхиным.

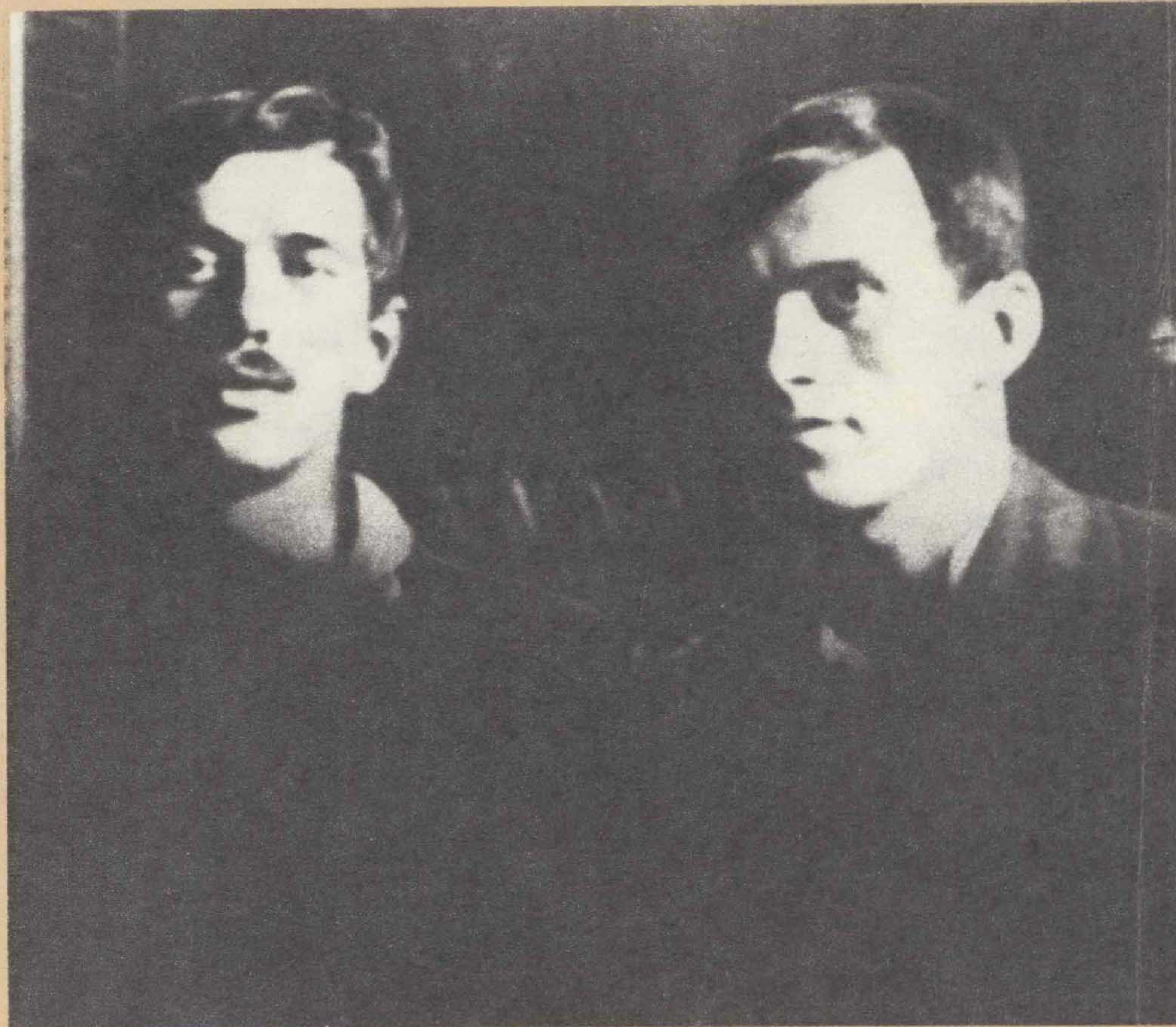
Хотим мы того или нет, брейк существует — и как молодежное движение, и как стиль в профессиональном искусстве. О его особенностях пойдет разговор в одном из ближайших номеров журнала.

«КАК Я ЛЮБИЛ ЕГО СТИХИ...»

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ В ДНЕВНИКАХ И ПЕРЕПИСКЕ К. И. ЧУКОВСКОГО

К. И. Чуковский написал один из лучших литературных портретов Маяковского. Он широко известен. Но в переписке и дневниках Чуковского, отрывки из которых будут опубликованы в нашем журнале, сохранились драгоценные, неизвестные до сей поры сведения о великом поэте социалистической эпохи. Новое о Маяковском и его круге: штрихи, детали, моментальные наблюдения и более пространные записи мемуарного характера из архива Чуковского не только интересны сами по себе — они необходимы для воссоздания достоверной картины жизни и творчества поэта.

В одном из писем Чуковский признавался: «Блок, Комиссаржевская, Вяч. Иванов, Леонид Андреев, Федор Сологуб, молодой Маяковский — моя бессонная сумасшедшая молодость, мои петербургские ночи и дни!..— все это для меня не цитаты, а живая реальность...»

Так называется глава из репортажа нашего специального корреспондента Олега Шмелева, который побывал в двух морских портах — Таллинском и Новоталлинском.

«Пассажиры ставят свои чемоданы и сумки в длинный ряд справа от трапа. Пограничник ведет вдоль ряда овчарку, умеющую находить наркотики и взрывчатые вещества...»

Если вы хотите узнать, что происходит дальше, читайте в одном из ближайших номеров репортаж «День на таможне».

СКОРО

СЕГОДНЯ

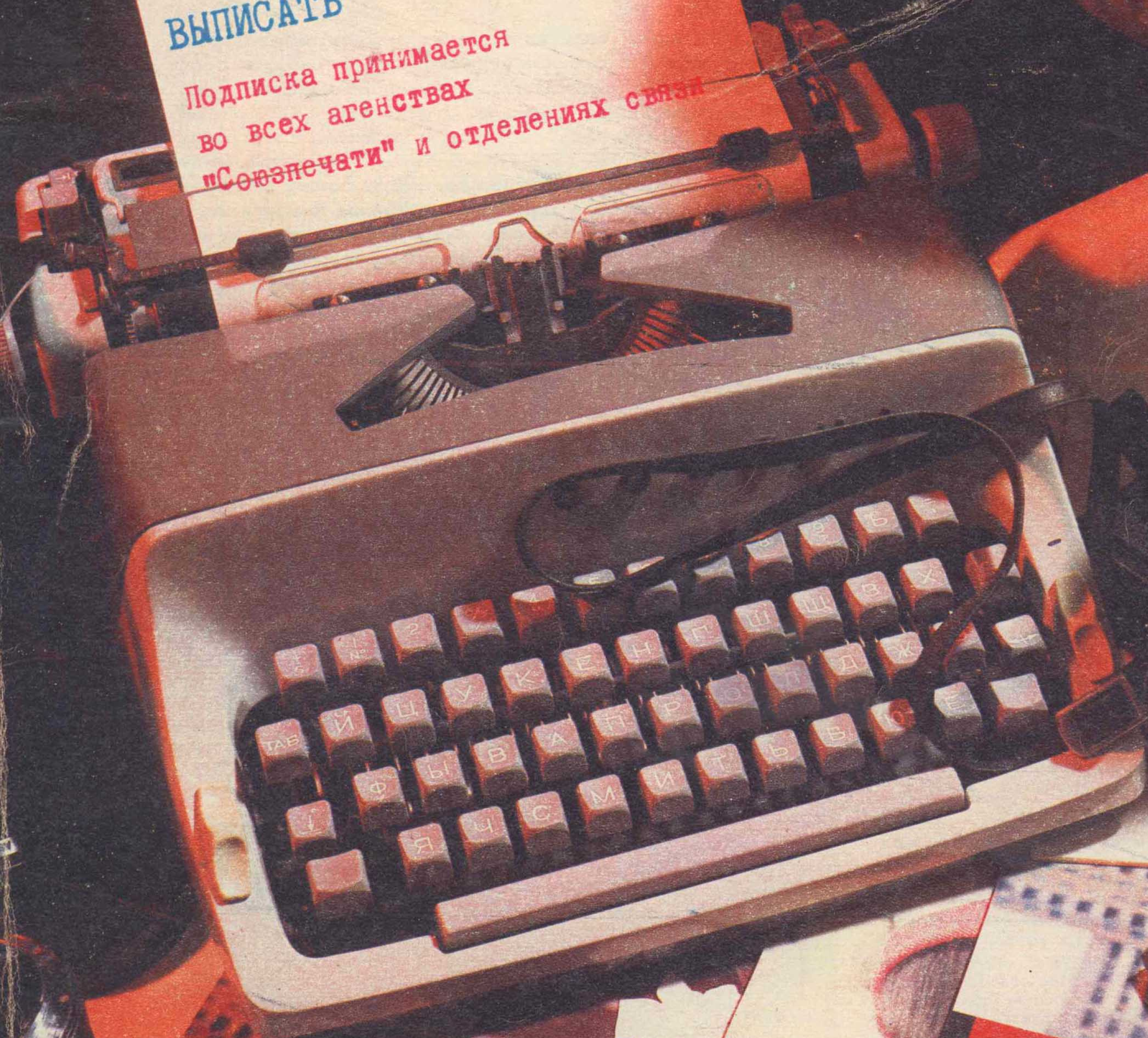
ЕЩЕ

МОЖНО

ВЫПИСАТЬ

ОГОНЁК

Подписка принимается
во всех агенствах
"Союзпечати" и отделениях связи

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663